А 1 7/102

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛАТОНА

Митрополита Московскаго.

Книга 3.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

сколь явно помогалъ намъ Господь силъ, видѣли неоднократно, что, сверхъ чаянія нашего, благословлялъ Онъ насъ побѣдами. И хотя во всякое время должны мы признавать Его благодѣянія и за оныя всеусердно благодарить; но не паче ли, окончивъ прешедшій годъ и вступивъ въ новый, оныя воспомянуть намъ прилично и праведно.

„Россія, любезное Отечество! чувствуй сіи Божіи благодѣянія и съ благодарнымъ сердцемъ признавай Его благій о себѣ промыслъ. Возлюби Его всѣмъ сердцемъ твоимъ и будь почтительна къ святому закону Его. Памятуй всегда Божій судъ, яко Онъ возноситъ и смиряетъ,—и вѣсы Его правосудія склоняй себѣ во благое, соблюденіемъ Его заповѣдей. Храни снисканную славу, проходя непорочно подвигъ свой, и исправленіе должности своей почитай всякъ существенною частію богопочтенія. Не преставай удивлять свѣтъ своимъ благоучрежденіемъ, и примѣры человѣколюбія сообщай роду человѣческому. Впрочемъ, отложи всякую боязнь и увѣрь себя, что небесная защита есть всегда со стороны справедливости“.

Вострубимъ убо, о россіяне, трубою духовныхъ пѣсней въ новолѣтіи нашемъ, во благознаменитый день праздника нашего. Пріидите, возрадуемся Богу помощнику нашему, яко Той есть намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зѣло. Живъ Господь Богъ, и да вознесется Богъ спасенія нашего, Богъ даяй отмщеніе намъ и покоряяй люди подъ насъ, избавитель нашъ отъ врагъ нашихъ гнѣвливыхъ,—отъ возстающихъ на насъ возносяй насъ, отъ мужей неправедныхъ избавляяй насъ. Сего ради приносимъ Ему жертву благодарности и посвящаемъ Ему весь духъ нашъ во всесожженіе.

Предначни же сіе духовное торжество наше Ты, Всеавгустѣйшая и вседражайшая Монархиня! Ибо Россія, по лицу пространства своего разсѣянная въ своихъ членахъ, заключается и представляется въ единой священнѣйшей особѣ Твоей. Почему мы, воспѣвая славу Россіи, воспѣли славу Твою, воспѣли Твои добродѣтели, которыя сильны были склонить къ намъ щедроты небесъ. Предначни убо сіе духовное торжество, яко виновница всѣхъ благъ нашихъ, и насладись плодами славы Твоей. Тебѣ единой Россія и мудрымъ благоучрежденіемъ, и твердою безопасностію, и славою побѣдъ,—Тебѣ единой одолженною себя быть исповѣдуетъ. Пріими убо, при семъ благословенномъ случаѣ, въ началѣ новаго года, пріими отъ вѣрноподданныхъ Твоихъ рабовъ, отъ лица всей Богомъ врученной Тебѣ имперіи, благодарность усердную и вѣрность нелицемѣрную. Продолжай милосердое промышленіе свое надъ подчиненными Тебѣ народами, и Богомъ дарованною Тебѣ мудростію устрояй храмъ благополучія нашего. О! да будемъ токмо мы достойны быть орудіями Твоей Богодвижимой десницы!

Тебѣ же, великая героиня и торжествующая побѣдительница, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Богъ временъ и Владыка всякой твари, благословивый славно прейти прешедшій годъ, да благословитъ и сей настоящій совершить благоспѣшно, продолжая жизнь въ позднѣйшіе вѣка и укрѣпляя дражайшее здравіе Вашего Императорскаго Величества и вселюбезнѣйшаго Наслѣдника Вашего, и тѣмъ наполняя радостію и веселіемъ сердца наши. Аминь.

Слово при случаѣ перваго вступленія въ Тверскую паству, въ архіерео-престольный градъ Тверь *).

По благости Всевышняго, удостоившись узрѣть дарованную мнѣ отъ промысла Его паству, лицо которой вы, благочестивое и мнѣ любезное собраніе, днесь представляете,—сподобившись узрѣть васъ, чувствую, радости и веселія истиннаго, преисполненный, духъ мой. „Кто бо,“—да съ Павломъ возопію,—„кто бо намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія? Не вы ли предъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ“ (I Солун., 2, 19)? Но, при всемъ изобиліи радости, и нѣкоторая боязнь содержитъ душу мою. Радуюсь днесь предъ лицемъ Господа Вседержителя, но со страхомъ,—и приступаю работати Ему исполненіемъ званія моего, но со трепетомъ. Ибо, если представить должность пастыря и паствы и взаимное ихъ отношеніе къ самимъ себѣ, тотчасъ откроются сильныя причины боязни и радости, веселія и трепета.

И во-первыхъ, убо сколь великое удовольствіе есть родителю узрѣть чадъ своихъ, плодъ чрева своего, и естественныя черты свои, или паче видѣть духъ свой, начертанный въ нихъ! Не меньше же и азъ, недостойный пастырь вашъ, наслаждаюсь пріятнѣйшимъ взоромъ вашимъ, находя въ васъ свойство сыновней къ себѣ любви, а потому чувствуя и въ самомъ себѣ силу отеческаго чадолюбія. Нѣтъ ничего божественнѣе, любезнѣе и пріятнѣе сего союза. Но таковое удовольствіе должно быть еще превосходнѣе, что вижу васъ, благословенныя чада Церкви Божіей, благочестіемъ сіяющихъ и добродѣтелію преукрашенныхъ. Извѣстны бо не мнѣ токмо, но прочимъ всѣмъ, любовь обитателей Тверскія паствы къ Богу и къ закону Его усердіе, твердое въ православіи пребываніе и превосходнѣйшее, могу не обинуяся сказать, предъ прочими просвѣщеніе и добронравіе; а похвала и слава, на семъ утверждаемая, превышаетъ все, что ни обыкли люди почитать великимъ и знаменитымъ. Таковыя преимущества града сего и паствы

*) Сказано въ Тверскомъ каѳедральномъ соборѣ 1771 г., мая 1 дня.

нашей привлекли сіе благословеніе Божіе, что Помазанница Господня, Благочестивѣйшая Монархиня наша, объемлетъ градъ сей своимъ особливымъ благоволеніемъ и почитаетъ оный немалоцѣннымъ, очи ея увеселяющимъ, камнемъ короны своей. Како убо сіе не возбудитъ къ радости того, кто сподобился быть пастыремъ паствы таковой?

А отсюда уже ясно блистаетъ пріятная надежда, что труды наши, созидаемые на такомъ основаніи, не будутъ тщетны, но благоуспѣшны и плодоносны. Яко же бо земледѣлецъ зѣло утѣшается, когда на доброй землѣ сѣетъ сѣмена свои, ибо воображаетъ и, какъ бы очами своими, созерцаетъ будущую богатую жатву: такъ и духовный пастырь не меньшее находитъ утѣшеніе, егда видитъ сердца благочестивыхъ христіанъ, избранныя дѣйствіемъ Святаго Духа и къ принятію всякаго наставленія и добродѣтели пріуготовленныя. Онъ уже заблаговременно въ мысли своей обращаетъ и веселый видъ духовной жатвы, и плоды благихъ дѣлъ, собираемые въ житницу небесную, и, ралуяся духомъ, поетъ съ Давидомъ: „Ходяще хождахомъ и плакахомся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидемъ радостію, вземлюще рукояти своя“ (Псал., 125, 6).

Таковая надежда будущихъ плодовъ есть, притомъ, соединена съ упованіемъ за труды мздовоздаянія небеснаго отъ праведнаго Судіи, Бога. Вѣренъ бо есть обѣщавый: „Азъ воздамъ, глаголетъ Господь“. О! каковый источникъ радости долженъ воскипѣть въ сердцѣ пастыря духовнаго, если вообразитъ по трудамъ своимъ неотъемлемый покой въ объятіяхъ Отца небеснаго и уповаетъ предъ лицемъ Судящаго всей земли со дерзновеніемъ сказать: „се азъ и дѣти моя; ихъ же далъ еси мнѣ, сохранихъ, и никто же отъ нихъ погибе“ (Іоанн., 17, 12)!

Такъ не суть ли сіи важныя причины духовной радости моей, при первомъ моемъ узрѣніи вожделѣнныхъ лицъ вашихъ, яко, пріуготовленной мнѣ отъ Божіей судьбы, благія земли, къ духовному дѣланію о Господѣ?

Но, при всемъ таковомъ радостномъ расположеніи духа моего, я долженъ признаться, что и страхъ нѣкоторый и боязнь предстоятъ въ очахъ моихъ. И хотя бы не очень пристойно казалось напоминаніемъ каковой либо боязни смущать чистое ведро настоящаго веселія нашего, но сіе напоминаніе есть таковаго свойства, что оно можетъ предостеречь нашу радость, дабы никогда ничѣмъ она не могла быть нарушена.

Итакъ, во первыхъ, не могу безъ нѣкотораго боязненнаго движенія вообразить тяжесть званія архіерейскаго: ибо попеченію Его порученъ залогъ дражайшій,—души, искупленныя безцѣнною кровію единороднаго Сына Божія. Въ сихъ честнѣйшихъ созданіяхъ, по образу Божію и по подобію сотворенныхъ, надлежитъ всемѣрно хранить, дабы

начертанное въ нихъ подобіе святѣйшее чѣмъ не истребилось, и не помрачилось сіяніе славы образа Божія. Надлежитъ немощныхъ подкрѣпить, скорбящихъ утѣшить, отчаянныхъ возставить, невѣжествующихъ, дерзновенныхъ обуздать, нераскаянныхъ привести въ чувство, кающихся утѣшить и изъ разнообразныхъ видовъ составить врачество, сохраняющее здравіе душевное. Се, гласъ Господа силъ оглашаетъ уши мои: „Сыне человѣчь! стража дахъ тя дому Израилеву: крове, виною твоею погибшаго, отъ руки твоея взыщу“ (Іезек., 3, 17, 20).

Но, кромѣ сихъ общихъ всѣмъ, носящимъ имя пастырское, должностей, какое, притомъ, благоразуміе потребно епископу въ избраніи достойныхъ пастырей и учителей, дабы чрезъ то не пріобщиться къ чужимъ грѣхамъ? какое нужно есть неусыпное попеченіе, дабы всѣ и каждый проходилъ священную должность свою съ подобающимъ благоговѣніемъ? каковая осторожность всегда должна быть, дабы кто, вмѣсто пастыря, не сдѣлался наемникомъ и не отяготилъ бы врученныхъ ему совѣстей соблазнами своими и развращеніемъ? какое надобно имѣть великодушіе въ наказаніи развратившихся и чрезъ то умѣть привести ихъ къ исправленію?..

И хотя, благодареніе Богу! въ паствѣ нашей имѣется довольное число священниковъ благоговѣйныхъ и пастырей учительныхъ, достойныхъ имени и званія своего, которые для насъ суть великая помощь и Церкви украшеніе; но должно же, ахъ! вопросить, не суть ли и таковые, которыхъ Евангеліе называетъ вождями слѣпыми, которые развращеннымъ и невоздержнымъ своимъ житіемъ дѣлаютъ стыдъ Церкви, безчестіе духовенству и порицаніе святынѣ?.. Но закроемъ отъ очесъ нашихъ сію непріятную картину и оставимъ на сей случай пространно описывать сіе несчастіе наше! однако, воображая, каковый должно подъять подвигъ въ исправленіи таковыхъ, чтобы достигнуть до желаемаго нами конца, нельзя не смутиться духу нашему.

Но, вотъ, и еще не малая причина къ умноженію безпокойства, отъ котораго, чтобы паства наша была свободна, тѣмъ предъ Господемъ похвалиться не можетъ, а именно: „недугъ раскола“. Сею болѣзнію страждующіе не токмо въ другихъ мѣстахъ паствы нашей, къ сожалѣнію нашему, находятся; но и сей самый архіереопрестольный градъ нашъ, благочестивый градъ Тверь, не имѣетъ сего удовольствія, чтобы въ нѣдрахъ своихъ содержать токмо единыхъ православныхъ чадъ Церкви Божіей.

О, вы, несчастливые и по немощи человѣческой заблуждающіеся люди, почто васъ я не вижу здѣсь во храмѣ Божіемъ? Пріидите, восплачитеся предъ Господемъ сотворшимъ васъ: пріидите, соберитеся съ Церковію святыхъ и предъ престоломъ Царя небеснаго прославите

вкупѣ съ нами едиными усты и единымъ сердцемъ Его благословенное имя. Почто чуждаетесь Матери, родившей васъ, и убѣгаете чадолюбивыхъ объятій ея? Се, глаголетъ вамъ Духъ Святый: „не ожесточите сердецъ вашихъ“ (Псал., 94, 8).

И хотя не можемъ отчаяваться, чтобы со временемъ всесильная благодать Божія не обратила ихъ на путь истины: „еда бо падый не возстанетъ? силенъ бо есть Богъ возставити ихъ“ (Римл., 14, 4). Однако, донелѣже въ чаяніи семъ будетъ оставаться, радость наша не можетъ почесться совершенною.

Но вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя въ сей часъ общаго веселія нашего? Уповай на Бога, яко Той намъ есть прибѣжище и сила. Онъ во всякомъ случаѣ не оставитъ содѣйствовать намъ, и вся стропотная въ пути гладки превратить силенъ есть. „Кто бо вѣрова Господеви, и постыдѣся? или кто пребысть во страсѣ Его, и оставленъ бысть? или кто призва Господа, и Онъ презрѣ его“ (Сирах., 2, 10)?..

Радости убо и веселія духовнаго исполненъ бывъ, восклицаю тебѣ, благочестивый градъ Тверь: радуйся, и миръ тебѣ, граде Божій! Радуйтесь, и всѣ прочіе грады и веси богохранимой паствы нашей, и всякое мѣсто владычества Божія! Радуйтесь радостію божественною, духовніи и мірстіи, старцы и юноши всякаго чина и состоянія! Миръ Божій, превосходящій всякъ умъ, да пребудетъ надъ вами неотъемлемо! Токмо не ослабѣвайте, молю, въ подвигахъ своихъ званій, въ которые призвалъ васъ Господь Богъ: честность почитайте паче всякаго прибытка,—пользу свою снискивайте безъ нарушенія справедливости, а все утверждайте истиннымъ благочестіемъ.

Притомъ еще прошу васъ, возлюбленная о Господѣ паства моя: любовію своею увеселяйте очи и сердце пастыря вашего, и молитвами своими къ Богу споспѣшествуйте происхожденію званія моего. А я не желаю себѣ большаго удовольствія, какъ сего, чтобы мнѣ быть всегда достойнымъ орудіемъ благодати Божіей, руководствующей васъ ко спасенію.

Боже всеблагій и всемогущій, исполнитель желаній, произносимыхъ тебѣ отъ сердца! Принося днесь Тебѣ благодареніе за всѣ благодѣянія, оказанныя на мнѣ, молю Тя, укрѣпи немощныя силы мои силою Твоею свыше, въ предлежащую службу сію. Сохрани и врученную мнѣ отъ Тебя паству отъ всякаго искушенія, страсти и злоключенія. Возсіявай надъ нею всегда небесный лучъ благоволенія Твоего. Отче небесный! святи ихъ во истинѣ Твоей: слово Твое истина есть! Аминь

Слово при посѣщеніи церквей Божіихъ Тверскія паствы, съ наставленіемъ какъ всѣмъ христіанамъ, такъ особливо священникамъ *).

Пишется во святомъ Евангеліи о Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, что проходилъ Онъ грады вся и веси, уча на сонмищахъ ихъ и проповѣдая Евангеліе царствія; тоже въ дѣяніяхъ Апостольскихъ пишется и объ апостолѣ Павлѣ: „рече Павель къ Варнавѣ: возвращшеся подобаетъ посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же проповѣдахомъ слово Господне, како пребываютъ“ (Дѣян., 15, 36). Да и самымъ дѣломъ прохождаше Павелъ Сирію и Киликію, утверждая церкви.

Сему великому примѣру слѣдуя и исполняя пастырскій долгъ мой, пріидохъ посѣтити васъ, православные и благословенные христіане, духовные и мірскіе, всякаго чина и состоянія и возраста, и внутренно соутѣшитися общею вѣрою нашею, вашею же и моею.

И во-первыхъ, радуюся духомъ моимъ, находя здѣсь истинное благочестіе, и что вы въ вѣрѣ и православіи твердо и благочестиво пребываете. Ибо, се, вижу благолѣпный храмъ Божій, устроенный отъ васъ для приношенія молитвъ вашихъ великому Богу и для празднованія праздниковъ вашихъ духовныхъ. Гдѣ бо лучше найти вамъ покой по трудахъ вашихъ, утѣшеніе въ вашихъ злоключеніяхъ, и радость сердечную возчувствовать вамъ по содѣланіи добра, какъ не въ семъ храмѣ молитвенномъ, при открытіи вашихъ сердецъ и совѣстей небесному Отцу, любящему насъ, яко чадъ Своихъ?

Се, вижу и святый престолъ водруженный, на которомъ вы Вышнему Владыкѣ приносите безкровную жертву, при изліяніи вашихъ молитвъ, происходящихъ отъ души непорочной. Се, созерцаю и украшеніе храма сего—честныя иконы, изображающія лики великихъ добродѣтелю, Богу угодившихъ мужей. Ибо сіе доказываетъ, что въ нихъ доброе житіе за велико оцѣниваете, и оному сами подражать желаете. Все сіе не веселитъ ли попремногу духъ пастыря вашего? По истинѣ, зря и разсуждая сіе, чувствую въ сердцѣ своемъ великое утѣшеніе. Особливо, что таковыми знаменіями благочестія вы дѣлаете души свои жилищемъ Святаго Духа и, собираясь здѣсь въ храмѣ Господнемъ, составляете Церковь Божію. Ибо Церковь есть собраніе благочестивыхъ и православныхъ христіанъ, какъ пишется о томъ во святыхъ

*) Говорено по разнымъ церквамъ Тверской епархіи. во время посѣщенія ея въ 1771-мъ году.

книгахъ: „Вы есте церкви Бога жива, и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор., 3, 16; 2 Кор., 6, 16).

Се же—должности ваши, которыя вамъ хранить предписалъ Самъ Богъ въ вѣчномъ законѣ Своемъ, и въ исполненіи которыхъ состоитъ благополучіе ваше временное и вѣчное.

Прежде всего потщитесь познать законъ Божій и волю Господа своего: ибо не знающій закона Божія подобенъ есть человѣку, ходящему въ великой тьмѣ, который на всякомъ мѣстѣ претыкается и падаетъ. И для того со вниманіемъ слушайте и разсуждайте церковное чтеніе; и, если бы чего кто самъ не уразумѣлъ, да вопрошаетъ своихъ священниковъ, и другихъ старшихъ и разумнѣйшихъ, и ихъ благія наставленія и совѣты принимайте со всякимъ усердіемъ.

Къ Церкви Божіей будьте усердны, и часто на славословіе Божіе собираться почитайте духовною куплею: ибо никто, при службѣ Божіей со благоговѣніемъ предстоя, безъ пользы духовной въ домъ не возвращается. И для того съ радостію да текутъ ноги ваши въ домъ Божій, особливо во дни воскресные и праздничные. Ибо, въ таковые дни кто бываетъ въ церкви Божіей, тотъ для дѣлъ и работы своей, во всю недѣлю производимой, получаетъ отъ Господа Бога подкрѣпленіе, помощь и успѣхъ.

Но подобаетъ во храмѣ святомъ стоять со всякимъ благоговѣніемъ, любовію и страхомъ, яко предъ лицемъ Царя небеснаго, не разговаривая, не творя смѣха и другихъ какихъ безчиній: „страшно бо мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная“ (Быт., 28, 17), а иначе „молитва ваша будетъ вамъ въ грѣхъ“ (Псал., 108, 7).

Въ каждый годъ, по крайней мѣрѣ единожды, исповѣдію и святымъ причастіемъ очистите и успокойте совѣсти свои: ибо сіе есть наилучшее врачество душевныхъ нашихъ болѣзней и самая надежная предосторожность, чтобы привычкѣ къ худому не дать въ насъ укорениться. Ибо, у кого въ сердцѣ прохолодѣетъ жаръ благочестія, тотъ близокъ есть ко всякому грѣху и беззаконію.

И чтобы больше въ васъ дѣйствовала сила закона Божія, а порокъ приближаться къ вамъ не имѣлъ бы времени и случая,—пребывайте со всякимъ прилежаніемъ въ трудахъ своихъ и исполняйте должности свои. Ибо зѣло любезенъ предъ очами Божіими всякъ, труждающійся и благословеннымъ исполненіемъ должности своей добывающій себѣ и дѣтямъ своимъ пропитаніе; и для того Самъ Богъ говоритъ: „не явишися предо Мною тощъ“ (Исход., 23, 15), то-есть, безъ всякаго дѣла. Ибо праздный и лѣнивый мерзокъ есть предъ Господемъ и подобенъ непотребной грязи: всякъ, случаемъ прикоснувыйся ей, рукою отрясетъ ю.

Воспитывайте отъ младыхъ лѣтъ дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ, и приучайте ихъ къ трудамъ и къ честнымъ поступкамъ; а отъ всякаго худа заблаговременно ихъ отучайте. Ибо „сынъ премудръ веселитъ отца: сынъ же безуменъ печаль матери“ (Притч. Солом., 10, 2). А притомъ, родители въ развращеніи дѣтей своихъ принуждены будутъ и отвѣтъ дать Богу. Дѣти же да послушаютъ увѣщаній родителей своихъ, яко словесъ изъ устъ Божіихъ исходящихъ, и да почитаютъ за долгъ свой и удовольствіе воздавать имъ почтеніе и послушаніе.

Сохраните вѣрность въ святомъ супружествѣ вашемъ, и другъ друга взаимно любите, якоже возлюби Христосъ Церковь Свою. Блудодѣянія же и всякаго беззаконнаго плотоугодія отвращайтесь: ибо зѣло тягостно для совѣсти и опасно для спасенія нарушить клятву, данную предъ лицемъ алтаря, засвидѣтельствованную Богомъ и ангелы Его. Притомъ же, сіе причиняетъ развращеніе добрыхъ нравовъ, разореніе богатыхъ домовъ и великія возмущенія въ родствахъ.

Возненавидьте всякій обманъ, и ложь да никогда же исходитъ изъ устъ вашихъ: ибо всякая ложь есть отъ діавола, и Господь ненавидитъ уста льстивыя и языкъ лукавый.

Бѣгайте всемѣрно злой піянственной страсти: ибо она разслабляетъ тѣло наше, причиняетъ различныя болѣзни, истощаетъ имѣніе, а, наконецъ, погубляетъ и самую душу: ибо, ипо слову Апостольскому, „піяницы царствія Божія не наслѣдятъ“ (1 Корине., 6, 10). Смотрите на трезвыхъ и воздержныхъ, какъ они всегда спокойны, здравы, благочинны, въ должности своей исправны и, при благословеніи Божіемъ, всякимъ довольствомъ наслаждаются.

Не будьте суровы сердцемъ своимъ и, при наказаніяхъ, не забывайте человѣколюбія и кротости: ибо суровость и лютость приличны не человѣкамъ, а дикимъ звѣрямъ. Сохраняйте между собою и всѣми любовь и согласіе, ибо по сему Господь нашъ Іисусъ Христосъ приказалъ узнавать истинныхъ христіанъ: ежели они людятъ другъ друга.

Любовь, высокое почтеніе и во всемъ безпрекословное послушаніе оказывайте Помазанницѣ Божіей, великой Государынѣ нашей, и высокому ея Наслѣднику, и всѣ ихъ повелѣнія исполняйте съ охотою и радостію. Власть бо Государская есть уставлена отъ Самого Бога для благополучія и благоденствія нашего. „Противляяйся же власти, Божію повелѣнію противляется“ (Римл., 13, 2),—такъ говоритъ слово Божіе.

Будьте такожде послушны и почтительны къ господамъ своимъ, и со властію поставленнымъ надъ вами, и работайте имъ съ искренностію и вѣчностію, яко предъ очами Самого Бога: сіе бо угодно Спасителю нашему Богу, да всякъ исполняетъ долгъ свой со всякою простотою и благодушіемъ, А господа, яко отцы своихъ подчиненныхъ,

одолжены пещися о спокойствіи и довольствіи ихъ, яко о дѣтяхъ своихъ: ибо излишне отягощать ихъ чѣмъ-либо есть знакъ души нечеловѣколюбивой и настоящее благополучіе свое непонимающей.

Но и всѣхъ старшихъ и честныхъ мужей отличайте вашимъ къ нимъ почтеніемъ и любовію, и ихъ совѣты и увѣщанія прилагайте, яко цѣлительные пластыри, къ сердцамъ своимъ.

Наипаче же своимъ священникамъ, яко пастырямъ вашимъ и духовнымъ отцамъ, воздавайте всякое почтеніе, и всѣхъ служителей Церкви Божіей храните въ любви своей, и отъ праведныхъ трудовъ своихъ снабдѣвайте, и содержать ихъ въ довольствѣ почитайте за христіанскій долгъ свой. Священники ваши суть руководители ваши къ вѣчному спасенію: тіи подвизаются о благоустроеніи вашемъ духовномъ и готовятся дать отвѣтъ праведному Богу за души ваши. Праведно убо вамъ ободрять ихъ любовію своею, да проходятъ должность свою съ радостію, а не съ воздыханіемъ.

И если послушаете гласа Господа Бога вашего, если сохраните и исполните всѣ заповѣди Его, а все злое удалите отъ очесъ и сердецъ вашихъ, то пріидутъ на васъ всѣ благословенія Божія. Благословени вы будете во градѣ, благословени и на селѣ; благословенны исчадія чрева вашего, и плоды земли вашея, и стада воловъ вашихъ и паствы овецъ вашихъ; благословенны житницы ваши и останки ваши. Отверзетъ вамъ Господь сокровище Свое благое, небо, еже дати дождь земли вашей во время свое, и благословитъ всѣ дѣла рукъ вашихъ. Если же не послушаете гласа Господа Бога вашего и пренебрежете хранить всѣ заповѣди Его, и въ ожесточеніи своемъ нераскаянны пребудете: пріидутъ на васъ всѣ клятвы отъ Бога и постигнутъ васъ; пошлетъ вамъ Господь скудость и гладъ, и истребленіе всего, и ничто не успѣетъ, на что ни возложите руки ваши, и души ваши съ горестію истаютъ. Но, вѣдая вашу любовь къ Богу и къ добродѣтели, уповаю на благость Божію, яко сіе пострадати кому изъ васъ никогда не попуститъ.

А чтобы сіи мои увѣщанія всегда въ васъ, возлюбленніи, остались дѣйствительны и плодоносны, кто въ семъ великомъ дѣлѣ вспомоществовать мнѣ будетъ? если не вы, священницы Господни и пастыри сего Христова стада? Къ вамъ убо обращаю слово мое: васъ наипаче должно коснуться увѣщаніе мое. Вы должны быть мнѣ споспѣшники въ дѣлѣ Господни: вы мнѣ, яко орудія богоизбранныя, содѣйствуйте въ устроеніи спасенія рабовъ, запечатлѣнныхъ именемъ Божіимъ.

О! коликій вамъ предлежитъ подвигъ, коликое потребно вамъ благоразуміе, особливая честность и добродѣтель, чтобъ врученныя вамъ души умѣть управлять на всякое дѣло благое и, предостерегши ихъ отъ всякаго паденія, представить Богу святыми и избранными.

И потому, чтобы вамъ соотвѣтствовать своему званію, въ которое призвалъ васъ Духъ Святый,—со всякимъ прилежаніемъ упражняйтесь въ законѣ Божіемъ, и въ чтеніи душеполезныхъ книгъ и правилъ святыхъ отецъ, чтобъ можно было вамъ и другихъ наставить, и показать путь спасенія. Если же сами вы недовольны были бы (хотя сіе и нельзя безъ стыда вашего сказать!) въ знаніи Божественнаго закона, другихъ требуйте наставленія, и къ совѣтамъ благоговѣйнѣйшихъ и честнѣйшихъ іереевъ всеохотно прибѣгайте. Ибо, о коль бѣдственно, зазорно и нестерпимо! если носящій на себѣ имя пастыря и учителя невѣдѣніемъ закона Божія младенецъ есть, и не имѣетъ никаковаго, отличнаго отъ другихъ простыхъ, просвѣщенія: слѣпецъ бо слѣпца аще ведетъ, оба въ ямы падутъ. Но если пастырь неискусный постраждетъ за неисправность должности своей, сіе не можетъ быть несправедливо у Бога; но бѣдныя, таковымъ пастырямъ врученныя, овцы по каковой винѣ своей будутъ несчастливы!

Но хотя бы кто изъ священниковъ и лишенъ былъ особливаго, пристойнаго ему, просвѣщенія и ученія, — по крайней мѣрѣ жизнь долженъ онъ имѣть отъ другихъ отмѣнную и, примѣромъ честныхъ своихъ поступковъ, паству свою учить и пользовать.

И для того потщитеся, о іереи и прочіе священно и церковнослужители! потщитесь службу Божію исправлять со всякимъ благоговѣніемъ, яко предстоя престолу Царя небесе и земли, предъ Его же лицемъ со страхомъ и трепетомъ предстоятъ и самые Ангелы. Такъ можно ли безъ ужаса помыслить, когда сами служители божественнаго алтаря въ такомъ священномъ мѣстѣ безчинствуютъ, смѣхотворствуютъ, производятъ шумъ, а иногда, о нетерпимая дерзость! и драки?! Нѣсть ли сіе величайшее святынѣ поруганіе?

Требы церковныя исправляйте честно и порядочно со всякимъ усердіемъ: ибо „проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ“ (Іерем., 48, 10).

Кающихся наставляйте съ благоразуміемъ: нераскаянныхъ умягчайте страхомъ суда Божія, а отчаявающихся ободряйте и возставляйте упованіемъ милосердія Божія. Больныхъ утѣшайте, и облегчайте болѣзнь ихъ повѣствованіемъ милосердыхъ и праведныхъ дѣлъ Промысла Божія.

Тщитесь напутствовать ихъ къ вѣчному пути святымъ причастіемъ Божественныхъ Таинъ, всемѣрно увѣщавайте и склоняйте, чтобы никто изъ вашихъ паствъ безъ причастія не оставался.

Не будьте алчны къ прибыткамъ и корысти, но довольствуйтесь доброхотнымъ подаяніемъ: ибо благословенная отъ Господа часть есть надежнѣе и полезнѣе; алчба же къ корысти безчеститъ духовный чинъ,

святыню приводитъ въ презрѣніе, аки бы вы исправляли требы церковныя по единому корыстолюбію, а не по усердію, чрезъ отправленіе ихъ, доставить другимъ спасеніе. А притомъ, все неблагословенное не прочно, и скоро погибаетъ; да и влечетъ еще за собою несчастіе и разореніе.

Извѣстно, съ сожалѣніемъ и плачемъ глаголю,—извѣстно, сколь крѣпко во многихъ людяхъ духовнаго чина пьянственная страсть усилилась, и сколь много сей непотребный порокъ невоздержанія безчеститъ священный чинъ, приводитъ въ презрѣніе, подвергаетъ слѣдствіямъ, разоряетъ и погубляетъ душевно и тѣлесно.

И для того, о іереи и прочіе служители святыни! паче всего отъ сей злой страсти убѣгайте, и крѣпитесь вѣми силами, да не обладаетъ вами невоздержаніе. Ибо пьянство есть источникъ развращенія нравовъ, и мать всякаго безчинія и непотребства.

Сами разсудите, сколь есть безчестно и невмѣстительно, если самъ пастырь и учитель, который долженъ другихъ отъ невоздержанія и отъ всякаго искушенія отводить, самъ будетъ потопленъ въ пьянствѣ, имѣя лицо и глаза опухлые, уста смердящія, руки дрожащія, душу безстыдно жадную, бывая иногда поверженъ на распутіяхъ въ блатѣ, сдѣлавъ себя всѣмъ и младенцамъ посмѣяніемъ и игралищемъ, и во всемъ уподобясь скоту, или ставъ хуже, непотребнѣе и безобразнѣе и онаго.

Удалитесь отъ сего неистоваго порока, украсьте жизнь свою воздержаніемъ, и въ трезвости препровождайте святую должность свою. Если же, чего Боже сохрани, узрю кого изъ священнослужителей невоздержна и пьянствующа, се глаголю, не потерплю. Не потерплю, дабы таковый безчестилъ Церковь; не попущу имѣти святая псомъ, и бисерамъ поверженнымъ быти предъ свиніями.

Наконецъ, молю васъ, сохраните со всѣми любовь и согласіе; покажите собою и житіемъ своимъ примѣръ честности. Прославите нашу паству, что она имѣетъ священниковъ благоговѣйныхъ, честныхъ и благоразумныхъ, и тѣмъ возвеселите Бога и Ангеловъ Его, также и пастыря вашего. Ибо „горе тому, имъ же соблазнъ приходитъ!“ Такому человѣку лучше бы было, по слову Христову, чтобы „обвѣсилъ онъ о выи своей жерновый камень и потопился бы въ пучинѣ морстѣй“ (Матѳ., 18, 6, 7).

И аще убо благоговѣйно и честно будете препровождать должность свою, пріобрящете благословеніе Божіе, радость въ совѣсти своей, почтеніе, хвалу и любовь отъ всѣхъ, и отъ пастыря своего доброжелательное благоволеніе. Если же, отяготивъ сердце свое грѣхами, яко разслабленные, будете ходить по стезямъ неправды и беззаконія, при-

влечете на себя отмщеніе праведнаго Бога, и постраждете вся злая, пріуготовленная творящимъ беззаконіе.

Боже всеблагій, всемогущій и человѣколюбивый! Предъ лицемъ Твоимъ предстоя днесь, молю Тя всею моею вѣрою: сохрани подъ покровомъ Твоимъ святую паству сію, отврати отъ нихъ всякое злоключеніе и напасть, наставн ихъ на всякую истину, и научи творити волю Твою. Управи Твоею мудростію священниковъ ихъ и пастырей, вкорени страхъ Твой въ сердце ихъ, да возмогутъ непостыдно дати Тебѣ отвѣтъ о душахъ, врученныхъ ихъ попеченію. Даруй мнѣ, Владыко, да всегда радуется духъ мой, зря и слыша о честности житія ихъ, да и самъ азъ способенъ являюся предъ Тобою нести мое званіе къ созиданію Церкве Твоея. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича *).

Прославлять благодѣянія Божіи, которыя на насъ ежечасно изливаетъ всещедрая Его десница, не токмо требуетъ со стороны нашей неотрицаемый долгъ благодарности, но и собственная польза наша. Ибо, когда пріемлемъ полученныя благодѣянія съ благодарнымъ духомъ, то показываемъ, что мы понимаемъ силу ихъ и чувствуемъ, что пристойное употребленіе изъ нихъ для себя дѣлать намъ надобно; а тѣмъ самымъ располагаемъ себя къ тому, чтобъ и впредь оныхъ быть намъ удостоеннымъ. Но когда пристойнѣе можемъ мы отверсти уста свои на прославленіе благодѣтельствующаго намъ Промысла Господня? Когда пристойнѣе изъявимъ благодарное чувствованіе, горящее въ сердцахъ нашихъ, какъ не въ сей день, въ который празднуемъ мы радостное рожденіе Всероссійскаго Наслѣдника, плода благословеннаго Августѣйшей Матери? день, въ который Богъ даровалъ неоцѣненный залогъ Своего къ намъ благословенія,—день, въ который судьба предвѣчная самымъ событіемъ увѣрила насъ, что, владѣяй царствами человѣческими Господь, начавъ возвышать любезное отечество наше, благоволитъ оное продолжать въ должайшіе роды. Великія бо дѣла, которыя Богъ производитъ въ насъ рукою Великой Екатерины, и тѣмъ преноситъ счастливыя судьбы древнихъ монархій на отечество наше; сіи великія дѣла

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ придворной церкви въ С.-Петербургѣ, сентября 20 дня, 1771 года.

не вящшее ли пріемлютъ утвержденіе и не пріумножаютъ ли славу и благополучіе наше, когда видимъ предъ очами нашими достойнѣйшаго Наслѣдника толикаго престола, толикой Монархини и толикихъ дѣлъ? Наслѣдника, преукрашеннаго всѣми царскими дарованіями и обѣщающаго намъ все то, что могли бы мы ожидать отъ опредѣленія небеснаго, вознести насъ хотящаго? Како убо, празднуя таковый благословенный день, не прославимъ благодѣтельствующую намъ десницу Божію и не воспоемъ среди Церкви пѣснь во гласѣ радованія и исповѣданія?

И потому, чтобы достигнуть намъ до сего конца удобнѣе, разсудимъ, „какія дню сему, какъ дню рожденія, размышленія посвятить пристойно, какъ каждому изъ насъ, приведши на мысль первый день или часъ бытія своего, такъ особливо намъ, вѣрнымъ сынамъ отечества, совершающимъ торжество онаго дня, въ который свѣтоносная заря пропзвела звѣзду, сіяющую счастливо на горизонтѣ нашемъ“. Ты же, Боже, даяй дыханіе и разверзаяй уста нѣмымъ, удостой бесѣду нашу присутствіемъ Святаго Духа Твоего.

Проходящимъ намъ теченіе жизни сей и поспѣшающимъ къ предуставленному отъ Божіей судьбы концу не токмо полезно, но и нужно есть почасту обращать взоръ свой къ одному началу, изъ котораго мы произошли, и мысленно доискиваться источника, изъ котораго проистекла живая струя жизни нашей. Ибо если блаженный Давидъ, „помышляя дни первыя и воспоминая лѣта вѣчная“ (Псал., 76, 6), находилъ довольную матерію къ поученію своему, то и мы, послѣдуя ему, пріобрящемъ наставленіе благопотребное къ управленію жизни нашей.

Какія же понятія должны открыться въ мысли нашей, когда мы углубимся въ размышленіе о началѣ бытія нашего?

Во-первыхъ, узнаемъ, что не случай каковый слѣпо повергъ насъ на зрѣніе стройнаго сего свѣта,—что не изъ несѣкомыхъ каковыхъ-то частицъ самослучайно составились мы,—что, паки, не столь ограничено понятіе наше, чтобы никаковымъ образомъ не могли мы дойти до первобытнаго начала своего; а, напротивъ, съ помощію здраваго разума и съ просвѣщеніемъ святой вѣры, дознаемъ мы, что бытіе даровалъ намъ всесильный Творецъ, и составъ нашъ есть дѣло премудрыхъ рукъ Его.

Изъ сего чистѣйшаго и непорочнаго источника проистекла струя жизни нашей; отъ сего присносущнаго и немерцающаго свѣта возжено дыханіе наше; изъ сей бездны совершенствъ сдѣлалось какъ бы нѣкоторое прелитіе на насъ и на всѣ твари, дабы, сколько вмѣстительно твари, были мы участниками какъ Его совершенствъ, такъ и блаженства Его. И потому съ апостоломъ Павломъ мы дерзновенно похвалиться можемъ, яко „родъ Божій есмы“ (Дѣян., 17, 29).

„Родъ Божій есмы“—сіе слово достойно примѣчанія и требуетъ, чтобы мы съ особливымъ вниманіемъ разсмотрѣли оное, подобно какъ странствующіе, когда усмотрятъ каковую вещь, отъ другихъ отличную видомъ своимъ, или дѣйствіями, или силою, особливо обращаютъ на нее взоръ свой, прилежно разсматриваютъ и углубляются въ изслѣдованіи всѣхъ свойствъ ея. Ибо если мы—родъ Божій, то не видимъ ли, каковымъ благородствомъ Создателя почтены мы отъ всѣхъ? ежели бо происходящіе между нами отъ знаменитыхъ предковъ, впрочемъ, подобныхъ намъ смертныхъ, имѣютъ причину похваляться таковымъ происхожденіемъ, то кольми паче имѣемъ мы важнѣйшую причину велемудрствовать объ естествѣ нашемъ, которое взяло начало свое отъ существа высочайшаго и по всѣмъ совершенствамъ своимъ величества безконечнаго. Если мы—родъ Божій, то не одолжаемся ли соблюдать сіе благородство во всей его непорочности и не заглаждать черты божественныя, напечатанныя на душѣ нашей? Если мы—родъ Божій, то не одолжаемся-ли лучъ премудости Его, возженный въ совѣсти нашей, паче и паче возжигать нашимъ тщаніемъ о просвѣщеніи? Если мы—родъ Божій, то не должны ли волю свою и всѣ ея желанія соображать съ совершенною волею Создателя нашего? Писано бо есть: „будите святи, яко Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ“ (Лев., 11, 44). Привитая бо къ тучному древу вѣтвь, по разсужденію Павлову (Римл., 11, 16), сообщаетъ себѣ сокъ древа того и приноситъ плоды, сходственные съ естествомъ древа онаго. Если мы—родъ Божій, то не имѣемъ ли твердое основаніе во всѣхъ нашихъ нуждахъ благонадежно прибѣгать къ благоутробному сему Творцу нашему и съ усердіемъ сыновнимъ вопить къ нему съ Давидомъ: „Ты еси исторгій мя изъ чрева, отъ сосцу матере моея Богъ мой еси ты“ (Псал., 21, 10, 11)? Если мы—родъ Божій, то не можемъ ли съ большимъ основаніемъ произнести оныя слова, каковыя произносили іудеи о славномъ предкѣ своемъ Авраамѣ: „сѣмя Авраамле есмы“,—говорили они,—„и никому же работахомъ“ (Іоанн., 8, 33)? „Родъ Божій есмы“,—можемъ и мы сказать,—„сѣмя Божіе есмы нетлѣнное и Божественное“; и потому таковому благородству нашему не вмѣстительно, чтобы могли мы быть порабощены каковыми-либо страстями или пороками, и тѣмъ самовольно себя унизить съ той высоты, на которую возвела насъ благословенная рука Вседержителева.

Но, чтобы и еще больше познать намъ благородство естества своего, а изъ того яснѣе усмотрѣть обязательства наши,—не безнужно есть узнать и тотъ способъ или образъ, каковымъ мы получили бытіе свое отъ онаго Божественнаго начала. Ибо, впрочемъ, и всѣ твари, сколько бы онѣ предъ очами нашими низки и презрѣнны ни казались,

и всѣ твари бытіе свое воспріяли не отынуды, развѣ изъ непстощимой бездны безконечнаго существа; и хотя бы легко разсуждающему показалось, что всѣ твари, а съ ними вкупѣ и мы всѣ не отличнымъ каковымъ, но единымъ образомъ произведены отъ всемогущей силы и власти, но вопреки Духъ Святый въ Писаніи Своемъ открылъ совсѣмъ отмѣнный образъ сотворенія нашего. Онъ увѣряетъ насъ, что Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему и по подобію (Быт., 1, 27), чего о прочихъ тваряхъ объявить не благоволилъ; а изъ сего паки открывается особливое благоволеніе Создателево о человѣкѣ, а въ томъ же самомъ заключаются и особливыя со стороны человѣка обязательства. Сотворены мы по образу и по подобію Божіему: о, преимущество великое, съ одной стороны насъ возвышающее, съ другой приводящее въ страхъ, чтобы не учинить намъ каковую трату сего безцѣннаго сокровища! Сотворенъ ты, человѣкъ, по образу Божію и по подобію: такъ не возлюбленное ли ты—чадо Божіе, тѣмъ милѣйшее, что на себѣ изображаешь точныя черты предвѣчнаго Родителя твоего? Созданъ ты по образу Божію и по подобію: такъ се — чистѣйшее зерцало твое, въ которомъ созерцаешь, каковымъ тебѣ всегда быть надобно; се — твой камень Лидійскій, на которомъ можешь искушать дѣйствія свои, злато ли они суть и серебро, или мѣдь и другое каковое непотребное вещество; се— правило жизни твоей, которому если будешь приноравливать всѣ дѣла свои, ничто же въ нихъ будетъ строптиво, или развращено. Почему хотя бы ты и не достигъ до дальняго просвѣщенія, хотя бы не снабдѣнъ былъ различными наставленіями, впрочемъ, для правленія жизни и не безполезными: довольно токмо сіе едино, чтобы шествовать тебѣ по стези Господней прямо и непреткновенно, если въ совѣсти твоей не всегда останется заглажаемо оное увѣреніе съ дѣйствительнымъ чувствованіемъ, что ты созданъ по образу Божію и по подобію.

Но смѣетъ ли въ часъ сей вопросить тебя тотъ, который носитъ на себѣ трудное званіе, входить въ изслѣдованіе совѣстей и оберегать оныя отъ всякаго тлѣнія въ нравахъ? смѣетъ ли вопросить въ часъ сей на мѣстѣ святомъ, что часто ли взираешь въ оное Божественное зерцало и каковымъ въ немъ усматриваешь себя? О, блаженъ и треблаженъ еси ты, если сіяніе образа и подобія Создателева въ тебѣ не токмо не помрачено, но усильнымъ твоимъ тщаніемъ въ добродѣтели приведено въ большее блистаніе, и свѣтъ онаго столь увеличенъ, что доволенъ къ освѣщенію и другихъ,—подобно какъ твердое тѣло, пріемля солнечный лучъ, усугубляетъ оный, и умножаетъ свѣтъ! Напротивъ, о сколь есть несчастливъ тотъ, который, посмотрѣвъ въ зерцало оное, не узналъ бы себя самого, но примѣтилъ бы нѣкоторый страшный и безобразный видъ, покрытый глубокою тьмою,—примѣтилъ бы видъ, пред-

ставляющій не человѣка по образу Божіему созданнаго, но нѣкоторое чудовище, нѣкоторую смѣсь страстей, несносную себѣ и другимъ и Богу противную!

Но да предохранитъ благая судьба Господня, чтобы кто изъ насъ, запечатлѣнныхъ именемъ живаго Бога, нашелся въ таковомъ плачевномъ состояніи: „нѣсмы бо сынове тьмы, но чада свѣта“ (1 Солун., 5, 5); и оный свѣтъ, „которому рекъ Богъ изъ тьмы возсіяти“ (2 Кор., 4, 6), особливо возіялъ въ насъ просвѣщенныхъ свѣтлымъ лучемъ Евангелія. Однако, тѣмъ не меньше мы должны опасаться, чтобы не ослабѣть въ теченіи нашемъ и не упустить изъ рукъ узду разума, управляющую колесницу жизни нашей: „мняйся стояти“, предостерегаетъ насъ Духъ Святый, „мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ“ (1 Кор., 10, 12). И для того-то слово Божіе, описавъ достоинство наше оными великолѣпными словами, что созданы мы по образу Божію и по подобію, не оставило, притомъ, сдѣлать нужное сіе для насъ напоминаніе, что тѣло наше, существенная состава нашего часть, сотворено изъ персти, изъ бренія, изъ грязи. Сіе напоминаніе служитъ къ тому, чтобы мы, много возмечтавъ о благородствѣ естества своего, не вышли изъ предѣловъ смиреномудрія и кротости,—чтобы мы при всякомъ случаѣ, когда бы мысль дерзнула предпринимать гордое что и съ предѣлами естества нашего несразмѣрное, не позабывали бы и слабость естества нашего, но тотчасъ при таковыхъ искушеніяхъ воспоминали бы оныя Давидовы слова: „егда возвратихся на страсть, унзе ми терпъ“ (Псал., 31, 4). А черезъ то можемъ благополучно соединить благородство и бренность естества нашего, такъ что ни благородство не возможетъ насъ привести въ своевольство безмѣрное, ни бренность въ разслабленіе и уныніе, но пойдемъ прямо путемъ царскимъ и святымъ, и тихими стопами, но благополучно дойдемъ до пристанища безсмертія.

Таковыми и подобными размышленіями долженъ всякъ пользовать себя и утѣшать какъ всегда, такъ особливо въ тотъ день, въ который приводится на память оная таинственная минута, въ которую внезапу, глаголомъ всесильнымъ, изъ небытія пришли мы въ бытіе и учинились видимымъ зерцаломъ невидимыхъ Божіихъ совершенствъ.

Почему на семъ мѣстѣ бесѣда наша и могла бы быть заключена пристойнымъ окончаніемъ; но возможно ли, чтобы не принесли мы нынѣшнему торжеству особливую жертву и не засвидѣтельствовали бы отмѣнное благоговѣніе Вышнему, Который очи Свои, назирающія всю вселенную, какъ бы (человѣчески глаголю) обратилъ на единое возлюбленное Ему отечество наше?! Столь велики Его къ намъ благодѣянія! Да умолчимъ на сей часъ оныя громкія дѣла, которыя въ насъ чудодѣйствуетъ Онъ чрезъ орудіе мудраго и человѣколюбиваго пра-

вленія Великой Монархини нашей,—дѣла, въ мирѣ и войнѣ оглашающія концы земли и однимъ наносящія страхъ, другимъ сорадованіе, а обоимъ удивленіе,—дѣла, посредствомъ коихъ недовѣдомая судьба располагаетъ страну нашу быть преемницею оныхъ древнихъ великихъ монархій. Да прейдемъ на сей часъ исчислять таковыя дѣла съ почтительнымъ молчаніемъ: се, блистаетъ въ очахъ нашихъ радостнѣйшее Россійское свѣтило, озаряемый солнечнымъ свѣтомъ Родительницы премудрой, дражайшій Всероссійскій Наслѣдникъ, Божія къ намъ благоволенія залогъ и будущія благія надежды утвержденіе. Всякій отецъ, изобилующій богатствомъ и возвеличенный славою, тогда особливо чувствуетъ полное свое удовольствіе, когда каждый день и часъ видитъ предъ очами своими возлюбленнаго сына и наслѣдника, возрастающаго въ добродѣтели: ибо воображаетъ и увеселяетъ себя тѣмъ, что онъ сохранитъ славу его, изъ собраннаго богатства сдѣлаетъ доброе употребленіе, память его предастъ вѣчности и всегда жить будетъ въ немъ, какъ въ естественномъ своемъ изображеніи. Подобно, и Россія, богатствомъ и славою возвеличенная, съ веселіемъ созерцаетъ дражайшаго Наслѣдника своего и, видя его въ вертоградѣ своемъ цвѣтуща и издающаго благоуханія всякой добродѣтели, радуется радостію неизглаголанною: ибо воображаетъ и несумнительно увѣряетъ себя, что онъ не токмо сохранитъ, но и пріумножитъ снисканную ея славу, благополучіе ея утвердитъ, имена великихъ своихъ предковъ, а особливо великой Родительницы своей, сообщитъ будущимъ родамъ, и учинитъ ихъ, въ лицѣ своемъ, безсмертными. Не есть ли сіе, о Россіяне, великое Божіе къ намъ благодѣяніе? По истинѣ, великое! И для того въ Святомъ Писаніи видимъ, что, когда Богъ хотѣлъ кого изъ угодниковъ Своихъ особливо облагодѣтельствовать,—обѣщавалъ умножить сѣмя ихъ, яко звѣзды небесныя и яко песокъ при краѣ моря. Таковое обѣщаніе получивъ иногда Авраамъ и приближаясь къ старости, когда не видѣлъ обѣщаннаго ему сына и наслѣдника, зѣло возмутился и въ горести духа возопилъ къ небесамъ: „Господи, Ты обѣщалъ есп умножитися сѣмени моему, азъ же умираю безчаденъ“ (Быт., 15, 2)!.. Столько-то убоялся оный благословенный старецъ умереть, не оставивъ по себѣ того, въ лицѣ котораго по смерти своей имѣлъ бы пребыть безсмертнымъ.

Подобный страхъ нѣкоторымъ образомъ недавно объялъ было и насъ, когда здравіе дражайшаго Наслѣдника нашего поколебалось, такъ, какъ иногда листья райскаго цвѣта на время увядаютъ. Божіе сіе было посѣщеніе: рука Всемогущая коснулась тѣлеснаго его состава, чтобы утвердить духъ его—великодушно сносить всякіе и противные случаи и расположить его—равно лобызать Отеческую Божію

десницу, наказующую и милующую: ибо равно и тѣмъ и другимъ намъ благодѣтельствуетъ Онъ. О, коликимъ страхомъ и печалію Твое, Всеавгустѣйшая Монархиня, сердце было поражено—видѣть любезнѣйшій плодъ чрева своего, живое изображеніе добродѣтелей Твоихъ, видѣть въ подвигѣ болѣзненномъ! Но вѣра Твоя къ Богу достойна была того, чтобы Тебѣ быть обрадованной совершеннымъ возстановленіемъ здравія его: ибо дѣйствительнѣйшимъ для него врачествомъ были молитвы Твои, въ воздаяніе за которыя Врачъ душъ и тѣлесъ, вдохновеніемъ Святаго Духа, возвѣстилъ Тебѣ: „Се, здравъ сынъ Твой“. Пріими убо паки его въ матернія нѣдра Твои и укрѣпляй духъ его примѣромъ добродѣтелей своихъ, ни ближе, ни дѣйствительнѣе котораго для него ничто не можетъ быть, дабы мы, имѣя счастіе видѣть храмъ благополучія, Тобою созданный, имѣли надежду видѣть оный, утверждаемый имъ во вѣки.

Ты же, дражайшій Высокій Наслѣдникъ нашъ! крѣпись и мужайся и принеси жертву благодарности Богу, посѣтившему Тя. Научись изъ сего не ослабѣвать въ томъ упованіи на Всемогущаго, въ которомъ отъ младенчества утверждено сердце Твое. Сіе есть дѣйствительнѣйшее средство привлекать на себя благословеніе Божіе, если и противные случаи принимать съ непзмѣняемымъ великодушіемъ. Сохраняй всегда оную непорочность души Твоей, которая всегда была наибольшею причиною радости нашей; священному же сему орудію бытія Твоего, Августѣйшей Родительницѣ Твоей, спострадавшей болѣзни Твоей, поставь жертвенникъ и возжги на немъ неугасаемый огонь сыновней любви. Симъ-то способомъ достигнешь ты онаго славнаго наименованія, которымъ почтены добрые въ свѣтѣ правители, то есть, утѣхою человѣческаго рода. Аминь.

Слово въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшія Государыни Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійскія *).

Церковь празднуетъ днесь славное и живоносное Воскресеніе Избавителя своего, яко первороженнаго изъ мертвыхъ. Веліе, во истину, духовное торжество и знаменитый праздникъ въ Церкви Божіей; но торжество сіе блистаетъ еще бо́льшимъ сіяніемъ въ очахъ нашихъ,

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1772 года, апрѣля 21 дня.

когда мы, вѣрніи Россійстіи сынове, въ сей же день празднуемъ и всерадостное рожденіе Августѣйшей Самодержицы всея Россіи. Благословенъ оный день для всей Христовой Церкви, въ который Женихъ ся, возлюбивый ю любовію вѣчною, по западѣ печальнѣйшей смерти, возсіялъ изъ гроба, яко отъ чертога. Блаженъ и оный день, въ который Матерь отечества нашего узрѣла сей видимый свѣтъ и поставлена рукою всесильною на виду у міра, къ зрѣнію величества Создателева. Благословенъ оный день для всѣхъ дѣтей Адамовыхъ, въ который мы, умершіе грѣхами, оживотворились и, аки изъ небытія мертвыхъ дѣлъ, прешли въ бытіе богоугодной жизни. Блаженъ для всѣхъ сыновъ Россійскихъ и оный день, въ который вдохновлена Божественнымъ дыханіемъ жизни та особа, съ жизнію каковой, по устроенію Божіей судьбы, имѣлъ быть соединенъ жребій благополучія жизни многихъ, не людей токмо, но и народовъ. Возрадовались, осиротѣвшіе со смертію Учителя своего, Христовы ученики, узрѣвъ Того, съ Которымъ были соединены сердца ихъ любовію, а души ихъ вѣрою. Радуются днесь всѣ Россійстіи дѣти, обращая мысленный взоръ свой къ оному блаженному дню, въ который благоустроенному и великому тѣлу Россіи открылась Августѣйшая глава. Церковь имѣетъ довольную причину радости своей; имѣетъ же и отечество наше великое основаніе торжества своего. Но почто я раздѣляю нераздѣлимое? Радуется днесь Россія, по причинѣ дня рожденія Монархини своей; но не меньше она, яко вѣрою и православіемъ украшаемая, веселится, чувствуя блеснувшій на нее и озаряющій духъ ея лучъ воскресенія Избавителя своего. Радуется днесь Христова Церковь, празднуя день воскресенія Основателя вѣры своей; но не меньше торжествуетъ она о Господней Помазанницѣ, яко вѣрнѣйшей хранительницѣ ея догматовъ и покровительницѣ славы ея. Церковь и общество, вѣра и законъ гражданскій, гражданинъ и христіанинъ, какъ въ семъ, такъ и во всякомъ другомъ случаѣ, къ благополучію каждаго и вообще всѣхъ относящемся, суть совершенно согласны. Почему мы таковое Церкви и общества, закона Божія и закона гражданскаго, гражданина и христіанина согласіе и можемъ взять за основаніе нынѣшняго разсужденія нашего, тѣмъ приличнѣе, что человѣкъ не на другой какой конецъ рождается, какъ быть добрымъ гражданиномъ и прямымъ богопочитателемъ, и что Монархиня наша въ своей священнѣйшей особѣ соединяетъ славу государства своего и святость вѣры, и во всѣхъ своихъ дѣдахъ одно утверждаетъ другимъ.

Церковь и общество между собою столь соединены, что одно отъ другого раздѣляется не существомъ, но отношеніемъ. Общество гражданское есть собраніе людей, соединенное едиными законами и единымъ образомъ правленія; но то же самое общество, поелику оно

соединено и храненіемъ единаго образа богопочитанія, связано и едиными и тѣми же священными обрядами, есть Церковь. Гражданинъ есть членъ того общества; но тотъ же самый гражданинъ, поелику есть вѣрный хранитель держимаго обществомъ Евангельскаго богопочитанія, есть и именуется христіанинъ. Одно безъ другого быть не можетъ: не можетъ быть общество, неутвержденное на основаніи богопочитанія,—не можетъ быть гражданинъ, чтобы не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія, — не могутъ общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣпляемы тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсти и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ дать отчетъ не человѣку токмо, но и Богу, испытующему сердца и утробы. Дабы болѣе объяснилось сіе въ мысляхъ нашихъ, взойдемъ въ сіе разсужденіе, сколько возможно, обстоятельнѣе.

Какая, почтенные слушатели, была побудительная причина людямъ собраться въ общества? Если вообразить человѣка внѣ общества всякаго, онъ представится намъ одинъ, самъ себѣ оставленный, ни отъ кого въ нуждахъ своихъ помощи не ожидающій, а, напротивъ, всегда подверженный опасности отъ всего. Люди въ людяхъ имѣютъ необходимую нужду, ибо всякій человѣкъ имѣетъ нужды неограниченныя, но всякъ, притомъ, имѣетъ силы и дарованія ограниченныя; и потому одни, помощію другихъ, и недостатки свои отвратить, и опасности противныхъ предварить больше удобны. Итакъ, одна всѣхъ польза произвела во всѣхъ одно намѣреніе, чтобы соединиться въ обществѣ, дабы взаимное вспомоществованіе дополняло недостатки каждаго. Сіе есть основаніе обществъ. А какъ общества такимъ образомъ составились, то тотчасъ богопочтеніе или вѣра и открыла силу свою. Въ состояніи естественномъ она больше служила бы руководствомъ къ вѣчному счастію; но въ союзѣ общества вѣра, руководствующая каждаго къ небесамъ, сдѣлалась уже полезнѣйшимъ и нужнымъ средствомъ къ доставленію благополучія обществамъ и земнымъ.

Понеже въ союзѣ общества потребно, чтобы всѣ члены сего тѣла почитали себя одолженными помогать другъ другу,—надобно, чтобы одни къ другимъ были искренни; надобно, чтобы ложь не служила покрываломъ къ закрытію вредныхъ намѣреній, чтобы хранимы были правила совершенной справедливости; надобно, чтобы, въ случаѣ выбора собственной пользы и общественной, общественная собственной предпочитаема была, и всякъ былъ бы преданъ общему благу съ искренностію и ревностію.

Но, дабы сіе исполнимо было не по наружности токмо, а и въ глубинѣ совѣсти, можетъ ли какое средство быть дѣйствительнѣе кромѣ вѣры? Ибо здѣсь потребно обязательство совѣсти, обитающей

во внутреннихъ изгибахъ человѣческаго сердца; потребно обязательство, отъ котораго совѣсть законопреступная нигдѣ не могла бы укрыться и не мнила бы избѣгнуть наказанія, хотя бы въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ совершала свое преступленіе,—не мнила бы избѣгнуть наказанія никогда—ни въ жизни сей, ни въ будущей. О, сколь дѣйствительно обязательство сіе и въ самыхъ развращенныхъ душахъ, хотя мы дѣйствій таковыхъ, за невозможностію проникнуть намъ во внутреннѣйшія сокровенности, иногда въ нихъ и не примѣчаемъ! Однако, тѣмъ не менѣе оно всегда дѣйствуетъ.„ Живо бо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ“ (Евр., 4, 12). Сіе-то слово говоритъ: „чти отца твоего и матерь твою; не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй, не токмо не похищай, но не пожелай ничего, что принадлежитъ не тебѣ, а ближнему твоему“ (Исх., 20, 12—15, 17). Оно учитъ: „Воздадите всѣмъ должная: емуже убо урокъ—урокъ, и ему же дань—дань, и емуже страхъ—страхъ, а ему же честь—честь“ (Римл., 13, 7). Вѣра предписываетъ, дабы „не искалъ яже своя, но яже ближняго кійждо“ (1 Кор., 10, 24); но притомъ, чтобы мы въ потребномъ случаѣ полагали и жизни свои за братію свою. Сіи-то златыя узы, которыми общество всякое связуется,—сіи-то суть божественныя жилы, по коимъ течетъ священная кровь, хранящая въ себѣ жизнь и благосостояніе общества.

Знаю, что и законы гражданскіе, запрещающіе всякое злодѣяніе и обиду и опредѣляющіе, по мѣрѣ всякаго преступленія, наказаніе, содѣйствуютъ и нужны суть къ сохраненію обществъ въ надлежащемъ порядкѣ; но гражданскіе законы потому обязываютъ человѣка въ совѣсти, что они утверждены на священномъ основаніи закона Божія, что законодатель есть провозгласитель своимъ подданнымъ тѣхъ небесныхъ законовъ, которые верховный Судія свѣта повелѣваетъ хранить всякому для своего и другихъ благополучія. Въ разсужденіи чего, „противляяйся власти Божію повелѣнію противляется“ (Римл., 13, 2).

Когда же совѣсть человѣческая остается связанною силою закона Божія, то изъ сего выходитъ судіямъ земнымъ новая Божественная помощь. По преступленіи, для изысканія истины, сколько надлежитъ трудиться судіи! По наружности одной опредѣлить не безопасно, дабы иногда или злодѣянію не восторжествовать, или неповинности не бѣдствовать; но внутренность закрыта, развязаніе сего узла очень нѣжно. Чтоже въ семъ случаѣ потребно?—надобно, чтобы совѣсть была умягчена воззрѣніемъ на нее Ока всевидящаго; надобно, чтобы она увѣрила себя, яко сокрытіе преступленія предъ судіею земнымъ служитъ къ умноженію казни предъ Судіею небеснымъ.

Каинъ былъ первымъ преступникомъ, убивъ неповинно роднаго брата своего Авеля. Былъ сей случай въ законѣ естественномъ, когда никакихъ еще не было не токмо гражданскихъ законовъ, но ни людей, ни обществъ. Слѣдовательно, убійца за свое преступленіе ни отъ кого наказанія бояться не могъ, а потому по злодѣяніи своемъ долженъ бы остаться спокойнымъ, яко сбылъ съ рукъ своихъ нелюбимую имъ персону. Но остался ли онъ спокойнымъ?—никаковымъ образомъ. Каинъ мучится духомъ и трепещетъ тѣломъ: „всякъ“, говоритъ онъ, „обрѣтаяй мя, убіетъ мя“ (Быт., 4, 14). Что ты говоришь, несчастливый преступникъ? Ты вѣдаешь, что никого еще на свѣтѣ нѣтъ— не токмо судей, но и людей, кромѣ родителя твоего; да и тотъ— болѣе сострадатель твоего несчастія, а не мститель твоего злодѣянія. Такъ кого боишься ты? Сіе было дѣйствіе совѣсти, которая представляла ему всевидящаго Бога мстителемъ; то былъ гласъ Божій, который во внутренности сердечной гремѣлъ ему ужаснымъ образомъ: „Каинъ! гдѣ Авель братъ твой“ (Быт., 49)? Сей гласъ всюду слѣдовалъ за нимъ, допрашивалъ его, мучилъ и осуждалъ.

Въ подобномъ случаѣ есть и всякій законопреступникъ. Пусть бы онъ могъ избѣгнуть суда человѣческаго, но не мнитъ избѣгнуть суда Божія. Пусть бы могъ онъ скрыться отъ истязанія законовъ гражданскихъ; но не можетъ скрыться отъ истязанія совѣсти, закономъ вѣры связанной. Сей судъ вездѣ настигаетъ законопреступника, мучитъ и склоняетъ не скрываться передъ судомъ человѣческимъ, дабы чрезъ то избѣгнуть суда вѣчнаго.

И хотя, можетъ быть, не во всякомъ человѣкѣ совѣсть столь не повреждена, чтобы была она преступнику мученіемъ несноснѣйшимъ; однако, нельзя думать, чтобы сія искра божественная совсѣмъ могла быть въ комъ погашена. А еслибы даже до сего несчастіе человѣческое могло простираться, то сіе-то самое и будетъ доказательствомъ, сколь нужно есть, дабы сила вѣры была углублена и вкоренена въ душѣ всякаго отъ младыхъ ногтей. Ибо если бы въ комъ совѣсть дѣйствовать перестала, или человѣкъ на ея удары сдѣлался бы нечувствительнымъ, то сіе-то и есть ясный знакъ, что страхъ Божій изгнанъ изъ души его; слѣдовательно, удобно видѣть можно, сколь полезнымъ для общества членомъ таковый почитаться долженъ.

Но не довольно сего, чтобы преступленія были наказываемы; надобно, чтобы они были предваряемы: ибо и наказаніе самое не столь относится къ отмщенію содѣяннаго злодѣянія, сколько къ предупрежденію будущаго. А сіе дѣйствіе и свойственно особливо единой вѣрѣ. Она, вселяясь въ человѣкѣ съ младенчества и съ его возрастомъ вкупѣ возрастая, научаетъ, что Божеству угодно и что Ему же противно,—

что клонится къ благополучію человѣческому, и что къ несчастію его,—что привлекаетъ Божіе благословеніе, и что Его гнѣвъ,—что вводитъ въ рай, и что низвергаетъ въ вѣчную муку. Сіи понятія тѣмъ дѣйствительнѣе въ человѣческой душѣ, что она представляетъ Бога всевидящимъ, всемогущимъ и праведнымъ,—представляетъ Его и отцомъ благоутробнѣйшимъ, и судіею нелицепріемнымъ. Страшно есть прогнѣвить таковаго Судію; но страшнѣе оскорбить таковаго благоутробнѣйшаго Отца. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы око Его всевидящее не пазирало; нѣтъ мѣста, гдѣ бы мстящая Его рука не постигла; нѣтъ времени, когда бы Онъ праведнику благодѣтельствовать пересталъ; нѣтъ времени, когда бы надъ нечестивымъ мщеніе Его возъимѣло конецъ. Нѣтъ состоянія, возраста, пола и лица, въ разсужденіи коихъ не былъ бы Онъ правосуденъ, воздающій каждому по мѣрѣ заслугъ его.

Еслибы всякій гражданинъ таковыми понятіями былъ просвѣщенъ правно былъ ободренъ и связанъ,—то нельзя, чтобы не вострепетала мысль и рука его, когда покушалась бы на каковое либо зло,—нельзя, чтобы таковое ученіе въ обществахъ не предваряло безчисленныхъ преступленій. Безъ сей узды развращеніе человѣческое, превзошедъ всю мѣру, опровергло бы общества и грады, и землю перемѣнило бы въ ужаснѣйшую пустыню. И на семъ, думаю, основаніи просвѣщенные люди разсуждаютъ, что обществу состоять изъ однихъ безбожныхъ—есть дѣло невозможное.

Сему нашему разсужденію никаковаго не дѣлаетъ предосужденія, если бы кто представилъ разныя злоупотребленія съ вреднѣйшими слѣдствіями, каковыя случались въ теченіе вѣры. Никогда не была причиною таковыхъ злупотребленій святѣйшая вѣра, оная дщерь небеснаго Отца; но развратность человѣческая, которая обыкновенно на зло употреблять дерзаетъ наилучшія въ свѣтѣ вещи. Подлинно, подъ видомъ святой вѣры были производимы страшныя злодѣйства. Но сіе-то паче и должно утвердить всякаго въ вѣрѣ, чтобы не наружнымъ токмо блистать видомъ ея, но внутренно углубить ее въ сердцѣ и обогащать сокровище души своей существенными плодами ея,—таковыми плодами, каковы суть: миръ, благость, милосердіе, кротость, сердце чисто. Ибо злоупотребленіе въ вѣрѣ обыкновенно происходитъ отъ лицемѣровъ, которые, по Апостолу, „образъ имѣютъ благочестія, но силы его отвергшись“ (2 Тим., 3, 5); а по Христову словеси, они суть „гробы повапленные“, токмо извнѣ блистающіе благочестія златомъ. Удивительно ли, если они внутри „полны суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты“ (Матѳ., 23, 27)? И потому таковыя, отъ лицемѣровъ, обращенія во зло святѣйшей вещи, въ истинныхъ Богопочитателяхъ не токмо ни мало не могутъ уменьшать почтенія и усердія къ

вѣрѣ, но паче чрезъ сіе возбуждаются они къ нелицемѣрному ея храненію, дабы чрезъ то предварить страшнѣйшее искушеніе таковыхъ злоупотребленій, и тѣмъ утвердить благо собственное и общее.

По исчисленіи таковымъ образомъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій, какія производитъ вѣра, или богопочтеніе въ союзѣ общественномъ, видимъ, какое есть согласіе и сопряженность общества и Церкви, закона Божія и гражданскаго, гражданина и христіанина. Люди, соединяясь одними законами и однимъ образомъ правленія, составляютъ едино тѣло общественное; но когда они же соглашены и въ важнѣйшемъ пунктѣ богопочтенія, то составляютъ вмѣстѣ и тѣло таинственное, едино тѣло и единъ духъ. Такъ каковой надобно быть силѣ и твердости такового общества, когда оно сими священными нервами связано и скрѣплено?! Едино тѣло, и единъ духъ; едино основаніе, и единъ конецъ.

Внимай сему разсужденію ты, гражданинъ вкупѣ и христіанинъ! Буди хранитель вѣрный установленныхъ законовъ; буди хранитель благоговѣйный сокровища вѣры. Управляй дѣла твои правиломъ уставовъ общественныхъ, управляй движенія сердца твоего правиломъ закона Божія, соединяй всегда неразлучно сіи два залога: въ нихъ состоитъ благополучіе твое временное и вѣчное; сей есть конецъ, для котораго благій Промыслъ тебя производитъ въ свѣтъ сей. Шествуя симъ царскимъ путемъ, достигнешь наименованія въ жизни сей добраго гражданина и истиннаго Богопочитателя, а въ будущей сына Вышняго.

Яснѣйшій примѣръ всему тому есть преславная Россія, любезное Отечество наше. Утверждено оно законами гражданскими, утверждено и Богопочтеніемъ; хранитъ мудро уставленные законы отъ Самодержцевъ своихъ; хранитъ и дражайшій вѣры залогъ. Управляетъ дѣла свои законами общественными, управляетъ и совѣсть человѣческую закономъ Божіимъ; ободряетъ себя награжденіемъ отъ своихъ властей, ободряетъ себя награжденіемъ и отъ Бога; боится за преступленіе наказанія, уставленнаго законами, но паче боится преступать законъ, боясь мученія совѣстнаго. Празднуетъ праздники благополучія общаго, празднуетъ праздникъ и радости совѣстныя. Празднуетъ нынѣ день Воскресенія Христова, поелику гражданинъ вкупѣ есть и христіанинъ; празднуетъ и день рожденія Монархини своей, поелику христіанинъ есть вкупѣ и гражданинъ. О, сколь любезно сіе согласіе! О, сколь драгоцѣненъ есть сей союзъ!—воздавать вкупѣ „кесарева кесареви, и Божія Богови!“ (Мато., 22, 21)! Приносить жертву и благоговѣніе сердечное Вышнему, и Помазанницѣ Его вѣрность нелицемѣрную; однимъ путемъ шествовать и къ временному благополучію и вѣчному, а черезъ то соединять тѣло съ душою и съ землею небо; быть вкупѣ гражданиномъ земнымъ и небеснымъ!

Сей священный союзъ утверждается въ Твоей Августѣйшей особѣ, Благочестивѣйшая Монархиня наша! Ты—глава общества и покровительница Церкви; Ты—богоумудряемая законодательница и вѣрнѣйшая хранительница богопочтенія. Въ златомъ ковчегѣ души Твоей вѣрно хранятся сіи два дражайшіе залога. Ты—любезная матерь отечества и любезная дщерь Вышняго. Въ Тебѣ отечество почитаетъ прозорливѣйшую промыслительницу благополучія его; въ Тебѣ Церковь съ радостію созерцаетъ благочестивѣйшую Помазанницу Божію. Тщаніемъ о просвѣщеніи всѣхъ въ законѣ, Ты пріуготовляешь души ихъ въ жилище Святому Духу; тщаніемъ неусыпнымъ о сохраненіи порядка государственнаго, возвышаешь отечество Твое на высочайшій верхъ славы. Исполненіемъ служенія царскаго руководствуешь насъ къ мирному и благополучному сожитію; исполненіемъ обязательствъ Евангельскихъ руководствуешь насъ ко спасенію вѣчному. Благословенъ убо да будетъ оный день, въ который десница Господня поставила Тебя на виду у видимаго сего міра, къ открытію Его славы и къ благополучію нашему! Благословенъ да будетъ день рожденія Твоего, или, паче, да будетъ благословенъ Вышній, рожденіемъ Твоимъ столь полезная и славная промысливый о насъ, Его же благость и молимъ всеусердно, да даруетъ Онъ Вашему Императорскому Величеству славное теченіе лѣтъ своихъ продолжать счастливо и долгожизненно! Сего достойна добродѣтель Твоя; сего требуетъ благополучіе и слава наша. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

Солнце, обращая годовой кругъ свой, привело насъ къ тому дню, который Церковь Божія утвердила навсегда быть торжественнымъ. Ибо можетъ ли она забыть заслуги тѣхъ, богомудрымъ ученіемъ коихъ и трудами безчисленными приведена въ сіе благоучрежденное состояніе? ревностію коихъ столь ясно открытъ истинный свѣтъ спасенія нашего, и до толикаго совершенства возведенъ догматъ богопочтенія? Можетъ ли, говорю, Церковь Божія, общая наставница всякой добродѣтели, оставить, чтобы празднуемымъ нынѣ святымъ Апостоламъ, чрезъ чадъ своихъ, не засвидѣтельствовать должной благодарности? особливо, что благодар-

*) Сказано въ Петергофѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1772 года.

ность таковая не столь увеличиваетъ славу Богомъ прославленныхъ мужей оныхъ, сколько славу нашу. Когда мы открываемъ златой ковчегъ, наполненный ароматами ихъ заслугъ, сами симъ благоуханіемъ услаждаемся и пользуемся.

Днесь мысленно взирая на васъ, о первоверховніи Апостолы, мы представляемъ себѣ не таковыхъ, каковыми вы нынѣ блистаете въ оной небесной, уму нашему непостижимой, славѣ. Мы васъ представляемъ, каковы вы были на землѣ, на семъ жилищѣ нашемъ, когда, мужественно побѣдивъ всѣ затрудненія, какія вамъ противополагали невѣжество сильное, страсть вооруженная, злость безпредѣльная, восторжествовали на колесницѣ славы, увѣнчавающу васъ Духу Святому. Ибо какое, слушатели, должно быть утѣшеніе для добродѣтельныхъ людей, когда они видятъ, что другіе подобные имъ люди, безъ всякой отъ міра помощи, единымъ Божественнымъ средствомъ добродѣтели взошли до толикой славы, что, не говоря о небесномъ ихъ блаженствѣ, здѣсь на землѣ имена ихъ, заслуживъ безсмертіе, проповѣдуются устами всѣхъ, и, какъ говоритъ святый Златоустъ, порфиру носяй почитаетъ самый пепелъ ихъ. Ежели дозволительно, вступая въ подвигъ добродѣтели, имѣть побужденіемъ къ тому какое-либо честолюбіе, то можетъ ли что быть сего лестнѣе? Не сумнюсь, чтобы вы не чувствовали искры Божественной, возжигающей въ сердцѣ вашемъ желаніе быть ихъ подражателями; но въ чемъ?—сіе разсмотримъ.

Величайшее дѣло Апостоловъ состояло въ томъ, что они, многія страны свѣта и народы отведши отъ идольскаго служенія, привели въ Богопознаніе истинное и утвердили ихъ на основаніи вѣры Христовой. Таковое дѣло было свойственное однимъ Апостоламъ, и, чтобы тому и нынѣ всякъ подражать могъ, сіе по различнымъ состояніямъ не вмѣстительно. „Еда вси Апостоли? еда вси пророцы? еда вси учители?“—говоритъ самъ же Апостолъ (1 Кор., 12, 29). И потому надлежитъ въ семъ Апостольскомъ дѣлѣ особливо примѣтить то, что и нами всѣми подражаемо быть можетъ и должно.

Не говорю о томъ, что Апостолы въ обращеніи народовъ имѣли особливую споспѣшествующую имъ Божію силу, что чрезъ нихъ Богъ творилъ великія чудеса и знаменія, что ихъ языкъ дѣлалъ органомъ, изъясняющимъ всѣ вѣщанія языковъ, и, тѣмъ поражая мысль смертныхъ удивленіемъ, давалъ проповѣди ихъ великую силу и отворялъ дверь свободному теченію Евангелія. Не говорю о семъ, ибо все сіе дѣло единственное было Божеское, а не человѣческое. Апостолы до сего собственною силою своею достигнуть не могли; а было сіе дѣйствіемъ той силы, которая все производитъ однимъ мановеніемъ и изволеніемъ, и той благости, которая, восхотѣвъ спасти міръ, благово-

лила употребить способы чрезвычайные и единой премудрости безконечной свойственные.

Мы въ семъ дѣлѣ должны различить дѣйствіе просто Божеское отъ дѣйствія собственно Апостольскаго: ибо нѣтъ сомнѣнія, чтобы и они не содѣйствовали дѣйствующей въ Апостолахъ благодати Божіей, сколько отъ человѣка, Духомъ Божіимъ правимаго, требовать и ожидать можно. Сіе признаютъ сами Апостолы: „Богу", — говорятъ они,—„споспѣшницы есмы" (1 Кор., 3, 9). И ап. Павелъ свободно изъясняется: „Благодать Божія, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ потрудихся" (1 Кор., 15, 10). И хотя онъ признается, что сіе дѣйствовала благодать Божія, но, притомъ, прибавляетъ: „яже со мною".

Положивъ сіе основаніе, возведемъ очи свои на подвиги Апостольскіе, что они, зовущу ихъ на должность Святому Духу, съ своей стороны принесли на жертву? принесли они въ принятіи на себя должности Апостольской безпрекословное повиновеніе, въ прохожденіи ея—прилежаніе и ревность, въ употребленіи оной—совершенную безкорыстность и вѣрность. Сіи добродѣтели Апостоловъ были плодъ добраго души ихъ произволенія и расположенія. И какъ сіе требуется и отъ всякаго, каковую-либо въ обществѣ должность проходящаго, то мы больше къ сей цѣли склонять будемъ слово наше,

Когда Апостолы позваны были на должность Апостольскую, они показали безпрекословное повиновеніе: ибо, по свидѣтельству Евангелія, какъ токмо услышали гласъ Того, Котораго они имѣли счастіе признать за Посланника Божія, тотчасъ „оставльше вся по Немъ идоша" (Лук., 18, 28). Какое чистосердечное повиновеніе! Не усумнились слѣдовать за Тѣмъ, Который Самъ не имѣлъ, гдѣ главы приклонить,—не усомнились слѣдовать за Тѣмъ, Котораго гнала многихъ страсть сильная, и—что они такимъ же подвергали себя опаспостямъ,—не размыслили, что имъ надобно было оставить все имущество, которое хотя и невелико было, но составляло все ихъ богатство. Таковыя размышенія не могли поколебать въ нихъ того усердія, которое они имѣли къ своему Господу и Учителю, и въ лицѣ Котораго почитали власть Божественную. Были они довольно просвѣщены и честны, когда увѣряли себя, что подобаетъ повиноватися признанной совѣстію власти, хотя бы и къ труднымъ должностямъ оная призывала. Примѣръ святъ и подражанія всѣхъ вѣковъ достойный! И потому непзвинительны предъ Богомъ тѣ, которые, когда бываютъ опредѣляемы къ должностямъ, соединеннымъ съ нѣкоторыми затрудненіями, обыкли отрицаться и представлять только одинъ видъ извиненія,—особливо, когда большой изъ того для себя корысти не предусматриваютъ. Но гдѣ же—уваженіе честности, достойной быть почитаемой паче всякихъ прибытковъ? Гдѣ—должное

повиновеніе власти, на мѣстѣ Божіемъ засѣдающей? Гдѣ—примѣръ Апостоловъ, не токмо какихъ-либо корыстей не пищущихъ, но и все свое оставляющихъ въ томъ случаѣ, когда ихъ зоветъ власть, признанная ими Божественною? Впрочемъ, сему не противно, если кто безъ всякихъ мыслей пристрастныхъ, сознавая себя къ прохожденію назначаемой должности совсѣмъ неспособнымъ, и потому опасаясь, чтобы, принявъ на себя иго силамъ своимъ несоразмѣрное, другимъ чрезъ то не причинить вреда, съ кротостію отрицается. Ибо ключи, о коихъ нынѣшнее поминаетъ Евангеліе, суть разные; разные суть пути ко спасенію; разныя суть знанія, отправленіемъ коихъ человѣкъ служить можетъ пользѣ своей и общественной. И потому великая важность состоитъ въ томъ, чтобы всякому назначить должность, къ которой онъ естественно расположенъ, и къ оной влекутъ его воспитаніе и дарованія. Таковой разборъ есть нѣженъ, но нуженъ. Почему противъ порядка и существенной пользы общества вельми грѣшатъ тѣ, которые ищутъ и принимаютъ на себя должность, а исполнить оную по надлежащему ни силы, ни разума въ себѣ не ощущаютъ; да и тѣ дѣлаютъ себя участниками тому же грѣху, которые за таковыхъ ходатайствовать охотятся. А какимъ образомъ принятую на себя по способности должность исполнять надлежитъ, сіе увидимъ изъ примѣра Апостольскаго.

Апостолы воспріятую ими должность проходили съ прилежаніемъ и ревностію. Мысль ихъ ничѣмъ занята не была болѣе, какъ размышленіемъ, чтобы званіе исполнить съ наилучшимъ успѣхомъ. „Горе намъ!“ въ совѣсти своей твердили они, „аще не благовѣствуемъ“ (1 Кор., 9, 16). Горе намъ, ежели возложенному на насъ званію не соотвѣтствуемъ! горе намъ, если въ семъ теченіи преткнемся и дадимъ на себя порицаніе и хулу на Призвавшаго насъ! Таковая мысль сама собою вела къ исправному должности исполненію: ибо трудно, чтобы въ должности былъ не исправенъ тотъ, который непрестанно о ней думаетъ и предъ очами своими всегда носитъ ея планъ въ рукахъ своихъ. Послушаемъ, что ап. Павелъ о себѣ говоритъ: „Три лѣта, день и нощь непрестаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ“ (Дѣян., 20, 31). Что слово, то доказательство. Учить три года сряду, учить день и ночь, учить не всѣхъ вообще токмо, но и каждаго особливо, учить не съ холодною кровію, но съ усердіемъ и со слезами,—не есть ли яснѣйшій примѣръ, какимъ должно быть исполнителемъ званія своего всякому?

Съ таковымъ прилежаніемъ у Апостоловъ прямо была соединена истинная ревность.

Примѣтьте таковыя свойства ревности въ слѣдующихъ поступкахъ Апостоловъ. Иногда они увѣряли учениковъ о своемъ усердіи къ нимъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Вы намъ столь любезны, говорили они, что

если-бы можно было, мы желали бы всегда въ рукахъ носить очи ваши, чтобы намъ наслаждаться зрѣніемъ вашимъ. Ежели бы намъ разсуждать свою токмо пользу, лучше бы было для насъ перемѣнить сію многотрудную жизнь на вѣчную; а если что удерживаетъ желаніе наше пребывать еще на землѣ, то единственно польза ваша. „Разрѣшитися и со Христомъ быти много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради“ (Филипп., 1, 23, 24). Иногда проливали они источники слезъ. Дѣти, утроба наша, хотя духовно родити васъ, паки мучится, доколѣ въ васъ не увидимъ начертанъ тотъ образъ Іисуса Христа, который вы погубили. „Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ“ (Галат., 4, 19). Иногда дѣлали нѣкоторый видъ любовнаго посмѣянія, въ случаѣ ученическихъ высокомѣрныхъ мыслей о себѣ. Вы въ насъ нужды не имѣете, вы безъ насъ богати, вы безъ насъ воцарились. О, когда бы и мы были участники вашего блаженства! „Се сыти есте, се обогатистеся, безъ насъ воцаристеся: и о, дабы воцарилися есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали“ (I Кор., 4, 8)! Иногда притворяли себѣ видъ негодованія, что будто болѣе о пользѣ ихъ трудиться не хотятъ. Больше пусть никто уже насъ не утруждаетъ; довольно для насъ, что мы сами совѣстію непорочною себя увеселяемъ и по оной спастись надѣемся. „Прочее, труды да никтоже ми дастъ: азъ бо язвы Господа моего на тѣлѣ моемъ ношу“ (Галат., 6, 17). Иногда устрашали ихъ нѣкоторымъ прещеніемъ: „Егда второе пріиду, не пощажду“ (2 Кор., 13, 2). Иногда похваляли ихъ успѣхъ въ вѣрѣ: „радуемся, яко вѣра ваша проповѣдуется во всемъ мірѣ“ (Римл., 1, 8). Какой жаръ священной небесной ревности! Какіе се были разные виды благоразумія учительскаго!

Кто не долженъ подражать таковой ревности въ должности своей? Но не всѣ заслуживаютъ достойную похвалу таковыхъ подражателей. Иной съ дремлющими глазами сидитъ за судейскимъ столомъ, съ холоднымъ духомъ; другой священное занимаетъ мѣсто; иной такъ дѣло производитъ, что, какъ говорятъ, изъ рукъ дѣло валится. Къ гулянію—охота; но, когда позовутъ на дѣло, на трудъ, тотчасъ пошли отговорки: „можно и въ другое время сдѣлать, не все сдѣлать вдругъ, всѣхъ дѣлъ не передѣлать“. А между тѣмъ жаръ душевный холодѣетъ, привычка лѣности веревки крѣпче вяжетъ, праздность и гуляніе прелестнѣе становятся, прилежаніе пропадаетъ, трудъ становится скучнымъ, польза уходитъ, проходитъ время, разслабленіе связываетъ всѣ члены къ доброму подвигу; духъ отягощается, и душа уже не дѣйствуетъ. Гдѣ же—исполненіе должности? Или совсѣмъ оставлено, или, когда принуждать будетъ крайняя необходимость, то уже считается за довольное, чтобы сдѣлать „какъ-нибудь“. Каковыя же

бываютъ причины таковаго нерадѣнія? Разныя: иной не понимаетъ своей пользы, другой въ излишнемъ воспитанъ послабленіи; третій не къ тому родился и расположенъ, къ чему опредѣленъ онъ. У другихъ есть и иная причина; а какая, послушаемъ слѣдующаго.

Тщательность и прилежаніе требуетъ еще разсмотрѣнія, съ какимъ кто видомъ и намѣреніемъ оное употребляетъ.

Сіе паки увидимъ мы на Апостолахъ. Они проходили должность свою съ крайнею безкорыстностію, почитая наилучшимъ своимъ прибыткомъ увеселить совѣсть свою исполненіемъ своего званія и доставить другимъ пользу. Ап. Павелъ Ефесскимъ пресвитерамъ прямо засвидѣтельствовалъ: „Сребра или злата или ризъ ни единаго возжелахъ. Сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужисте рущѣ мои сіи“ (Дѣян., 20, 33—34). Не для того, аки бы они не имѣли права требовать за труды свои пропитанія. „Кто воинствуетъ своими оброки когда? кто насаждаетъ виноградъ, и отъ плода его не ястъ? или кто пасетъ стадо, и отъ млека стада не ястъ? Но не сотворихомъ,“ говорили они, „во власти сей“ (1 Кор., 9, 7, 12); для чего?—„да непреткновеніе кое дамы благовѣствованію Христову“.

Кто сему послѣдуетъ, тотъ достоинъ быть почтенъ подражателемъ Апостольскимъ. Иные, какъ выше сказали мы, лѣностны въ должности своей для того, что прибытковъ получить не чаютъ; а нѣкоторые и тщательны, но единственно взирая на прибытки неправедные. Безпристрастіе есть наилучшее украшеніе исполненія должности, и честность должна быть тому основаніемъ. Впрочемъ, будь всякъ доволенъ своими оброки, и въ благословенной отъ Бога части поставляй довольство свое. Сохраненіе чести есть наибольшее пріобрѣтеніе, а потерявъ оную, теряется все. Ежели бы таковые люди разумѣли, сколь есть пріятно быть не обличаему совѣстію своею, и сколь есть мило имѣть не большое, но справедливое: то неотмѣнно возгнушались бы неправедною корыстію, яко подлѣйшею страстію, и должности бы свои проходили съ большею честностью, слѣдовательно, и съ большею пользою своею.

Вотъ до чего довели насъ изъясненія дѣлъ Апостольскихъ. Праведно бо, какъ въ началѣ слова сказали мы, добродѣтели великихъ мужей подобны суть благовоннымъ ароматамъ: ихъ разбирая и разсматривая, сами ихъ благоуханіемъ услаждаемся и пользуемся.

Теперь остается узнать, имѣли ли Апостолы въ дѣлѣ своемъ успѣхъ? Отвели ли народы отъ идольскаго заблужденія? Погасили ли огонь идоложертвенный, который иногда курился кровію человѣческою? Опровергли ли капища, посвященныя людямъ прославленнымъ пороками? Удержали ли праздники, страстямъ посвященные? За-

ставили ли молчать ложныхъ оракуловъ? Преодолѣли ли силу привычки и давняго обыкновенія? Поправили ли нравы, которые находили порчу свою въ самомъ богослуженіи? Ввели ли новый родъ жизни святой и безстрастной? Утвердили ли слабыя души упованіемъ безсмертія и жизни вѣчной? Научили ли, чувствами правимыхъ, людей поклоняться Богу и Отцу духомъ и истиною? Богу содѣйствующу, до всего того благополучно достигли они: восторжествовала святая вѣра, и свѣтъ Евангелія осіялъ мысли всѣхъ, разогнавъ всякую темноту. Сему свидѣтелемъ есть самый опытъ. Апост. Павелъ еще въ свое время къ Римлянамъ могъ свободно изъясниться, говоря: „вѣра ваша, Римляне, проповѣдуется во всемъ мірѣ“. И такъ, сбылось то, что Давидъ св. благоволилъ приложить къ проповѣди Апостольской, яко „во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ“ (Псал., 18, 5).

Благодаритъ убо васъ, о мужи божественіи, святая Церковь, ученіемъ вашимъ и трудами собранная и утвержденная. Вашимъ добродѣтелямъ удивляясь, поставляетъ она въ томъ должную быть отъ насъ благодарность вамъ, чтобы всегда прославлять имя ваше. Возлетая къ вамъ мыслію усердною, мы желаемъ въ день воскресенія праведныхъ, по многотрудномъ семъ теченіи, обрѣсти себѣ покой въ объятіяхъ небеснаго Отца, славно увѣнчавшаго васъ.

Здѣсь надлежало бы окончить намъ слово свое, если бы Россія, свѣтло торжествующая сей день, не подавала намъ случая продолжить еще бесѣду нашу. Церковь почитаетъ государей благочестивыхъ, государей заслугами своими оную, а чрезъ нее и Самого Бога одолжившихъ, государей проходящихъ подвигъ Апостольскій,—равноапостольными. Таковъ былъ великій Константинъ, такова была благочестивая его мать Елена; сею же титлою „равноапостальнаго“ отъ Церкви почтенъ великій Князь Всероссійскій Владиміръ, и благочестивая княгиня Ольга.

Ревностною подражательницею Апостольскаго благочестія сихъ есть Всепресвѣтлѣйшая и Благочестивѣйшая Самодержица наша. Оставимъ теперь подробно изъяснять внутреннее ея къ Богу усердіе, возлагаемое на Него во всѣхъ дѣлахъ своихъ упованіе, проливаемые ею молитвы съ воздыханіемъ и слезами. Ибо сіи святыя дѣйствія сокровенны суть въ глубинѣ благочестивыя души ея; хотя и сей внутренній священный огнь не столь сокровенъ, чтобы часто не открывалъ себя чрезъ жертвенное куреніе молитвъ ея и благоговѣнія христіанскаго. Мы видимъ и открытыя и всѣмъ извѣстныя дѣла Апостольскаго ея подвига. При восшествіи Ея Величества на престолъ Императорскій, Церковь зѣло обрадована онымъ благоговѣнія исполненымъ изъясненіемъ, что ревность святая къ православному нашему закону была, между прочимъ, сильнѣйшимъ побужденіемъ принять въ

руки свои скипетръ правленія. Почему не безъ провидѣнія Духъ Святый въ тотъ день, въ чтенномъ Апостолѣ, назвалъ ее, въ лицѣ Ѳивы, сестрою Апостольскою. Но что же иное доказываютъ и обстоятельства войны, нѣкоторымъ уже образомъ, слава Богу, минующія? Между прочими причинами, о коихъ свѣдомы вѣрнѣйшіе и искуснѣйшіе Ея Величества политическіе министры, вѣра православная, хранимая единовѣрными намъ, но притѣсненная отъ отяготившихъ надъ ними иго свое,—между прочими причинами была важнѣйшею. Вы, единовѣрные намъ народы, живущіе въ сосѣдствѣ нашемъ, народы въ древней Греціи, Архипелагѣ, Негропонтѣ, Иллирикѣ, въ Мизіи, Дакіи, Херсонесѣ и Колхидѣ,—вы, народы, засвидѣтельствуете сію истину: какая бо иная причина побудила Ея Величество принять участіе въ вашемъ покровительствѣ, если не та, чтобы дать свободность совѣсти вашей и отнять ту преграду, которую [гоненіе поставило между вами и Богомъ, къ безпрепятственному вашему соединенію чрезъ средство святой вѣры съ Богомъ? И потому таковый Твой, Великая Государыня, равноапостольный подвигъ десница Господня благословляетъ не меньшими успѣхами, какъ каковыми прославилась и проповѣдь апостольская. Ибо, поистинѣ, во всю землю изыде вѣщаніе славы Твоея, и въ концы вселенныя глаголы, возвѣщающіе благочестіе Твое. Како убо не возрадуется о Тебѣ Церковь Божія? Како мы, недостойніи служители ея, оставимъ когда предъ престоломъ Величества Божія молитвами своими препоручать державу Твою Богу живому и истинному? Остается токмо ожидать,—о чемъ насъ благость Божія уже и увѣряетъ,—чтобы мы, по увѣнчанномъ лаврами оружіи Твоемъ, воспріяли въ руки наши вѣтви масличныя, почитая Ваше Императорское Величество виновницею и славныхъ побѣдъ, и полезнаго мира.

Благословенъ и Ты отъ Бога, Благовѣрный Государь Цесаревичъ, дражайшій нашъ имянинникъ, что столь славными примѣрами отовсюду осіяваешься. Зри Божіи благодѣянія, и обращать оныя въ пользу свою да наставляетъ Тя Премудрость Вышняя. Не просто достоинство великое и высокое рожденіе возносятъ смертнаго выше жребія смертныхъ и приближаютъ къ Божеству, но къ Богу усердіе, къ вѣрѣ привязанность, къ отечеству любовь, въ должности прилежаніе, ревность, великодушіе, снисхожденіе и милосердіе. Сіи добродѣтели пріобрѣтаютъ славу и придаютъ немерцающее сіяніе высокому достоинству. Вѣдаемъ, что сіи истины впечатлѣны суть въ сердцѣ Твоемъ. Но сколь должно быть пріятно слышать напоминаніе того, исполненіемъ чего чувствительно услаждается душа Твоя! Ты восходишь по степенямъ до совершенства. Не ослабѣвай, Благовѣрный Государь, въ семъ подвигѣ святомъ: тверди въ Тебѣ сію рѣчь тезоименитаго Твоего: „задняя забываю,

въ предпяя же простираюся, со усердіемъ спѣша къ почести вышняго знанія Божія“ (Филипп., 3, 13). Мы желаніями своими послѣдствуемъ Вашему Императорскому Высочеству и молимъ Бога, да Самъ Зиждитель всегда руководствуетъ Ея Императорское Величество, Всепресвѣтлѣйшую Родительницу Твою, столь счастливо Тебя руководствующую, и Ваше Высочество, устроя тѣмъ храмъ благополучія нашего, столь твердое основаніе котораго уже положено, Богу споспѣшествующу. Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества *).

„Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ“.
(Галат., гл. 5, ст. 25).

Съ коликою радостію торжествовала Россія оный день, въ который произошелъ на свѣтъ дражайшій Наслѣдникъ нашъ,—вѣдаютъ всѣ, кои въ томъ счастливое имѣли участіе; да не говорю о торжествахъ токмо внѣшнихъ и веселостяхъ народныхъ, говорю о томъ радостномъ расположеніи духа, какое тогда чувствовали въ себѣ вси вѣрніи Россійстіи сынове. Но радость оная, Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, досель не токмо продолжается, но паче и паче умножается. Тогда празднована было вожделѣнное бытіе дражайшей особы; нынѣ—счастливое продолженіе бытія того. Тогда процвѣлъ райскій цвѣтъ; нынѣ уже вкушаемъ и сладкіе плоды. Тогда, примѣчая знаки благой надежды, сіявшіе въ благоустроенномъ тѣла составѣ, говорили: „что отроча сіе будетъ“ (Лук., 1, 66)? и слагали глаголы счастливаго предзнаменованія въ сердцѣ своемъ; нынѣ отрокъ Господень возрасте и укрѣпися духомъ, и благодать Божія бѣ на немъ. Можемъ убо мы благовременно воскликнуть къ Тебѣ, Всеавгустѣйшая Монархиня, виновница таковаго отечеству нашему блаженства,—можемъ къ Тебѣ воскликнуть словами блаженной Матери Крестителевой: „Благословена Ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева Твоего“ (Лук., 1, 42).

Какое убо нынѣ, слушатели, и какимъ образомъ составимъ торжество? Вмѣсто орудій музикійскихъ, вмѣсто органовъ и кимваловъ да возгласитъ намъ слово Божіе: „гласъ Господень въ силѣ, гласъ Господень въ великолѣпіи“ (Псал., 28, 4). Сей гласъ, предложеннымъ нами въ началѣ Апостольскимъ словомъ, напоминаетъ, чтобы безослабно про-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, 1772 года, сентября 20 дня.

должать намъ теченіе жизни добродѣтельной; и потому, слѣдственно, разсмотрѣть, *что можетъ служить намъ помощію къ удобнѣйшему прохожденію въ пути добродѣтели?* Каковое разсужденіе нужно для блаженства человѣческаго и заслуживаетъ вниманія нашего.

По мнѣнію Златоустову, нѣтъ труднѣе порока: ибо, подлинно, онъ всегда стремится противъ естественнаго порядка и не можетъ имѣть своего дѣйствія, не нарушивъ тотъ союзъ, который устроилъ въ насъ премудрый Создатель. А добродѣтель, напротивъ, точно сходна съ естественнымъ положеніемъ, и душѣ нашей такъ свойственно стремиться къ ней, какъ очамъ видѣть цвѣты и слуху чувствовать звоны. Сія истина столь неоспорима, что порокъ когда и нравится, не иначе, развѣ подъ видомъ какого-либо добра; а если бы онъ открылся намъ въ собственномъ видѣ своемъ, то душа наша отъ него ужаснулась бы и вострепетала. Слѣдовательно, можно сказать, добродѣтель нѣкоторымъ образомъ торжествуетъ и въ самомъ содѣяніи порока: поелику порокъ, принимая на себя прекрасное лице ея, получаетъ побѣду надъ слабою человѣческою мыслію и склонностію. А изъ сего бы и слѣдовало заключить, что, какъ нѣтъ труднѣе порока, такъ удобнѣе нѣтъ добродѣтели. Но опытъ не всегда, къ несчастію нашему, соотвѣтствуетъ истинѣ сей. Ибо не рѣдко намъ доказываютъ примѣры, страстьми порабощенныхъ, людей, что нѣтъ легче, какъ содѣяніе порока, и, напротивъ, добродѣтель кажется быть поставлена на верху высочайшей горы, на которую восходятъ не многіе, и то съ великими усиліями и затрудненіями. Почему не безъ основанія Спаситель нашъ назвалъ путь, ведущій въ животъ, тѣснымъ, и врата, коими входимъ во храмъ добродѣтели, узкими (Матѳ., 7, 3). Но какъ были и есть облакъ свидѣтелей, кои путемъ добродѣтели шли откровенною главою и оставили славные примѣры послѣдовать себѣ, то нужда истиннаго блаженства нашего и требуетъ узнать тѣ способы, съ помощію которыхъ она удобно можетъ быть совершаема.

Се, Апостолъ, или паче глаголавый имъ Богъ, въ выше предложенномъ нами словѣ открываетъ таковый способъ: „аще“,—говоритъ онъ, „живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ“. То же самое поставляетъ онъ правиломъ дѣлъ нашихъ, что есть начало жизни нашей. Въ теченіе нашихъ дѣлъ онъ велитъ держаться руководства Того, Который всесильною рукою поставилъ насъ въ семъ теченіи. Ибо Духъ Господень не просто даровалъ намъ бытіе и жизнь, но вмѣстѣ посѣялъ на душѣ нашей сѣмена спасительныя къ произращенію плодовъ добродѣтельныхъ. Что бо въ насъ есть образъ Божій? что—подобіе Его? Богъ есть премудръ,—и въ насъ вложилъ способность къ познанію истины и къ различенію оной отъ лжи и обмана. Богъ есть святъ,—и въ наше

сердце вліялъ склонность къ добродѣтели и отвращеніе отъ зла. Богъ есть благъ и милосердъ—и нашу душу одарилъ склонностію къ сожалѣнію и благодѣльству. Богъ есть свободенъ,—и намъ даровалъ свободное произволеніе въ избраніи добра. Богъ есть преблаженъ,—и намъ открылъ способы, къ блаженству временному и вѣчному руководствующіе. О, коликая благость Создателева! коликое души нашей превосходство! она содержитъ въ себѣ подобіе безконечныхъ Божескихъ совершенствъ, она есть многоцвѣтный ковчегъ Его сокровищъ; она есть книга одушевленная, перстомъ Божіимъ написанная. И какъ въ малѣйшемъ сѣмени, по разсужденію естествословцевъ, заключаются и корень, и стволъ, и жилы, и листвія, и вѣтви, въ непонимаемомъ количествѣ: такъ и въ душу нашу вложилъ Творецъ всѣ тѣ способности, силы и склонности, которыя составляютъ составъ добродѣтели. Но сіе Богопосѣянное сѣмя можетъ остаться безъ плода, если мы съ своей стороны не употребимъ надлежащаго раченія. Ибо Создатель естества содѣлалъ насъ свободными, раздѣлилъ нѣкоторымъ образомъ дѣло Свое съ дѣломъ нашимъ, или, свойственнѣе сказать, благоволилъ, чтобы человѣкъ и самъ содѣйствовалъ блаженству своему, и тѣмъ больше вкушалъ бы удовольствія, что при помощи Божіей видѣлъ бы плодъ собственнаго своего раченія и искусства.

Таковое раченіе прежде всего требуетъ употребить всѣ силы душевныя къ снисканію просвѣщенія. Оно всему предшествуетъ. Ибо какъ во тьмѣ нельзя отличить никакихъ вещей одной отъ другой: такъ въ невѣжествѣ ни истины отъ лжи, ни добра отъ зла распознать не можно. Сего точно требуетъ образъ Божій, который въ душѣ нашей напечатанъ. Ибо Богъ ничего не дѣлаетъ, не будучи предшествуемъ свѣтомъ премудрости Своей; тѣмъ же путемъ идти и намъ благоизволилъ. Таковое просвѣщеніе почерпается изъ двухъ источниковъ, проистекшихъ отъ престола Его,—изъ совѣсти непорочной и слова Божія. Сіи два начала суть главныя и единственныя, и одно другому вспомоществуетъ. Совѣсть непорочная чувствуетъ правило добродѣтели; а слово Божіе изъясняетъ оное. Слово Божіе открываетъ путь; совѣсть чистая руководствуетъ по оному. Если бы слово вѣры стало въ памяти заглаждаться, совѣсть очищаетъ мракъ сей; еслибы совѣсть начала дремать отъ страстей, слово Божіе разбуждаетъ. И потому надобно крайне блюстись, чтобы или страсти не усыпили чувствованія сердечнаго, или невѣжество и суемудріе не загладили въ мысли словъ закона вѣры. И для того-то Боговдохновенный Пророкъ на своихъ божественныхъ гусляхъ любилъ припѣвать сію пѣснь: „Блажени непорочніи въ путь, ходящіи въ законѣ Господни. Блажени испытающіи свидѣнія Его“; для чего?— „ибо всѣмъ сердцемъ взыщутъ Его“ (Псал., 118, 1, 2).

*

Не возможно, чтобы человѣкъ, управляя жизнь свою по симъ основаніямъ, не чувствовалъ въ себѣ сладчайшаго спокойствія души: ибо плодъ духовный есть радость и миръ. Не возможно, чтобы не находилъ удобности проходить путемъ добродѣтели: ибо, по мѣрѣ приближенія его къ добродѣтели, будетъ удаляться порокъ. Слѣдовательно, по мѣрѣ облегченія заповѣдей закона, порокъ часъ отъ часу будетъ становиться труднѣе, подобно тому какъ, чѣмъ болѣе открывается свѣтъ, тѣмъ болѣе тьма уступаетъ.

И потому удивительно ли будетъ, если, помраченная невѣжествомъ, а страстьми связанная, мысль будетъ находить себѣ затрудненіе въ дѣланіи добродѣтели? Можетъ ли что благоспѣшно произойти, когда совѣсть порабощена, а вѣра не дѣйствуетъ? Въ такомъ несчастливомъ положеніи находясь, человѣкъ не знаетъ и не видитъ добродѣтели, развѣ одно ея привидѣніе; или хотя и видитъ (ибо совсѣмъ не видѣть ея нельзя), но она кажется ему неприступною, страшною, и путь къ ней—окруженный терніемъ. И затѣмъ, дѣйствуя остатками совѣсти, совсѣмъ никогда не истребляемой, силится, подымается, но ослабѣваетъ и, подъ тягостію страстей, падаетъ. Должно убо съ Пророкомъ всегда вопить ко Господу: „Просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть: просвѣти очи мои, да некогда речетъ врагъ мой: укрѣпихся на него“ (Псал., 12, 4, 5).

А чтобы добродѣтель сдѣлать для себя не токмо удобною, но и, такъ сказать, домашнею и обыкновеннымъ своимъ упражненіемъ, надобно въ дѣланіи ея никогда не ослабѣвать: ибо частымъ повтореніемъ одного дѣйствія снискивается навыкъ или привычка. Не довольно бо, по разсужденію просвѣщенныхъ людей, чтобы сдѣлать только когда-нибудь добро: надобно снискать въ сердцѣ своемъ всегдашнее расположеніе къ нему и склонность. Не довольно, напримѣръ, подать когда-нибудь милостыню, или прочесть когда-нибудь молитву: надобно, чтобы сердце всегда было расположено къ тому, и охота къ тому всегда бы была напряжена безъ ослабленія. Ибо безъ сего добродѣтель будетъ имѣть основаніе свое нетвердое, будетъ подлежать опасности ежечасной перемѣны, и потому будетъ она болѣе нѣчто случайное и плодъ неосновательнаго стремленія. Не тотъ почитается умѣющимъ читать и писать, который съ трудностію и съ медленіемъ начертываетъ нѣкоторыя буквы, и прочитываетъ нѣкоторыя строки; но который снискалъ навыкъ производить то и другое безъ всякаго затрудненія. А до сего обыкновенно доходимъ мы частымъ повтореніемъ одного дѣла. О, когда бы мы пріобрѣли навыкъ и дѣлать добро! тогда-то добродѣтель будетъ въ сердцѣ нашемъ дѣйствовать съ крайнею удобностію: ибо будетъ она обыкновеннымъ дѣломъ нашимъ, будетъ утѣхою нашею; и тогда-то

согласимся мы сказать со Златоустомъ, что нѣтъ труднѣе порока, и нѣтъ удобнѣе добродѣтели.

По паче всего нуженъ есть страхъ Божій: ибо „начало премудрости страхъ Господень“ (Пс., 110, 10). Нужно непрестанное размышленіе съ благоговѣніемъ, что мы имѣемъ Господа, Который содержитъ въ рукѣ Своей дыханіе наше, Которому открыты мысли наши сердечныя, Который распоряжаетъ всѣми намѣреніями нашими, отъ власти Котораго зависятъ вся наша благая, Которому должно дать отчетъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ. Къ сему великому существу да будетъ всегда привязана мысль наша и душа, да почитаетъ святыя судьбы Его, да уповаетъ на благій Промыслъ Его и да боится суда Его. Ибо все наше просвѣщеніе еще есть человѣческое, всѣ наши усилія безъ Его помощи слабы. Союзъ дѣлъ Его намъ не проницателенъ,—союзъ, покрытый таинственнымъ покровомъ премудрости Его. Онъ распоряжаетъ теченіе временъ и тварей по Своему изволенію, судьбами неиспытанными. Слабая мысль смертнаго въ семъ океанѣ утопаетъ, и только остается ей, поверженной на подножіи величества безконечнаго, испускать гласъ сей: „исповѣмся Тебѣ, Боже, исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивился есп“ (Псал., 138, 14). „Скажи мнѣ путь, въ оньже пойду“ (Псал., 142, 8).

Преблагая рука Господня, правящая всѣмъ свѣтомъ, покрываетъ раба, прибѣгающаго къ Богу съ упованіемъ и вѣрою,—являетъ ему безвѣстная и тайная премудрости Своея, и руководствуетъ его къ блаженному концу, который извѣстенъ Ему одному. И такъ благопоспѣшно ходитъ онъ путемъ Господнимъ, радуяся постъ пѣснь восхожденія духовнаго и, вышедши въ свободность естественную, находитъ добродѣтель, сходственную съ внутреннимъ своимъ расположеніемъ, находитъ ее любезну, и въ дѣланіи ея обыкновенныхъ грѣшнику трудностей не ощущаетъ; а порокъ бѣжитъ и не смѣетъ приблизиться къ рабу, запечатлѣнному именемъ страшнымъ великаго Бога. Внимай сему ты, христіанинъ соединенный завѣтомъ благодати съ Богомъ твоимъ! храни залогъ, не нарушивъ твоего усыновленія съ Нимъ. Будучи купленъ неоцѣненною кровію великаго Ходатая въ свободность Евангельскую, не будь рабомъ страстей. Премудрости духовной да послушаетъ ухо твое, и приложи сердце твое къ разуму: аще бо пріидетъ премудрость въ твою мысль, просвѣщеніе же твоей души добро быти возмнится, совѣтъ добръ сохранитъ тя, помышленіе же праведное соблюдетъ тя. Буди уповая всѣмъ сердцемъ на Бога, о Твоей же премудрости не возносися, яко Господь даетъ премудрость, и отъ лица Его—познаніе и разумъ. Ходи мирно во всѣхъ путехъ Твоихъ, и нога твоя не поткнется. Руководствуемъ бо добродѣтелію, аще сядеши, безбоязненъ будеши: аще же поспиши, сладостно поспиши: и будеши возлюбленъ Богомъ и человѣками.

Надобны ли еще къ сему примѣры? Ибо примѣръ, не знаю какъ, сильнѣе дѣйствуетъ, нежели одно слово. Разумъ представляетъ, что добродѣтель достойна подражанія, а примѣръ приводитъ насъ въ стыдъ, если мы не хранимъ ее, которую сохранили и коею прославились подобные намъ люди. Такъ надобны ли еще примѣры? Се, очи наши созерцаютъ Августѣйшую особу, возлюбленную Божію Помазанницу. Ея Императорское Величество, будучи отъ Царя царствующихъ поставлена руководствовать насъ ко всякой добродѣтели, исполняетъ сей великій долгъ благопоспѣшно. Ибо душа ея есть зерцало, испускающее лучи просвѣщенія, а правленіе ея есть училище, въ которомъ мы всегда поучаемся правиламъ жизни добродѣтельной. Сохраняя всеприлежно Божественныя черты образа и подобія Божія, напечатанныя въ сердцѣ своемъ, симъ средствомъ представляетъ она намъ себя видимымъ изображеніемъ Всесвятѣйшаго Божества. И въ семъ Богоугодномъ упражненіи добродѣтели столь утверждена душа ея, что по всеохотному расположенію къ тому всегда несется благонамѣренная воля ея. И для сего-то, Всемилостивѣйшая Государыня, между многими другими дѣлами, прославившими имя Твое, Богъ благословилъ величество Твое сыномъ добродѣтельнымъ, сыномъ достойнымъ Тебя, достойнымъ великихъ дѣлъ Твоихъ. Ты зришь въ немъ естественное свое изображеніе, а мы созерцаемъ въ немъ подобіе души Твоей; кровь, отъ Тебя заимствованная, протекаетъ въ немъ струею чистѣйшею. Какое сіе есть блаженство для отечества нашего—видѣть двухъ великихъ особъ, на коихъ основывается счастіе толикихъ народовъ, видѣть всегда сопровождаемыхъ прекраснымъ ликомъ добродѣтелей?!

А Ты, Пресвѣтлѣйшій и дражайшій Государь Наслѣдникъ, теченіе добродѣтели, коимъ досель прекрасно теклъ еси, продолжай неослабно. Что бо напоминаетъ намъ день сей, день всерадостнаго рожденія Твоего?—напоминаетъ онъ, или паче представляетъ очамъ нашимъ, что Ваше Императорское Высочество съ помощію Промысла, пекущагося о насъ, преуспѣваете въ лѣтахъ и дарованіяхъ: въ материхъ нѣдрахъ Августѣйшей родительницы Твоей благополучно возрастая, обращаешь очи всѣхъ на зрѣніе спѣлыхъ плодовъ Твоихъ. Духъ Божій даровалъ Тебѣ жизнь, Духъ Божій всегда да наставляетъ Тебя. Внимай премудрости Господней, къ словесемъ же Его прилагай ухо Твое: ибо заповѣдь закона,—свѣтильникъ, и свѣтъ, и путь жизни. Въ исполненіи заповѣдей Божіихъ полагай спокойствіе души Твоей, страхомъ Его святымъ противъ всякаго искушенія ограждай помышленія Твои. Добродѣтель почитай паче порфиры и вѣнца: ибо она есть подпора и украшеніе блаженства человѣческаго. Совѣтъ мужей, украшенныхъ сѣдинами разума и честности, принимай за наилучшее врачевство слабостей

и недостатковъ человѣческихъ, юныя же стремленія содержи въ рукахъ благоразумія своего; искренностію душевною привлекай сердца Тебѣ преданныя, „елей же ласкательный грѣшнаго да не намаститъ главы Твоея“ (Псал., 140, 5). По сіи добродѣтели въ лицѣ Твоемъ свѣтло сіяютъ; съ ними привѣтствуетъ Тебя Церковь Божія и отечество. Сохраняя оныя, Благовѣрный Государь, всегда будеши, яко же доселѣ къ радости нашей былъ еси, любезное чадо Божіе, отечеству Твоему утѣшеніе,—дражайшей же родительницѣ Твоей, Августѣйшей и любезнѣйшей матери отечества, въ великихъ подвигахъ ея, для блаженства нашего предпріемлемыхъ, радованіе и веселіе. Аминь.

Слово на освященіе домоваго храма на подворьѣ Троицкой лавры, что въ Санкт-Петербургѣ, при фонтанкѣ *).

Благодатію Всесвятаго и Животворящаго Духа освятися Божественный храмъ сей, благословенныя чада Церкви Божіей; освятися, ибо учиненъ быть жилищемъ невмѣстимому Богу; освятися, ибо устабленъ быть мѣстомъ благодатнаго Божія присутствія; освятися, ибо утвержденъ быть пристанищемъ спасенія; освятися, ибо основанъ быть духовнымъ училищемъ учениковъ Іисуса Христа; освятися, ибо сталъ быть преддверіемъ храма онаго небеснаго нерукотвореннаго; освятися, ибо сталъ быть раемъ земнымъ, произносящимъ цвѣты благоуханія духовнаго, услаждающіе внутреннія чувства вѣрныхъ. О, великое и радостное торжество православныхъ! „Пріидите, взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля, и покажетъ намъ путь Свой, и пойдемъ по немъ“ (Ис., 2, 3). Пріидите, истинные хранители благочестія, вникнемъ въ тайны Бога нашего и познаніемъ закона Его просвѣтимся.

Освятися храмъ сей; но весьма, притомъ, для насъ нужно, чтобы и внутренній храмъ сердца нашего былъ освященъ, чтобы душа наша была достойнымъ вмѣстилищемъ непорочной благодати Божіей. Ибо почто созидаются храмы?—Для того ли, чтобы быть имъ обиталищемъ великаго Бога? Но престолъ Его есть небо и земля подножіе; величество Его есть вездѣсущее и безконечное. Для того ли, чтобы они были мѣстомъ для приношенія молитвъ и совершенія святыхъ таинъ? Но если молитвы происходятъ не отъ чистаго сердца, если тайны совершаются безъ благоговѣнія и вѣры, мѣсто сіе священное тогда опорочи-

*) Сказано 1772-го года, октября 1-го дня.

вается, и Богъ чрезъ Пророка гремитъ тогда въ уши наши сими страшными словами: „праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя. Егда прострете руки ваши ко Мнѣ, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ.“ Почто, о Судяй всей земли?—„яко руки ваши исполнены крове и неправды“ (Ис., 1, 14, 15). Изъ сего примѣчайте, что святость храма нарушается, и темнѣетъ Божественная красота его, если собирающіеся въ него христіане внутри сердца своего неосвящены, если въ душѣ своей они не имѣютъ добродѣтели, которая предъ Нимъ есть пріятнѣйшая жертва и кадило благовонное. Да что я говорю: святость храма опорочивается? совсѣмъ опровергается тотъ конецъ, для котораго храмы созидаются.

Созидаются они для двухъ концевъ: во-первыхъ, для приношенія молитвъ; второе, для поученія нашего. Для приношенія молитвъ: ибо мы, поелику ежедневно и ежечасно бываемъ снабжаемы Божіими благодѣяніями, одолжаемся приносить усерднѣйшую благодарность преблагому Благодѣтелю своему. Поелику мы часто нарушаемъ святый законъ Его—и законъ Его, и законъ совѣсти своей, посему должны предъ Нимъ исповѣдать свою повинность и умолять Его благоутробіе, да не подпадемъ строгости суда Его. Ибо мы, поелику и въ разсужденіяхъ погрѣшительны, и въ изобрѣтеніяхъ скудны, и въ силахъ недостаточны,—имѣемъ нужду прибѣгать къ Богу и испрашивать, на намѣренія наши и дѣла, благословенія Его и помощи всесильной. Сіи суть дѣйствія неотрицаемой должности человѣческой. Младенцы имѣютъ нужду быть управляемы совѣтомъ отеческимъ, тварь зависитъ во всемъ отъ своего Творца, рабъ обязанъ слушать повелѣній Владыки своего.

И чтобы сіи святыя дѣйствія исполнялъ человѣкъ безъ нарушенія, для того-то поставляются храмы, воздвизаются домы молитвенные. Можно, подлинно, да и должно дома и на всякомъ мѣстѣ приносить Богу моленіе. Но Отецъ Небесный хочетъ, чтобы всѣ наши дѣла были основаны на любви, на соединеніи и согласіи; хочетъ, чтобы мы, яко дѣти единаго Отца, всегда были совокупны, особливо тогда, когда приносимъ Ему жертву сердца нашего, чтобы тогда, когда восхваляемъ Его благословенное имя, духъ нашъ и уста были соединены. Когда Каинъ приносилъ Богу жертву, тогда Богъ спросилъ его: „гдѣ—Авель, братъ твой“ (Быт., 4, 9)? Если бы и мы, удаляясь отъ другихъ собратій нашихъ, по враждѣ и злобѣ, восхотѣли Ему принесть жертву молитвъ нашихъ, Богъ вопроситъ насъ: „а гдѣ—Авель, братъ твой? гдѣ—тотъ, съ которымъ ты соединенъ естествомъ и благодатію? Почто, дѣти Мои, не въ союзѣ любви предстаете предъ лице Мое? И потому общественная церковная молитва, яко основанная на любви, всѣхъ соединяющей, Богу любезнѣе и преимущественнѣе домашней. А притомъ, въ общемъ

собраніи правовѣрныхъ, хотя бы кто былъ и не очень сокрушеннаго, хотя бы и каменнаго сердца, но когда увидитъ умиленныя лица, слезы и воздыханія другихъ, когда увидитъ страшныя совершаемыя тайны, священника, простирающаго къ Вышнему руки и повелѣвающаго всѣмъ горѣ имѣть сердца, хотя бы и несокрушеннаго былъ сердца,—подвигнется, почувствуетъ въ себѣ Божественный страхъ и, видя, что сердечныя тайны Его открываются словомъ Божіимъ, падъ ницъ, поклонится Богу, возвѣщая, яко, воистину, Богъ есть на мѣстѣ семъ. Итакъ, кто не возгорѣлъ бы духомъ—всегда быть въ таковыхъ священныхъ собраніяхъ, быть всегда участникомъ службы Божіей, въ храмахъ Его совершаемой? Кто не воскликнетъ съ Давидомъ: „Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни“ (Псал., 83, 2, 3)!

Но не во всѣхъ христіанахъ примѣчается сія достохвальная ревность; въ сердцахъ у многихъ простываетъ священный жаръ благочестія! Часто съ горестію видимъ, что во дни воскресные, во дни праздничные, то-есть, въ такіе дни, которые уставлены для отправленія перваго и величайшаго долга нашего, иные въ домахъ остаются въ праздности, иные бездѣльно шатаются по торжищамъ, иныхъ ненасытная алчба сребролюбія гонитъ искать прибытковъ, и съ разслабленіемъ духа и тѣла своего мучатся надъ работою; иные въ то время бѣгаютъ по домамъ и, подъ видомъ поклоновъ, въ непостоянствѣ человѣческомъ ищутъ себѣ покровительства; иные препровождаютъ тѣ часы въ веселостяхъ и услаждаютъ суетныя мысли свои зрѣлищемъ смѣхотворныхъ и соблазнительныхъ представленій; а иные, о несчастіе временъ нашихъ!—есть и такіе, которые и презираютъ сіи собранія, и служба Бога нашего не заслуживаетъ въ ихъ мечтательномъ мудрованіи никакого уваженія. Торжище многолюдно, корчемницы пьянственныя преисполнены, зрѣлища утѣснены; но Церковь рыдаетъ, лишаясь чадъ своихъ,—рыдаетъ, не видя ихъ въ материнихъ нѣдрахъ своихъ. Развращеніе нашихъ нравовъ до того дошло, что въ самые величайшіе праздники Церкви, когда совершаются всенощныя бдѣнія, и церковь бываетъ оглашаема торжественными пѣніями, въ церковь мало кто приходитъ, но въ то время опочиваютъ на ложахъ своихъ спокойно, не терзаясь совѣстію. И если кто приходитъ, то нѣкоторые изъ простого народа: съ сими-то мы совершаемъ праздники Божія, сіи-то суть наши сообщники въ хвалахъ Господнихъ, сіи-то люди исправляютъ тотъ долгъ, который безотрицательно возложенъ на всякаго человѣка, и тѣмъ заслуживаютъ быть почтены именемъ благородства духовнаго. Воистину, по Евангельскому слову, „премудрость Божія сокрита отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открывается она младенцамъ“ (Лук., 10, 21). „Два

зла", — говоритъ у Пророка Богъ, „сдѣлали людіе Мои", какія? — „оставили источникъ воды живой, и думаютъ утолить жажду свою изъ яминъ водою согнившею" (Іерем., 2, 13).

Почто, о христіане, толико небрежемъ? почто порочимъ честь христіанской вѣры и хулимъ имя Божіе, коимъ мы запечатаны въ часъ крещенія? Думаете ли, чтобы прибытки, снискапные съ пренебреженіемъ долга христіанскаго, могли быть тверды и надежны?—Нѣтъ, нечаянный случай, или паче, Божіе праведное посѣщеніе истребляетъ ихъ во мгновеніе: или пожираетъ огнь, или вода, или похищаетъ тать, или отнимаетъ ненависть другаго, или расточаетъ безпутный сынъ, или все достается развратному наслѣднику, или нечаянно поражаетъ смерть и нагаго полагаетъ во гробъ. Думаете ли, чтобы ваши искапія въ сильныхъ людяхъ, чтобы ваши ласкательства къ нимъ были успѣшны, когда вы оставляете прибѣгать къ Богу? — никакъ, вамъ надобно быть безчувственнымъ, если бы вы позабыли оныя слова Святаго Духа: „благо есть надѣятися на Господа, нежели на человѣка: благо есть надѣятися на Господа, нежели на князи" (Псал., 117, 8, 9). „Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ и его помышленія, и ваша надежда на него" (Псал., 145, 4, 5). Думаете ли, чтобы непрестанныя веселости и утѣхи могли доставить вамъ удовольствіе и спокойствіе, когда нерадите искать себѣ радости спасенія въ святилищѣ Господнемъ?—никакъ, всѣ увеселенія свѣта смѣшаны со скуками, всѣ радости растворены слезами. Но, хотя бы они и, подлинно, веселили, когда между тѣмъ теряется настоящая польза, такія увеселенія нечувствительно дѣлаютъ подкопъ подъ храмину вашего счастія и, среди вашихъ ликовъ, готовятъ ноги ваши низвергнуть въ ровъ нечаянной погибели. Господи! да возлюбимъ мы благолѣпіе дому Твоего; для чего? — да не погубиши съ нечестивыми души наши: мы въ Тебѣ находимъ свое богатство, свою надежду и свое увеселеніе. „Внйду къ жертвеннику Божію, къ Богу, веселящему юность мою" (Псал., 42, 4).

Но надобно присемъ, слушатели, знать, отчего случаются всѣ сіи недостатки, что—причиною ихъ? Вспомните, что прежде сказали мы, что церкви устрояются для двухъ концовъ: для приношенія молитвъ, что и изъяснили мы; второе, для поученія нашего. Рѣдкое и нерадивое хожденіе въ храмы Божіи есть причина всего развращенія: ибо Церковь Божія есть училище, есть школа, въ которой поучаетъ насъ Духъ Святый, какъ намъ жить добродѣтельно. Можетъ ли кто быть искусенъ въ какой нибудь наукѣ или художествѣ, если прежде не будетъ прилежно учиться тому чрезъ немалое время? Такъ не можно вести честную жизнь, если въ семъ училищѣ святомъ поучаться не будемъ правиламъ доброй жизни. Надобно ли, напр., во всякой должности

убѣгать праздности? Здѣсь о томъ слово Божіе учитъ: „проклятъ всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ“ (Іерем., 48, 10). Надобно ли воспитать въ честности дѣтей своихъ? Слово Божіе представляетъ примѣръ жреца Илія, который отъ Бога наказанъ былъ смертію за худое воспитаніе дѣтей своихъ. Надобно ли въ жизни стараться не о своей токмо пользѣ, но и пользѣ другихъ? Слово Божіе поучаетъ тому: „не яже своя, но яже ближняго, да промышляетъ кійждо“ (1 Кор., 10, 24). Надобно ли въ жизни хранить правду? Церковь поучаетъ тому насъ, говоря: „любяй неправду, ненавидитъ свою душу“ (Пс., 10, 5). Надобно ли въ жизни убѣгать лжи и обмана? О томъ услышимъ мы въ семъ училищѣ духовномъ: „погубитъ Богъ вся глаголющія лжу: мужа кровей и льстива гнушается Господь“ (Пс., 5, 7). Надобно ли въ жизни имѣть повиновеніе къ вышнимъ? И сіе наставленіе преподастъ намъ слово Божіе: „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“ (Римл., 13, 1). Надобно ли въ жизни хранить супружескую любовь ненарушимо? И о семъ учитъ насъ писаніе Божественное: „бракъ честенъ и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ“ (Евр., 13, 4). Надобно ли въ жизни со всѣми хранить согласіе и любовь? И сему поучаетъ насъ Церковь Божія: „храните со всѣми святыню и миръ“ (Евр., 12, 14), и „Богъ мира будетъ съ вами“ (Филипп., 4, 9), и „любовь покрываетъ множество грѣховъ“ (1 Петр., 4, 8).

По удобнѣе исчерпать море, нежели изъяснить всѣ наставленія спасительныя, каковыя содержатся въ глубинѣ слова Божія. Такъ, любезные слушатели, видите, можно ли имѣть житіе доброе, не учащая ходить въ сіе училище и не поучаясь въ немъ наукѣ, какъ жить добродѣтельно; а, напротивъ, не должно ли послѣдовать всякому развращенію, не для каждаго токмо, но и въ семьяхъ, и въ цѣлыхъ обществахъ, если не станемъ искать себѣ наставленія въ духовной школѣ сей.

Но сія моя рѣчь касается не всѣхъ, а нѣкоторыхъ, и то не многихъ. „Вѣсть Господь сущія Своя“ (2 Тим., 2, 19). Есть остатокъ сѣмени Израилева. Во многихъ дѣйствуетъ благополучно сила вѣры: у многихъ въ сердцахъ искра благочестія горитъ безъ угашенія. Многіе зѣло усердны къ церкви Божіей и, яко елени на источники водные, тако поспѣшаютъ они во храмы Господни, чтобы жаждущую правды душу свою напоить изъ источниковъ Израилевыхъ. Многіе бѣгутъ къ алтарямъ Господнимъ, яко младенцы къ сосцамъ матернимъ, и зѣло веселятся, когда кто скажетъ имъ: „въ домъ Господень пойдемъ“ (Псал., 121, 1). Да будетъ благословеніе Господне надъ ними и надъ сынами ихъ. Съ сими-то служителями живаго Бога празднуемъ мы теперь освященіе храма сего, и они своимъ благоговѣніемъ торжеству

сему и храму сему придаютъ наилучшее украшеніе. Богъ, вселившійся въ васъ, да обитаетъ всегда въ сердцахъ вашихъ и, въ награду вашего подвига въ благочестіи, да благоуспѣшитъ вамъ во всѣхъ дѣлахъ вашихъ въ жизнь вѣчную. Къ достиженію же сего, воздвигши руки и очи, но преклонивше колѣна сердца, возопіемъ Сѣдящему на херувимѣхъ, милостиво призирающему на насъ:

Господи Боже Израилевъ! нѣсть, якоже Ты Богъ, на небеси горѣ, и на земли низу: хранящій завѣтъ и милость рабомъ Твоимъ, ходящимъ предъ Тобою всѣмъ сердцемъ своимъ. И нынѣ, Господи Боже, призри на молитву рабъ Твоихъ, сюже молятся предъ Тобою въ храмѣ семъ: да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь: и о немже аще раби Твои помолятся на мѣстѣ семъ, и Ты услышиши на мѣстѣ обиталища Твоего на небеси, и сотвориши по желанію ихъ, и помилуеши ихъ. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества *).

„Глагола Іисусъ Сімону Петру: Сімоне Іонинъ, любиши ли Мя“?

(Іоанн., гл. 21, ст. 15).

Хотя бы празднованія духовныя были не что другое, какъ только одинъ церковный обрядъ, и тогда они были бы вожделѣнны и всякаго пріятія достойны. Ибо всѣмъ дѣтямъ предстать вкупѣ предъ лице своего общаго Отца, наполнять храмъ пѣснями и пѣніями, возвѣщающими благодѣянія своего Господа, и зрѣть, представляемыя отъ Церкви подъ видомъ священныхъ символовъ, чудеса, произведенныя Всемогущимъ въ пользу и славу нашу,—суть дѣйствія, восхищающія духъ мужа благочестиваго радостію неизглаголанною. Но какое, притомъ, заслуживаютъ они уваженіе, если разсудить происходящую отъ нихъ пользу, прямо относящуюся къ нравоученію нашему? Всякое, по истинѣ, празднованіе Церкви Божія есть не что иное, какъ преподаваніе ученія, какъ смертному надлежитъ препровождать жизнь свою съ наилучшимъ успѣхомъ благополучія своего.

Се, нынѣ совершаемое торжество самымъ дѣломъ доказываетъ то. Ибо если взять въ разсужденіе одинъ сей, нынѣ предложенный празднуе-

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ Петергофѣ, 1773 года.

мому Апостолу Петру Христовъ вопросъ: „Сімоне Іонинъ, любиши ли Мя?“ то откроетъ намъ источникъ ученія неисчерпаемый. Почему и заслуживаетъ онъ составить матерію настоящей бесѣды нашей, искомый плодъ которой будетъ, чтобы не угасалъ никогда священный пламень Божіей любви въ сердцахъ вашихъ.

СІМОНЕ ІОНИНЪ, ЛЮБИШИ ЛИ МЯ?

Сей знаменитый вопросъ предложилъ Спаситель апостолу Петру; да и предложилъ троекратно, когда хотѣлъ ему вручить великое правленіе Церкви Своей. Ибо какъ на оный троекратный вопросъ троекратно же отвѣтствовалъ Апостолъ: „яко люблю Тя“, то Спаситель троекратно же прилагалъ: „паси овцы Моя“. А симъ троекратнымъ Христовымъ вопросомъ и приложеніемъ, и троекратнымъ же Апостольскимъ отвѣтомъ на то ясно доказывается, что, кто пріемлетъ на себя каковое-либо званіе, особливо относящееся до управленія другими,—тотъ долженъ быть привязанъ любовію къ поручающему и къ поручаемымъ. „Сімоне Іонинъ, любиши ли Мя? Паси овцы Моя“.

Кто пріемлетъ должность и любитъ того, кто ему вручаетъ оную, тотъ исполняетъ повелѣнія его съ радостію: ибо свойство любви есть угождать лицу любимому. И какъ основаніе истинной любви есть добродѣтель, то онъ и исполняетъ волю своего поручителя не по силѣ одной власти, но по увѣренію, притомъ, внутреннему объ его добродѣтели. Онъ не меньше почелъ бы за удовольствіе быть исполнителемъ его воли, когда бы и былъ равенъ ему. Почему было бы непонятное развращеніе быть преслушникомъ воли святой и справедливой. Она плѣняетъ сердце всякаго любовію, кольми паче того, кто имѣетъ счастіе быть исполнителемъ ея и, слѣдовательно, споспѣшникомъ общаго благополучія.

Въ такомъ случаѣ не бываетъ нужды дѣлать пространныя увѣщанія, тѣмъ меньше, каковыя либо принужденія. Усердное послушаніе и радостная охота сами собою ведутъ къ исполненію плѣненнаго любовію человѣка; и таковое исполненіе бываетъ тѣмъ благопоспѣшнѣе, что мысль, находя себя въ непринужденномъ и свободномъ расположеніи любви, яснѣе понимаетъ истину, и врожденный свѣтъ ея ничѣмъ не затмевается въ разбираніи всякихъ обстоятельствъ. Ибо, по слову Апостола Іоанна, „страха нѣсть въ любви, но совершенная любовь вонъ изгоняетъ страхъ, яко страхъ муку имать“ (1 Іоан., 4, 13). Онъ затмеваетъ мысль, и человѣка неразвратныхъ нравовъ дѣлаетъ робкимъ и въ исполненіи медлительнымъ; а въ развращенномъ раждаетъ страшное оное чудовище, лицемѣріе, чтобы хромать на оба колѣна, чтобы вмѣстѣ кланяться и Богу Израилеву и Ваалу Аккаронскому, чтобы дѣлать видъ

усерднаго исполнителя и ревнителя по добрѣ общемъ, а самымъ дѣломъ наблюдать токмо собственную пользу свою.

Спаситель нашъ вѣдалъ все сіе; да и вѣдалъ несравненно совершеннѣе, нежели сколько мы изъяснить или и понять можемъ, и для того, вручая Апостолу правленіе Церкви, купленной Своею кровію, вопрошалъ его: „Сімоне Іонинъ, любиши ли Меня?“ и какъ на то Петръ отвѣчалъ: „ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя“, то Спаситель приложилъ: „паси овцы Моя“.

На семъ же основаніи и всякому препоручается званіе, и препоручающій можетъ избираемому предложить таковой же вопросъ: „человѣче! любиши ли мя? привязанъ ли ты ко мнѣ истиннымъ увѣреніемъ о добромъ моемъ намѣреніи въ препорученіи тебѣ должности сей? чувствуешь ли ты въ себѣ радостную охоту быть исполнителемъ моей воли, и увѣренъ ли въ ея справедливости? расположенъ ли ты ко мнѣ искренностію своею такъ, какъ истинный сынъ къ рождшему его? думаешь ли ты, что я призываю тебя въ сію должность съ инымъ чѣмъ, какъ токмо съ тѣмъ, чтобы ты былъ орудіемъ моей благодѣтельной склонности? готовъ ли всегда жертвовать всею пользою своею, даже и жизнію своею благу общему? нѣтъ ли въ тебѣ какихъ видовъ, раздвояющихъ сердце твое? одинъ ли съ моимъ—духъ твой? однимъ словомъ, любиши ли мя?“ На таковый вопросъ призываемый въ должность повиненъ отвѣтствовать съ Петромъ: „ты вѣси, яко люблю тя. Тебѣ открыто сердце мое, тебѣ извѣстны моя ревность, нравы и дарованія. Вѣдаю я и твои человѣколюбивыя и просвѣщенныя склонности: твои намѣренія спасительны: исполнять ихъ я почитаю счастіемъ моимъ и счастіемъ мнѣ вручаемыхъ; и потому не отяготишь ты моей совѣсти повелѣніями противными разуму и справедливости; выслушаешь мои представленія и различишь ихъ удобно отъ ласкательства; простишь ты мои, не отъ хитрости происшедшія, погрѣшности, кои въ то же время будетъ препровождать мое раскаяніе и исправленіе. Охотно жертвую святости повелѣній твоихъ самымъ моимъ дыханіемъ; однимъ словомъ, ты вѣси, яко люблю тя“.

Сей завѣтъ, связанный таковыми съ обѣихъ сторонъ обязательствами, есть то, что составляетъ благополучіе общества. О, завѣтъ дражайшій, достойный быть утвержденъ печатію Духаго Святаго!

Кто же любитъ пастыря, тотъ любитъ и овцы его. „Любяй рождшаго“, по словамъ Писанія Святаго, „любитъ и рожденнаго отъ него“ (1 Іоанн., 5, 1). Любовь къ поручающему основывается на увѣреніи власти справедливой; а любовь къ порученнымъ утверждается на любви къ поручившему и на общемъ правѣ человѣчества. „Сімоне Іонинъ, любиши ли Мя? Паси овцы Моя“.

Любовь къ порученнымъ есть сходна, или паче одна съ любовію отеческою. „Любы“, по изъясненію Апостола Павла (1 Кор., 13, 4—8), „долготерпитъ“, ибо она вѣдаетъ удобопреклонную перемѣну человѣческихъ склонностей. Любы „не завидитъ“, ибо она почитаетъ счастіе другаго своимъ. Любы „не превозносится“, ибо она хочетъ человѣку быть человѣкомъ, а не звѣремъ. Любы „не безчинствуетъ“, ибо она благоразсудительна. Любы „не ищетъ своихъ си“, ибо она почитаетъ, что пріобрѣла свое, когда сохранила другаго. Любы „не раздражается“, ибо она великодушна. Любы „не мыслитъ зла“, ибо она искренна. Любы „не радуется о неправдѣ“, ибо она благотворительна; „радуется же о истинѣ“, ибо она просвѣщенна. Любы „вся покрываетъ“, ибо она знаетъ человѣческаго существа немощь. Любы „всему вѣру емлетъ“, ибо она мерзитъ лукавствомъ и хитростію. Любы „вся уповаетъ“, ибо она благонамѣренна. Любы „вся терпитъ“, ибо она и врагу своему доброжелательствуетъ. Любы „николиже отпадаетъ“: ибо Самъ „Богъ любы есть, и пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“ (1 Іоанн., 4, 16).

Слышите, властители! Когда бы другое что трудное отъ васъ требовалось, если оно только полезно къ благополучію врученныхъ,— вамъ отрицаться не можно. Но требуется одна любовь: оную одну сохраняя, вы исполнили все. Что естественнѣе сего? что сроднѣе человѣческому сердцу?

Не мѣшаетъ сему и самолюбіе, если оно только будетъ принято въ истинномъ разумѣ. Не тотъ любитъ себя, кто только ищетъ пользы своей, но тотъ прямо любитъ себя, кто любитъ всѣхъ, и свято наблюдаетъ пользу всѣхъ, какъ собственную свою. Ибо справедливо можно сказать, что, кто ищетъ корысти своей съ пренебреженіемъ общей, тотъ и свою теряетъ. Общество имѣетъ право со Христомъ ясно восклицать: „иже со Мною не собираетъ, расточаетъ“ (Матѳ., 12, 30).

Если же кто смотритъ только пользу свою, пренебрегая благополучіе другихъ, и, слѣдовательно, не стяжалъ въ сердцѣ своемъ любви къ врученнымъ его попеченію: то каковыхъ печальныхъ слѣдствій ожидать должно для несчастливыхъ овецъ? Будетъ ли таковый плакать надъ несчастіемъ другого, какъ Іаковъ надъ окравленною ризою сына своего, и возьметъ ли участіе въ страданіи Іосифовѣ? будетъ ли онъ бѣгать по горамъ, чтобы искать овцы погибшей? будетъ ли онъ возжигать свѣщу неусыпаемаго бдѣнія, чтобы сыскать драхму другаго потерянную? будетъ ли онъ имѣть ревность Финеесову, чтобы отмстить своевольство беззаконія? Будетъ ли онъ съ Моисеемъ лучше изволять страдать съ людьми Божіими, нежели прельститься на Египетскія сокровища? будетъ ли онъ съ Іовомъ нога хромымъ, и око слѣпымъ?

Будетъ ли онъ, яко кокошь собираяй пшенцы своя подъ крылѣ? Ахъ! и сколь важны сіи вопросы! „Се азъ на пастыри,“ глаголетъ Господь Богъ Вседержитель, Святый Израилевъ: „Се млеко ядите, и волною одѣвается, и тучное закалаете, а овецъ Моихъ не пасете. Изнемогшаго не подъясте, и болящаго не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте, и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте, и крѣпкое оскорбисте трудомъ, и властію наказасте я и поруганіемъ. Не поискаша пастыріе овецъ Моихъ, но насоша пастыри самихъ себе, а овецъ Моихъ не насоша“ (Iезек., 34, 3, 4, 8). Страшно есть сіе прещеніе Господне, и кто постоитъ противу мраза гнѣва Его?

Но не таковъ есть, кто любитъ овцы своя. Онъ есть пастырь добрый; пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. Онъ—чадолюбивый отецъ: польза чадъ – польза его; благополучіе ихъ—его блаженство; жизнь ихъ—жизнь его. „Се азъ и дѣти, яже ми даде Господь; Ты вѣси, яко люблю Тя; Ты вѣси, яко люблю и овцы Твоя“.

Къ сему же обязательству надлежатъ и овцы, надлежатъ и подначальные. Прилагаемое объ ихъ благополучіи попеченіе требуетъ отъ нихъ воздавать своимъ промыслителямъ любовь сыновнюю, благодарность искреннюю, почтеніе глубочайшее. Требуются отъ нихъ поступки во всемъ добросердечные и повиновеніе усердное. Надобно, чтобы они увеселялись внутренно зрѣніемъ своихъ благодѣтелей, и такъ были бы привязаны сердцемъ своимъ къ нимъ, „яко же очи рабъ въ руку господей своихъ, якоже рабыни въ руку госпожи своея“ (Пс., 122, 2).

Сіе-то взаимное обязательство есть настоящая вина, что процвѣтаютъ общества, прославляются государства, устрояются хозяйства, благоукрашается Церковь Божія. „О семъ познаютъ вы, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (Іоанн., 13, 35).

Но какъ первый есть, иже имать власть и державу, оный Царь царей и Господь господствующихъ, распоряжающій престолами и царствами человѣческими, у Котораго всѣ власти земныя суть токмо орудія Его промысла: то Онъ и есть первый достойный всей любви нашей. „Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ“ (Второз., 6, 5). Почему, какой вопросъ предложилъ нѣкогда Христосъ апостолу Петру, тотъ же всегда предлагаетъ Онъ каждому изъ насъ: „Сімоне Іонинъ, любиши ли Мя“? Христіанине! любиши ли Мя? На жертвенникѣ сердца твоего не погасъ ли оный огнь, которой Я, созидая тебя, возжегъ въ тебѣ свѣтомъ Моимъ присносущнымъ? Не заглажены ли оные слѣды Моей любви къ тебѣ, которые и начерталъ въ тебѣ изліяніемъ крови Моей? Столь ли ты исправенъ въ исполненіи заповѣдей Моихъ, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать тебѣ любовь свою ко Мнѣ? „Глаголяй бо, яко

люблю Бога, и заповѣди Его не исполняетъ, ложь есть“ (1 Іоан., 2, 4). Любишь ли и ближняго твоего, якоже самъ себе? „Глаголяй бо, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть“ (1 Іоан., 4, 20).

Что мы будемъ отвѣтствовать на сіи вопрошенія Господа нашего? Аще кому совѣсть не зазираетъ, да имать дерзновеніе отвѣщати предъ Господемъ: „Ты, Господи, вся вѣси: Ты вѣси, яко люблю Тя.

Но, присемъ, да вспомнитъ всякъ оныя Евангельскія слова: „оскорбѣ же Петръ, егда ему рече третіе: любиши ли Мя?“ Для чего оскорбѣлъ Апостолъ на третичный вопросъ Учителя своего? По мнѣнію Златоустову, Петръ вообразилъ тогда прежнее свое увѣреніе, какъ онъ обѣщался, да еще и съ клятвою, животъ свой положить за Учителя своего, но послѣ отъ Него отрекся. Почему, нынѣ увѣряя Его о своей къ Нему любви, опасался общей человѣческой слабости, чтобы паки обѣщанія своего не преступить, и сіе-то приводило его въ страхъ, смущеніе и печаль. „Оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя“?

И мы должны имѣть всегдашнюю осторожность, чтобы не оскорбить чѣмъ любимаго нами, чтобы не произросъ въ насъ каковый горестный корень порока, и не огорчилъ бы сладости любви нашей. Любовь къ Богу должна быть соблюдаема тѣмъ болѣе, что она есть первое начало и твердѣйшее основаніе всей той любви, о которой мы бесѣдовали.

А чтобы намъ имѣть подкрѣпленіе въ семъ, столь святомъ, но часто слабостію человѣческою нарушаемомъ, дѣйствіи,—воззримъ на празднуемыхъ нынѣ Апостоловъ. Они истинно любили Призвавшаго ихъ на дѣло Апостольства. „Кто ны разлучитъ отъ любве Божія“?—„ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучить отъ любве Божія“ (Рим., 8, 38, 39). Да и сей свой благороднѣйшій отзывъ утвердили самымъ дѣломъ, положивъ за Него души свои. Любили они и врученныхъ имъ отъ Него овецъ. Что бо значатъ сіи Павловы слова: „я съ удовольствіемъ жертвую жизнію своею за души ваша, хотя, столь горячо васъ любя, и не примѣчаю равно соотвѣтствующей любви въ васъ“!? „Азъ въ сладость пождиву и пождивенъ буду по душахъ вашихъ, аще и излишше васъ люблю, меньше любимъ есмь“ (2 Кор., 12, 15). И на другомъ мѣстѣ: „Я бы согласился даже на утрату моего спасенія, если бы только возможно симъ средствомъ доставить всѣмъ спасеніе“. „Молился бы самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей“ (Рим., 9, 31). О, любовь по истинѣ Божественная! Какое сердце можетъ горѣть большимъ пламенемъ любви? Какой отецъ усерднѣе расположенъ къ дѣтямъ своимъ? Можетъ ли быть

дѣйствительнѣе примѣръ къ подражанію для тѣхъ, кои великое званіе управлять подобными себѣ приняли отъ руки Господней?

Въ семъ нашемъ разсужденіи первое мѣсто занимаетъ священнѣйшая особа монарховъ. Ибо государи суть первые пастыри, коимъ верховный Правитель свѣта непосредственно поручилъ пасти овцы Своя въ лицѣ ихъ, да и поручилъ такъ же на основаніи любви къ тѣмъ, кои государямъ поручены отъ Него. И для того въ тотъ прославленный день и часъ, въ который судьба святая и вѣчная опредѣлила Тебѣ, Великая Монархиня наша, принять скипетръ и державу,—въ тотъ день и часъ Царь царствующихъ предлагалъ Тебѣ внутренно оный вопросъ: „дщи Моя! любиши ли Мя“? Взойди со Мною въ сей завѣтъ, и на семъ залогѣ прими порфиру и вѣнецъ: „паси овцы Моя“. Ты же, возженная къ Нему благочестивою любовію, любящая же и вручаемый Тебѣ народъ, съ изліяніемъ предъ Нимъ души своей и усердныхъ слезъ, рекла еси: „Ты, Господи, вся вѣси: Ты вѣси, яко люблю Тя; люблю и овцы Твоя“. О, завѣтъ дражайшій и въ восторгѣ восхищающій мысли наши! На семъ залогѣ принявъ великія имперіи правленіе, Ты, Великая Государыня, управляеши народъ Твой любовію матернею. Человѣколюбіе есть основаніе престола Твоего, и возможно ли, чтобъ то не чувствовали Твои подданные, когда оное прославляютъ непріятели? Ты пасеши овцы своя на мѣстѣ злачнѣ, на водѣ упокоенія; промышляеши имъ пажить тучную и изобильную, и тѣмъ доставляеши имъ счастія весну присноцвѣтущую. Богъ, Его же существо есть любовь, управляющій сердцемъ Твоимъ, да сотворитъ оное всегда, яко же и творитъ, Едемомъ, напаявающимъ землю потоками сладости любви Твоея.

И Тебѣ, Благовѣрный Государь, дражайшій имянинникъ нашъ, при случаѣ сей бесѣды объ истинной любви, слыши, что глаголетъ Господь Богъ: „Сыне! даждь ми сердце твое“ (Притч., 23, 26). Не можешь благонадежнѣе кому вручить сіе сокровище Твое, какъ Тому, Который даровалъ оное Тебѣ, Который украсилъ душу Твою отличными дарованіями, Который подъ усерднымъ Августѣйшей Матери Твоей попеченіемъ сподобилъ Тебя получить доброе воспитаніе, Который предуготовляетъ Твою особу быть благодѣтельнымъ орудіемъ благаго Своего о родѣ человѣческомъ Промысла. Но и не скрытъ отъ вниманія нашего оный внутренній вопль, который Ты предъ Нимъ, въ богомысліяхъ своихъ и въ святыхъ упражненіяхъ закона, въ тайнѣ души Твоея произносиши и глаголеши: „Боже сердца моего! Ты вся вѣси, вѣси, яко люблю Тя“. Сіе священное съ Богомъ, посредствомъ любви, соединеніе есть и будетъ въ Тебѣ источникомъ спокойствія душевнаго, благоспѣшества въ предпріятіяхъ Твоихъ и исполненія Твоихъ желаній.

Да будетъ сіе райскимъ утѣшеніемъ души Твоей, и да огласитъ Тя оный небесный благословенный гласъ: „внйди въ радость Господа твоего“ (Матѳ., 25, 21).

Боже! возлюби любовію Твоею вѣчною сіи дражайшія особы наши, а сія любовь къ нимъ будетъ несумнительнымъ увѣреніемъ Твоего и о насъ благоволенія. Аминь.

Слово при дѣйствіи святаго мvропомазанія благовѣрныя Государыни, Великія Княжны Наталіи Алексѣевны, обрученныя Его Императорскаго Высочества невѣсты *).

Дѣйствіе, днесь совершенное, составляетъ для Церкви знаменитое торжество. Къ великому, Богомъ насажденному, древу прицѣпилась новая вѣтвь масличная. На полѣ церковномъ произросъ прекрасный цвѣтъ. Къ таинственному тѣлу присовокупился новый членъ, благороднѣйшій. Мрежа Евангельская исполнилась новою славнѣйшею ловитвою. Въ училище Іисуса Христа вниде новая Марія, сидѣти при ногу Іисусову и слышати слово Его. Церковь наша православная получила новую участницу таинъ ея, и питательницу и проповѣдницу ученія ея. Ибо истина вѣры нашей, на скрижали сердца ея, Духомъ Святымъ начертана и, свободнымъ исповѣданіемъ оной, наполнила днесь слухъ нашъ веселіемъ и радостію.

Срадуется же намъ днесь и вся небесная іерархія: ибо Церковь, въ нѣдрахъ Божіихъ опочивающая, беретъ участіе во всѣхъ благоспѣшествахъ Церкви, подъ знаменемъ Іисуса Христа, здѣсь подвизающейся. „Аще, по слову Евангельскому, радость бываетъ на небеси о одномъ грѣшницѣ кающемся“ (Лук., 15, 10), то кольми паче гласъ радости наполняетъ райскія селенія, когда небесные оные жители, открывающу имъ Богу, видятъ душу, во едино съ ними сообщеніе сопричисляемую?

И какъ радость предполагаетъ всегда списканную или чаемую пользу, то при семъ благословенномъ случаѣ въ чемъ состоитъ оная?— она заключается въ томъ, когда члены единаго общества связуются и единою вѣрою,—когда, соединенные едиными законами гражданскими,

---

*) Сказано въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ царствующемъ Санктпетербургѣ, въ придворной церкви каменнаго зимняго Дворца, 1773 года, августа 15 дня.

соединены и единымъ закономъ Божіимъ,—когда совокупленные, такъ сказать, тѣлами совокуплены и духомъ.

Извѣстно, что, по неиспытаннымъ для насъ судьбамъ Божіимъ, въ мірѣ находятся разныя вѣры, и всякій народъ къ вѣрѣ имѣетъ естественную привязанность. Нѣтъ для него ничего дражае сего сокровища. Благоуханіе жертвы вѣры есть благопріятнѣйшее, ибо плоды вѣры суть сладчайшіе.

Она, во-первыхъ, есть вѣрнѣйшая руководительница во всѣхъ дѣлахъ нашихъ. Какъ только откроются наши очи, и чувствіи мало начнутъ входить въ свое дѣйствіе,—тотчасъ въ мудромъ строеніи и союзѣ міра, яко въ зерцалѣ, открывается Создатель. И какъ благость Его изліянна на всѣ твари Его, то, когда еще и мысль оную совершенно не понимаетъ, а сердце уже чувствуетъ. Благодѣянія Его привязываютъ духъ нашъ къ Нему,—почему, для вмѣщенія Его, не столь нужно долговременное изслѣдованіе разума, какъ душа, пороками не занятая. Такъ благоволилъ Творецъ, чтобы истина, всѣхъ нужнѣйшая, была всѣхъ удобнѣйшею къ пріобрѣтенію.

И для того нѣтъ народа, или, паче сказать, человѣка, который бы не стремился духомъ своимъ къ благодѣтельному существу, тварь оживляющему, не имѣя о немъ совершеннаго понятія, а иногда представляя его и подъ несущественными видами; но тѣмъ не меньше признаетъ его для себя нужнымъ и любовь къ нему чувствуетъ. Такъ дѣлаетъ птенецъ враповъ, который еще почти не знаетъ матери своей, но стремится къ ней и ожидаетъ отъ нея пищи себѣ.

Сей естественный союзъ человѣка съ Богомъ есть основаніе вѣры или богопочтенія, и не возможно отрещи. онаго, не отрекшись человѣчества и самого себя.

А когда таковымъ образомъ человѣкъ связуется съ Богомъ, то связь сія входитъ уже во всѣ дѣла его. Младенецъ, еще въ пеленахъ примѣчая, что родитель его одно избираетъ, другое отметаетъ,—одно похваляетъ, другаго отвращается,—одно награждаетъ, за другое наказываетъ,—нечувствительно печатлѣетъ на своемъ сердцѣ, чтобъ слѣдовать, или не слѣдовать тому же. Подобно человѣкъ, чувствуя и видя въ семъ мірѣ Создателевы дѣла, что Онъ благословляетъ добродѣтельныхъ людей, а порокъ и злодѣйство не оставляетъ безъ наказанія,—что изъ добрыхъ намѣреній выводитъ добрыя слѣдствія, а скрытыя хитрости выводитъ наружу къ безчестію ихъ,—что во все входитъ Его святый Промыслъ, и любящимъ Его вся поспѣшествуютъ во благое;—все сіе видя и чувствуя, беретъ на свою совѣсть обязательство, чтобы почитать все то для себя священнымъ закономъ, и опасается, чтобы его не преступить и чрезъ то не понести бы тягости праведной руки Его.

Таковое обязательство, пріемлемое на совѣсть нашу, есть новое дѣйствіе – составляющее нашу вѣру, или богопочтеніе. Сколь дѣйствительно и полезно для человѣка обязательство сіе, и сколь нужно для общества, излишне есть доказывать. Если гражданинъ требуетъ законовъ для мирнаго въ обществѣ сожитія, то въ какомъ бы разстройствѣ должно быть человѣческое сердце, къ поползновеніямъ склонное, еслибы оно не имѣло извѣстныхъ правилъ, данныхъ ему отъ Бога Сердцевѣда?

Сіе обязательство тѣмъ дѣйствительнѣе, что оно не принужденно: оно съ естественнымъ положеніемъ сердца нашего, со склонностями его и способностями точно сходственно; а потому пріятно и утѣшительно.

И утѣшительно, говорю я: ибо нельзя, чтобы, въ плаваніи по морю житейскому, не случилось бурь и волненій, различныхъ злоключеній,— чтобы не случилось трудностей, рѣшить которыя умъ человѣческій ослабѣваетъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ находясь, смертный подъемлетъ изнемогающія руки свои къ Тому, о Которомъ сердце его увѣряетъ, что Онъ есть помощникъ всесильный, что Онъ злоключенія отвратить и, по бурѣ противной, благопріятнѣйшимъ ведромъ осіять можетъ и, яко благоутробный всѣхъ Отецъ, хощетъ. Отъими сіе утѣшеніе отъ смертныхъ, они останутся пораженными разслабленіемъ и отчаяніемъ. „Отвращшу Тебѣ, Боже, лице, вся возмятутся, и въ персть свою возвратятся“ (Псал., 103, 29).

Но хотя бы кто въ жизни и никакимъ противнымъ искушеніямъ не былъ подверженъ,—страхъ конечнаго разрушенія состава нашего, страхъ смерти и ужасъ, воображаемой по смерти вѣчной неизвѣстности, какимъ мученіемъ ежечасно терзалъ бы душу нашу, еслибы и въ семъ случаѣ сила Божественной вѣры не была намъ готовымъ подкрѣпленіемъ и ободреніемъ!? Вмѣсто того, что бы намъ смерть представлять ужасною, по той привязанности, которую мы имѣемъ съ Богомъ посредствомъ вѣры, почитаемъ ее предѣломъ жизни сей и началомъ жизни блаженной вѣчной, почитаемъ ее путемъ, ведущимъ насъ къ наградѣ за добродѣтель и къ совершенному соединенію съ источникомъ всѣхъ благъ.

Сіи суть, вкратцѣ исчисленные, сладчайшіе плоды вѣры. Вкушая ихъ, человѣкъ соединяется съ Богомъ тѣснѣйшимъ союзомъ. А изъ того, представьте себѣ, сколько драгоцѣнно и любезно должно быть для человѣка сокровище вѣры! Онъ все предъ нимъ цѣнить за мало,— почему не удивительно, что непримиримымъ и злѣйшимъ для себя непріятелемъ почитаетъ того, который предпринималъ бы сіе сокровище восхитить, или малымъ чѣмъ нарушить оное.

Сія святая ревность воспламеняетъ народы къ защищенію своего отечества противъ возстающаго непріятеля, чтобы сохранить вѣру, или положить за оную животъ свой. Древніе римляне обыкновенно при такихъ случаяхъ восклицали: „за отечество и домашнихъ боговъ“. Почему основательно и благоразумно и нынѣ и на знаменахъ, и кавалеріяхъ, и звѣздахъ изображаемъ мы: „за вѣру и отечество“.

А изъ сего всякъ ясно можетъ видѣть, что вѣра сколь вяжетъ человѣка съ Богомъ,—столь, не меньше людей—между собою. Сколь пріятно есть видѣть своего согражданина, сколь пріятно есть видѣть своего домашняго, сколь любезенъ намъ связанный съ нами союзомъ сродства: столь пріятенъ и милъ связанный съ нами единымъ священнымъ союзомъ вѣры. Видѣть тѣ же священные обряды богослуженія, видѣть тѣ же жертвенники, видѣть тѣ же священнодѣйствія, видѣть тѣ же празднованія,—не знаю, можетъ ли что быть вожделѣннѣе, можетъ ли что быть дѣйствительнѣе, дабы соединиться съ таковыми духомъ и любовію? Они тотчасъ представляются быть аки домашніе, аки сродственники, яко свои. Обращаясь съ таковыми, и въ отдаленіи отъ своихъ мѣстъ, не кажется быть въ отдаленіи, но въ своемъ любезномъ домѣ, въ своемъ драгомъ отечествѣ, въ окруженіи сродныхъ своихъ. Согласіе въ важнѣйшемъ пунктѣ богопочтенія столь соединяетъ людей, что прочія общежительственныя, въ обращеніи однихъ съ другими, несходства не сильны нарушить оный союзъ. А изъ сего естественно раждается взаимное доброжелательство и усердіе, а въ нужныхъ случаяхъ и взаимное вспомоществованіе.

И хотя мы обязаны доброжелательствовать и благодѣтельствовать всѣмъ вообще людямъ на основаніи человѣчества, всѣ бо мы другъ другу братія есмы; но сіе не дѣлаетъ предосужденія той естественной и справедливой склонности, чтобы единовѣрнымъ съ нами въ томъ дать предпочтеніе: ибо они имѣютъ сугубое право требовать отъ насъ того. Сіе есть ученіе и Апостольское: „да дѣлаемъ благое ко всѣмъ“, учитъ апост. Павелъ, но притомъ прибавляетъ: „паче же къ приспымъ въ вѣрѣ“ (Галат., 6, 10).

И какъ ревность къ вѣрѣ есть самая жаркая, поелику вѣра есть любезнѣе всего, то и бываетъ иногда она чрезмѣрная, слѣдовательно, бываетъ тогда причиною злоупотребленія. Таковою ревностію воспламененные отвращаются всѣхъ не своей вѣры, гнушаются ими, и гонятъ всякими образы, изъ чего иногда выходили страшныя возмущенія и войны. И хотя сіе осуждается и здравымъ разсужденіемъ, и самымъ словомъ Божіимъ, ибо вѣра не терпитъ принужденія, и гоненіемъ сердце болѣе ожесточается; однако, оно доказываетъ, сколь

сильно дѣйствіе вѣры въ сердцѣ человѣческомъ, и сколь тѣсно она соединяетъ людей другъ съ другомъ.

А изъ сего видимо есть, сколь невмѣстительна въ обществѣ оная, такъ называемая, неразборчивость въ вѣрѣ. Она, вышеизъясненный нами, союзъ между людьми разрываетъ, а иногда она же бываетъ причиною, что человѣческое сердце, раздравшись такою неразборчивостію, какъ ни къ какой вѣрѣ себя особливо не привязываетъ, такъ и никакого настоящаго дѣйствія вѣры въ себѣ не ощущаетъ, слѣдовательно, близко находится, чтобы изрыгнуть воню безбожія.

И какъ тотъ союзъ, который есть между гражданами, изображается весь въ своемъ сіяніи и содержится въ лицѣ главныхъ своихъ представителей: такъ и священный союзъ вѣры особливо заключается въ ихъ же священной особѣ. Слѣдовательно, безъ дальнихъ доказательствъ ясно есть, сколь должны быть они внимательны въ соблюденіи цѣлости вѣры и усердны въ исполненіи должностей ея. Примѣръ ихъ необходимо нуженъ есть въ семъ дѣлѣ божественномъ. Онъ особливо связываетъ съ ними сердца подданныхъ, ибо они увѣряютъ себя, что, посредствомъ сего союза съ государемъ своимъ, соединяются съ Самимъ Богомъ, а потому и не сумнятся, чтобы могло выйти другое что отъ государя таковаго, развѣ что согласно съ волею Божіею, слѣдовательно, служащее не токмо къ ихъ благополучію временному, но и къ спасенію вѣчному.

Все сіе, нами сказанное, по благовоспитанію своему, просвѣщенію, и по отличнымъ дарованіямъ ума и сердца, совершенно понимая, благовѣрная Княжна Наталія Алексѣевна благоволила днесь пріять святую вѣру нашу и стать вѣрнымъ членомъ православной нашей Церкви. Чувствіе сладости плодовъ вѣры въ сердцѣ ея дѣйствительно, и увѣреніе въ истинѣ ученія Церкви нашей въ мысли ея не сумнительно. Почему съ усердіемъ и благоговѣніемъ принесла она сію пріятнѣйшую жертву Богу и общему благу. И мы, созерцая добрыя качества сердца ея—благонравіе, просвѣщеніе и благочестіе, не можемъ сумниться, что она имѣетъ быть всегда непорочнымъ вмѣстилищемъ благодати Божіей.

Помни убо, благовѣрная Княжна, сіе принятое Тобою на себя днесь обязательство и напиши оное на скрижали сердца Твоего. Буди вѣрная и усердная служительница Богопочтенія, да насытишься сладчайшими плодами того. Любовь къ Богу почти основаніемъ всѣхъ дѣйствій Твоихъ, да возлюбитъ Тя Онъ любовію Своею вѣчною. Жертвуй Ему непорочностію нравовъ своихъ, да благословитъ Онъ всѣ дѣла Твои. Въ семъ состоитъ блаженство Твое. О семъ Церковь Божія, къ ней же нынѣ Ты присоединилась, молитвы свои всегда будетъ возсылать предъ престоломъ Величества Его, Аминь.

Слово при случаѣ перваго вступленія въ паству Московской епархіи, въ день Срѣтенія Господня *).

Какое очамъ моимъ представляется зрѣлище, когда благость Божія сподобила меня узрѣть Богохранимую и благочестивую паству царствующаго града сего,—да не узрѣть только, но и поручить духовное слабымъ силамъ моимъ кормило великаго и священнаго корабля сего! При семъ случаѣ я ощущаю разныя чувствованія въ сердцѣ моемъ, которыя наполняютъ духъ мой и радости и боязни.

Радуюсь, что Промыслъ Божій сподобилъ меня узрѣть тотъ градъ, который сколько древнѣйшимъ престоломъ государей россійскихъ, столько не меньше и благочестіемъ знаменитъ есть,—градъ мнѣ особливо любезный, какъ мѣсто воспитанія моего, гдѣ я получилъ первое какое либо просвѣщеніе и гдѣ имѣлъ первый случай отверзти уста мои въ проповѣданіи Божія слова. Но когда разсматриваю силы мои и важность возложеннаго на меня бремени, прихожу въ недоумѣніе, смущеніе и справедливую боязнь. Ежели страшно впасть въ руки Бога живаго, и если, въ собственныхъ всякому дѣлахъ дать отчетъ предъ судомъ Божіимъ нелицепріемнымъ, есть дѣло великой важности,—то не устрашитъ ли оный гласъ, который оглашаетъ уши пастырей, паче всего грома: „Сыне человѣчь, кровь“ погибшихъ овецъ „отъ руки твоея взыщу“ (Іезек., 3, 17, 18)? Но, о, Судяй всей земли! кто можетъ противитися волѣ Твоей?

Укрѣпляясь силою вѣры, предлагаю себѣ въ примѣръ великаго мужа, въ вѣрѣ свидѣтельствованнаго, „иже,—по словамъ Апостольскимъ, не изнемогъ вѣрою, во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити“ (Римл., 4, 18, 20, 21). Ибо иногда Онъ полагаетъ великое сокровище благодати Своей въ скудельныхъ сосудѣхъ, да будетъ премножество благости Божіей...

Притомъ, не малое подкрѣпленіе приноситъ духу моему извѣстное ваше, Богохранимая паства града сего, усердіе къ Богу и къ Церкви Его святой. Я не посланъ къ людямъ, къ которымъ Пророкъ Божій нѣкогда идти отрицался, къ людямъ жестоковыйнымъ, но къ людямъ, воспитаннымъ млекомъ православной вѣры, въ крови родителей своихъ почерпнувшимъ духъ благочестія,—къ людямъ, которые святость закона почитаютъ основаніемъ блаженства своего и все то

*) Сказано въ каѳедральномъ Архангельскомъ соборѣ, 1775 года, февраля 2 дня.

доказываютъ самымъ дѣломъ, имѣя горячее усердіе къ слушанію слова Божія, поставляя первымъ увеселеніемъ своимъ, чтобы быть при собраніяхъ церковныхъ и всѣмъ, яко едиными усты, прославлять общаго Владыку. Таковое несуетное мое увѣреніе великое о благочестіи вашемъ приноситъ подкрѣпленіе духу моему, и наполняетъ меня благими надеждами.

Итакъ, возложивъ все упованіе на Бога, призвавшаго насъ званіемъ святымъ, за первый долгъ служенія моего почитаю въ торжественный для насъ день сей представить вамъ духовную трапезу, гдѣ молю взирать не на скудость учредителя, но на предлагаемое „брашно“, вкусивъ котораго, Давидъ въ восторгѣ радостномъ возопилъ: „Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ“ (Псал., 118, 103)!

О чемъ же приличнѣе можемъ мы теперь предложить свою бесѣду? не мню приличнѣе быть, какъ разсужденіе о Церкви: ибо вы оную составляете, и духовное правленіе ея поручилъ Пастыреначальникъ Христосъ пастырямъ Своимъ.

Что убо есть Церковь?

Не состоитъ она прямо въ вещественномъ зданіи. Ибо сіи молитвенные домы, сіи, изъ камня или изъ древа воздвиженные, храмы все свое сіяніе, красоту и святость заимствуютъ отъ благоговѣйнаго служенія христіанъ Богу, въ чистотѣ совѣсти Ему приносящихъ жертвенныя свои молитвы; тогда какъ, напротивъ, они теряютъ сіяніе свое и красоту, а иногда Божій судъ допущаетъ имъ быть и разрушаемымъ, когда собираемые въ нихъ христіане, имѣя отягощенную пороками совѣсть, дерзаютъ являться предъ лице Его въ нераскаяніи и неисправленіи. И потому Спаситель, иногда видя таковыми безчествуемую святость мѣста сего, бичемъ изгналъ ихъ изъ храма, приговаривая сіи слова: „Домъ Мой, домъ молитвы: вы же сотвористе его вертепъ разбойникомъ“ (Лук., 19, 46).

Истинная убо Церковь, яко изъ драгоцѣнныхъ и одушевленныхъ камней, состоитъ изъ христіанъ, искупленныхъ дражайшею кровію, яко Агнца непорочна и пречиста Христа, по онымъ словамъ великаго учителя: „Вы есте церкви Бога жива, и Духъ Божій живетъ въ васъ“. (2 Коринѳ., 6, 16; 1 Коринѳ., 3, 16). И какъ не одинъ, но многіе составляютъ сей нерукотворенный Божій храмъ, то потому Церковь и есть собраніе или общество; а когда есть общество, то всѣ потому христіане суть члены единаго тѣла, и между собою—братія. Почему не только нѣтъ тутъ мѣста несогласіямъ, враждамъ и раздорамъ, а, напротивъ, какъ члены единаго тѣла состраждутъ одинъ другому, такъ и христіане, соединенные между собою священнымъ союзомъ церков-

наго общества, обязаны другъ друга любить и о другихъ не иначе, какъ о себѣ, имѣть взаимное попеченіе. Церковь есть имя согласія и соединенія. И если въ ковчегѣ Ноевѣ, который былъ образомъ Церкви, звѣри неукротимые, какъ бы позабывъ свое естество, кротко въ немъ пребывали съ другими животными: то можетъ ли быть непосрамительно для человѣческаго естества, чтобы христіане, во единое тѣло Церкви Духомъ Божіимъ сочетанные, возставали другъ на друга и тѣмъ разрушали бы сей Божественный составъ?

Церковь же не есть просто какое-либо общество, но общество правовѣрующихъ, то есть, которые утверждаютъ свое Богослуженіе не на слабомъ основаніи человѣческаго умствованія, а на твердомъ камени Божія слова и на просвѣщеніи, проистекшемъ изъ сего святаго источника. Почему всѣ тѣ, которые идутъ противнымъ Божію слову путемъ, или заражены несчастливою болѣзнію раскола, въ блаженномъ обществѣ Церкви участія имѣть не могутъ. „Всякъ садъ“, по словамъ Евангельскимъ, „егоже не насади Отецъ небесный, искоренится“ (Мато., 15, 13).

Нѣтъ ничего опаснѣе для христіанина, какъ, въ важнѣйшемъ пунктѣ Богослуженія, единымъ собственнымъ своимъ повѣрять себя мыслямъ. Извѣстная—слабость человѣческихъ разсужденій: нечувствительнымъ образомъ вкрадываются пристрастія и играютъ сердцемъ нашимъ. Сія слабость тѣмъ опаснѣе, что разрушаетъ спокойствіе человѣческаго духа: ибо что уже можетъ успокоить тебя, когда мысль твоя не утверждена въ томъ, что должно быть основаніемъ всѣхъ дѣлъ твоихъ? Иди благословеннымъ и Богомъ утвержденнымъ путемъ, и въ искушеніи разстроенныхъ мыслей твоихъ призывай помощь небесную съ симъ евангельскимъ гласомъ: „Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію“ (Марк., 9, 24).

Догматъ вѣры тѣмъ есть уважительнѣе, что онъ есть основаніе добродѣтели. Нельзя, потерявъ вѣру, не потерять благой совѣсти; нельзя худо вѣрить, а дѣлать хорошо. Древо доброе плоды добры творитъ, и человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благая. Въ чьей душѣ утвержденъ благословенный корень нелицемѣрной и просвѣщенной вѣры, тотъ питаетъ свою душу сладчайшими плодами добродѣтели. А изъ сего прямо слѣдуетъ, что люди развратнаго житія и нераскаянные грѣшники хотя почитаются быть въ Церкви, но не суть въ Церкви. Сіи-то суть оныя заблуждшія овцы, о которыхъ Евангеліе говоритъ, „яко не суть отъ двора сего“ (Іоанн., 10, 16). Ежели „Христосъ предаде Себе съ тѣмъ, да представитъ Церковь не имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна“ (Ефес., 5, 25—27), то какъ могутъ имѣть участіе

въ семъ священномъ обществѣ тѣ, которые піютъ беззаконіе, яко воду, и, пришедъ во глубину золъ, нерадятъ?

Если же Церковь есть общество просвѣщенныхъ вѣрою и украшенныхъ добродѣтелію людей, то какое должно быть ея преимущество и слава?

Еслибы вы нашли двухъ или трехъ человѣка прямо добродѣтельныхъ,—не сочли ли бы вы ихъ Ангелами, и то мѣсто, гдѣ обитало бы такое сокровище, не почли ли бы раемъ земнымъ? Какое же почтенное и высокое понятіе о Церкви должно имѣть намъ, когда она въ себѣ заключаетъ всѣхъ тѣхъ, по всему кругу земному разсѣянныхъ людей, единому Сердцевѣдцу извѣстныхъ, которые служатъ Ему въ непорочности совѣсти своей день и нощь?

И потому не безъ основанія слово святое превозноситъ Церковь столь превосходными титлами, когда называетъ ее царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ, людьми обновленія, дверію царствія, храмомъ Духа Святаго, Іерусалимомъ небеснымъ, обителію вѣчною, мѣстомъ, надъ которымъ всегда бдитъ недремлющее Божіе око, и прочими, тому подобными, именами.

Видя таковое преимущество и славу Церкви Божіей, мы, чрезъ дверь крещенія въ нее вошедшіе, потщимся, да будемъ всегда достойными ея членами.

А для сего всякъ въ своемъ званіи, въ неже призванъ, да пребываетъ со всякимъ тщаніемъ и усердіемъ. Пастырь духовный да предходитъ паствѣ благимъ примѣромъ жизни своей и да возжигаетъ сердце свое ревностію Божественною. Судія да хранитъ правосудіе и тѣмъ да прославляетъ Бога, Его же лице носитъ. Воинъ да служитъ отечеству, принося за него Богу неоцѣненную жертву жизни своей. Купецъ, благословеннымъ промысломъ своимъ служа нуждамъ общества, въ вѣрности и честности да поставляетъ главнѣйшій прибытокъ свой. Земледѣлецъ да укрѣпляетъ труды свои и поты благочестіемъ и добросердечіемъ. И если на семъ основаніи всѣ дѣла наши расположены будутъ, то мы увеселимъ очи небеснаго Отца, составимъ рай на землѣ, дверію Церкви Божіей взойдемъ и во врата селеній небесныхъ.

Ты же, Пастыреначальниче Христе, собранныхъ насъ во едино стадо соедини навсегда святымъ союзомъ Духа Твоего. Укрѣпивый старческія руки къ ношенію Тебя, носящаго вся, подаждь немощи моей силу, да возмогу безпреткновенно послужити Евангелію Твоему: благоустрой путь мой предъ Тобою. Подаждь же и всѣмъ людямъ Твоимъ Богохранимой паствѣ града сего, во всемъ благоспѣшеніе, да всякъ изъ насъ, при послѣднемъ издыханіи жизни своей, чувствуя по возможности исполненіе своего званія и воображая праведное мздовоздаяніе

Твое, съ радостію тогда воспѣлъ бы предъ Тобою: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое“ (Лук., 2, 29). Аминь.

Слово въ день рожденія Ея Императорскаго Величества (Екатерины II) *).

Препроводивъ благополучно духовное торжество Воскресенія Избавителя нашего, Котораго ап. Павелъ называетъ „первороженнымъ изъ мертвыхъ“ (Колос., 1, 18), се, новый возсіялъ намъ благословенный день, благословенныя чада Церкви Божіей и вѣрные сыны отечества! Ежели всякъ воспоминаетъ, или воспоминать долженъ съ особливымъ вниманіемъ и съ усерднымъ чувствованіемъ оные день и часъ, въ который всесильною рукою изъ небытія приведенъ въ бытіе, и излившіяся на него благодати изъ источника благости Божіей,—ежели сіе вниманіе и сіе признательное чувствованіе благости Божіей должно быть еще большее, когда бы воспоминали мы первые дни блаженной жизни тѣхъ особъ, которыя своими талантами и благодѣтельствомъ составляютъ счастіе многихъ: то что надобно думать и говорить о семъ благословенномъ днѣ, который намъ, то есть, всей Россіи, любезному отечеству нашему, даровалъ увидѣть Августѣйшую особу, предопредѣленную къ счастію Россіи и къ благодѣтельству рода человѣческаго? Предопредѣленную, говорю: ибо мы, уважая истину Божія слова, вѣруемъ, яко „ихъ же Богъ предуставн, тѣхъ и призва: а ихъ же призва, сихъ и оправда: а ихъ же оправда, сихъ и прослави“ (Римл., 8, 30). Когда же, по симъ священнымъ словамъ, призваніе въ каковую либо важную и отличную должность, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе предвѣчнаго Божія предуставленія, то каковое же можетъ быть важнѣйшее званіе, якоже званіе царское? слѣдовательно, предуставленіе на таковое званіе, есть изъ первыхъ, которое подписуетъ нетлѣнный перстъ Божій.

А таковое разсужденіе и отверзаетъ намъ дверь взойти въ пространнѣйшую матерію, а именно, не токмо о томъ, какъ прямо надлежитъ разумѣть оное, Духомъ Святымъ, чрезъ Павловы уста, объявленное, предуставленіе, призываніе, оправданіе и прославленіе, но и

---

*) Сказано въ Москвѣ, въ придворной церкви, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, 1775 года, апрѣля 21 дня.

какимъ образомъ всякаго рода званія долженствуютъ споспѣшествовать верховному званію царскому и къ одному концу стремиться.

ИХЪ ЖЕ ПРЕДУСТАВИ, ТѢХЪ И ПРИЗВА.

„Разумна отъ вѣка суть Богови вся дѣла Его“, по словамъ Писанія Святаго (Дѣян., 15, 18). Не тако зритъ Богъ, якоже зритъ человѣкъ. Какъ Онъ составляетъ Самъ Собою вѣчность, то ничего прешедшаго, ни будущаго прямо Ему присвоить не можно: вся предъ Нимъ суть настоящая. Не токмо „нѣсть тварь неявлена предъ Нимъ, но и вся дѣла нага и объявлена предъ очима Его“ (Евр., 4, 13). „Несодѣланное мое“, въ ужасѣ вопіетъ къ Нему Пророкъ, „видѣстѣ очи Твои“ (Псал., 138, 16), въ книзѣ же Твоей и несодѣянная моя написана у Тебе суть. Сіе существо вѣчное есть, притомъ, благое и премудрое. Благость Его есть источникъ совершенства тварей, а премудрость полагаетъ всему приличнѣйшій порядокъ. Каждая тварь въ бытіи своемъ и въ дѣйствіяхъ прямо зависитъ отъ сихъ двухъ великихъ началъ, ибо иначе тварь ниже могла бы быти тварію.

Когда же есть сіе такимъ образомъ, какъ въ томъ увѣрятъ насъ и свѣтъ разума, возженный отъ предвѣчнаго Свѣта, и само слово Божіе, то положимъ, что нѣкто имѣетъ родиться отселѣ послѣ тысячи лѣтъ. Всевидящее око такъ взираетъ на то, какъ бы уже оно было въ настоящемъ времени. Когда всеблагая воля хощетъ получить тому бытіе, а премудрость въ томъ не усматриваетъ, какъ токмо клонящееся къ совершенству и той производимой твари и общаго союза, то и состоитъ въ семъ предуставленіе вещи той: „Ихъ же предустави, тѣхъ и призва“.

При семъ надлежитъ внимательно примѣчать, что нѣкоторые, при разсужденіи о предуставленіи, неосновательно заключаютъ, якобы предуставленіемъ всѣ наши дѣла подлежатъ необходимости, и свободность человѣческихъ дѣйствій болѣе не можетъ имѣть мѣста: ибо, де, какъ чему быть предуставлено, тому такъ должно быть необходимо.

Но таковое заключеніе само собою опровергается, ибо оно никакъ не можетъ слѣдовать изъ предуставленія не слѣпаго, но основаннаго на безконечной премудрости. Подлинно, тому должно быть, какъ чему быть предуставлено; но оно предуставлено быть такъ, какъ сходственно съ совершенствомъ производимой вещи и общаго союза. Совершенство человѣка есть свободность дѣйствія: предуставленіемъ, яко на премудрости основаннымъ, сіе совершенство должно быть сохранено и сохраняется. Когда бы ты взиралъ на человѣка въ настоящемъ его дѣйствіи, надобно положить, что онъ тогда неотмѣнно дѣйствуетъ, если тебя не обманываетъ твое зрѣніе; но сіе твое зрѣніе не наноситъ необхо-

димости дѣйствію его, и свободности отъ его дѣйствія не отъемлетъ. Всевидящее око взираетъ на твои будущія дѣйствія, яко на настоящія, и сіе Божіе зрѣніе есть истинно, и обмануться не можетъ. Но какъ дѣйствіе твое, по уставу премудрости Божіей, должно выходить изъ начала дарованной тебѣ свободности, то и предуставляется оному дѣйствію быть сходственнымъ съ тѣмъ Божественнымъ началомъ. Итакъ, и предуставленіе остается не могущимъ обмануться, и свободность непарушимою.

Богъ, напримѣръ, отъ самой вѣчности предвидѣлъ покаяніе апост. Петра; но какъ же предвидѣлъ оное?—что Петръ по паденіи разсужденіемъ своимъ поймётъ слабость паденія своего, собственною совѣстію своею будетъ обличаемъ, возчувствуетъ стыдъ и чрезъ то придетъ въ прямое раскаяніе прегрѣшенія своего. Воля Божія „не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему“ (Iезек., 33, 11); премудрость въ таковомъ Петровомъ расположеніи не видитъ развѣ, что клонится къ совершенству его и общаго союза. Изъ сего выходитъ предуставленіе о покаяніи Петровомъ и, какъ сіе предуставленіе есть неложно, такъ и Петръ произвольно и свободно приноситъ покаяніе.

Таковое разсужденіе о высокомъ догматѣ предуставленія утверждается не на однихъ мысляхъ нашихъ, но на ученіи православной нашей Церкви и на словѣ Божіемъ. Богодухновенный Павелъ въ томъ же самомъ, нами изъясняемомъ, мѣстѣ, гдѣ онъ сказалъ: „Ихъ же предустави, тѣхъ и призва“,—не оставилъ сказать и сіе: „любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое, сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ“ (Римл., 8, 28). Итакъ, по сему Павлову ученію, предуставляются и призываются въ славу тѣ, которыхъ любовь къ Богу предусмотрѣна; а любовь изъ дѣйствій есть свободнѣйшая, и принужденная любовь быть не можетъ. „Ихъ же предустави, тѣхъ и призва“.

Изъ предуставленія выходитъ призываніе. И сіе призываніе Божіе должно относиться до какой-либо важной и отличной должности: ибо, по разуму Апостольскому, призываются токмо тѣ, которыхъ предусмотрѣна отличная добродѣтель: „Сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ“.

Когда бы намъ была отверста вѣчная книга судебъ Божіихъ, мы увидѣли бы въ ней, что, прежде сложенія міра предусмотрѣнныя Давидовы добродѣтели,—благочестіе, просвѣщеніе, великодушіе, духъ владычній въ ней записаны; и потому опредѣлено, чтобы Давиду въ свое время быть призвану и помазану въ царя Израилева.

О, веліе таинство! какое должно быть преимущество смертнаго, что всѣ добродѣтельныя дѣла его, какія онъ во времени совершаетъ, внесены въ Божественную книгу судебъ Господнихъ отъ самой вѣчности! Какое сильное есть сіе побужденіе къ добродѣтели! Ты прохо-

дишь званіе свое, и въ то же время Отецъ вѣковъ взираетъ на планъ дѣлъ твоихъ, всегда предлежащій очамъ Его. Какое должно быть твое усиліе и ревнованіе, дабы точно соотвѣтствовать тому и не впасть въ сіе несчастіе, чтобы изглажену быть изъ книги живота! Ибо, по Евангельскому же словеси, суть и званы, но не бываютъ избраны (Матѳ., 20, 16). Каковаго рода суть тѣ, которые ослабѣваютъ въ благомъ подвигѣ добродѣтели и, начавъ свято, безчестно оканчиваютъ. Но которые совершаютъ теченіе свое безъ всякаго разслабленія и превратности, тѣ суть не токмо изъ числа предувѣдѣнныхъ, предуставленныхъ и призванныхъ, но и оправданныхъ. „Ихъ же призва, сихъ и оправда“.

Оправданіе истекаетъ изъ точнаго въ званіи своемъ поступанія къ тому концу, къ которому кто призванъ. Въ царское ли служеніе кто отъ Бога позванъ?—да бдитъ о благополучіи врученныхъ попеченію его, и да тщится великое служеніе свое представить непорочнымъ Царю царствующихъ. Вручены ли кому вѣсы судейскаго правосудія?—да тщится таковый быть покровителемъ неповинности, да судитъ прямо сиру и смиренну, и да боится, да не како поразятъ его сіи Духа Святаго слова: „Доколѣ судите неправду, и лица грѣшниковъ пріемлете“ (Псал., 81, 2)? Принялъ ли кто на себя иго пастырства духовнаго?—огнь справедливой и святой ревности да возжигаетъ сердце его, да, съ непорочною душею стоя при святомъ жертвенникѣ, ходатайствуетъ о себѣ и о людскихъ невѣжествіихъ и да страшится когда-либо услышать сіи слова Пастыря великаго: „крове погибшія овцы отъ руки твоея взыщу“ (Іезек., 33, 8). Воинствуетъ ли кто подъ славнымъ знаменемъ защиты отечества?—да приноситъ священную жертву жизни своей за тотъ предметъ, которому одолженъ жизнію своею, и да ободряетъ себя тѣмъ, яко цѣна заслугъ его единымъ нетлѣннымъ вѣнцемъ достойно можетъ быть вознаграждена. Другое ли какое проходитъ кто въ обществѣ званіе?—да прилагаетъ таковый всякое раченіе, безпристрастіе, вѣрность и честность ко исполненію должности своей. Однимъ словомъ: всякъ, „въ немже кто призванъ, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ“ (1 Кор., 7, 24).

Если призванные такъ проходятъ должности свои, тогда они праведны предъ Богомъ и предъ человѣки, и тогда на нихъ исполняется оное Божественное изреченіе: „Ихъ же призва, сихъ и оправда“. Когда же человѣкъ достигъ предъ Богомъ и человѣки быть оправданнымъ, то изъ сего непосредственно и само собою выходитъ прославленіе. „Ихъ же оправда, сихъ и прослави“.

Сіе есть естественное устроеніе, чтобы добродѣтели никогда не остаться безъ награжденія. Скорѣе быть можетъ солнце безъ теплоты,

нежели чтобы дѣло благое не было препровождаемо должнымъ воздаяніемъ. Сіе внутреннее удовольствіе, какое чувствуетъ человѣкъ, честность паче всякаго наблюдающій,—сіе спокойствіе духа, котораго порочные не имѣютъ и не знаютъ,—сія радость сердечная, которая только единымъ сынамъ Божіимъ предоставлена,—сей внутренній вопль: „Авва, Отче“ (Римл., 8, 15), которымъ они означаютъ свое съ Богомъ усыновленіе,—сіе сильное увѣреніе, по которому почитаютъ они себя быть подъ особливымъ покровительствомъ Всемогущаго; все сіе не есть ли довольное награжденіе и знаменитое прославленіе праведныхъ Божіихъ? „Ихъ же оправда, сихъ и прослави“.

Да умолчу уже о томъ, что сіе же естественное воздаяніе добродѣтели Промыслъ Божій не оставляетъ утѣшать и временными наружными выгодами, яко—то почтеніемъ отъ людей, награжденіемъ чинами и довольнымъ содержаніемъ, добрымъ мнѣніемъ добрыхъ людей и похвалою, безсмертіемъ имени въ роды родовъ. „Ихъ же бо оправда, сихъ и прослави“.

Се, видите священный союзъ путей Божіихъ. Дабы сей союзъ Божественный точно сохраненъ былъ, не довольно, чтобы всякъ токмо взиралъ на частную должность свою; но чтобы умѣлъ и тщался соглашать оную съ общимъ концемъ, дабы всѣ званія между собою были соединены неразлучно, и всѣ имѣли бы свое отношеніе къ единому общему благу. Сего требуетъ единость тѣла общества, дабы было оживляемо и единымъ духомъ. Сего намъ у Отца Небеснаго испрашивалъ Ходатай Бога и человѣковъ, когда въ молитвѣ Своей, со слезами и воплемъ крѣпкимъ приносимой, говорилъ: „Отче! да будутъ сіи едино, яко же Мы едино есма“ (Іоанн., 17, 11, и 22).

И какъ всякій союзъ, чтобы былъ твердъ и непарушимъ, требуетъ основанія, дабы всѣ, составляющія союзъ, части имѣли, къ чему имъ должно присоединяться и на чемъ утверждаться, то, потому, пекущееся о родѣ человѣческомъ, Провидѣніе и поставило въ общественномъ союзѣ царскую власть главою и основаніемъ верховнаго Правителя. На сію, Богомъ поставленную, главу должны мы взирать, яко на маякъ священный, дабы плаваніе общаго корабля было благополучнѣшно и спасительно.

Ежели какая страна на землѣ есть столь блаженна, что ея благосостояніе мудро укрѣплено въ священномъ узлѣ Монаршей власти, то симъ благословеніемъ Божіимъ особливо можетъ хвалиться благословенная Россія, любезное отечество наше. О сей верховной главѣ государственнаго союза мы можемъ весьма пристойно сказать, что ап. Павелъ написалъ о таинственной Главѣ церковнаго тѣла — Христѣ Господѣ яко „изъ Него все тѣло составляемо и сочинѣваемо приличнѣ, всяцѣмъ

ослабленіемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію“ (Ефес., 4, 16). Да и самый опытъ исторіи нашей доказываетъ, что съ самаго того времени, какъ Богомъ поставленная Монаршая власть получила у насъ твердое основаніе, священный домъ Россіи, якоже домъ Давидовъ, „идяше и растяше и укрѣпляшеся зѣло“.

Симъ неоцѣненнымъ счастіемъ наслаждается Россія нынѣ въ священной особѣ Твоей, Августѣйшая главо наша и Монархиня просвѣщеннѣйшая и человѣколюбивѣйшая! „Вѣсть Господь сущія Своя“ (2 Тим., 3, 19). Сіи великія дѣла, которыя Ты, проходя служеніе свое, совершаеши въ смиренномудріи духа, были прежде вѣкъ написаны въ вѣчной книгѣ судебъ Божіихъ: прежде, нежели горамъ быти, и землѣ создатися, всевидящее Око взирало на Твою добродѣтель, и потому премудрость Его предуставила Тебѣ произойти на сей видимый свѣтъ, предуставивъ позвала на сіе царское служеніе, призвавъ оправдила, а оправдивъ и прославила; славу Твою проповѣдуетъ свѣтъ. Усмиренная мужествомъ Твоимъ и мудростію, презорливая гордыня бывшаго непріятеля, доставленный отечеству Твоему славный миръ, заставляютъ всѣ страны свѣта обращать вниманіе свое на сѣдящую на Россійскомъ тронѣ. Се—слава Твоя. „Ихъ же оправда, сихъ прослави“. И въ сей славѣ Твоей соучаствуемъ и мы: превозносимѣй бо Тебѣ, главѣ нашей, и мы, аще и недостойные члены управляемаго Тобою общественнаго тѣла, піемъ изъ сего сладчайшаго источника. Сіи милости, выгоды и облегченія, оказанныя Тобою подданнымъ Твоимъ, составляютъ свойство благодѣтельной души Твоей. Да восчувствуетъ сердце Твое все утѣшеніе, какимъ Богъ благоволитъ награждать добродѣтель.

Мы же, празднуя всерадостный день благословеннаго рожденія Твоего, день виновный таковаго счастія Россіи, падши предъ престоломъ благоутробія Божія, молимъ Его всею вѣрою нашею, да Тебя, любезную матерь отечества, и съ симъ благословеннымъ и Августѣйшимъ Наслѣдіемъ Твоимъ укрѣпитъ къ продолженію того славнаго теченія, которое столь благополучно съ помощію Его святою совершаеши. Аминь.

Слово въ день Святителя Николая *).

Празднуемъ мы днесь, благословенніи христіане, день, посвященный угоднику Божію, Святителю Николаю, который совершилъ подвигъ

*) Сказано въ Перервинскомъ монастырѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, мая 9-го дня, 1775 года.

свой благополучно и достигъ тихаго и вѣчнаго пристанища въ нѣдрахъ Божіихъ. Празднуя же, принесемъ благодареніе дивному во святыхъ и прославляющему угодники Своя Богу. Ибо сіе есть яснѣйшее доказательство промысла Его о насъ, что Онъ представляетъ намъ къ подражанію примѣры таковыхъ, которые были подобострастны намъ, были участны съ нами тойже немощной плоти; но когда произволеніе свое соглашали съ руководствомъ прямой совѣсти и закона Божія, то стали они побѣдителями страстей, и благоуханіемъ добродѣтели своей наполнили всѣ вѣка.

Мы благоговѣемъ предъ величествомъ Божіимъ и повергаемъ себя предъ Нимъ, вѣдая, что Его слава и совершенства суть для насъ бездна, въ которой мы, малѣйшая тварь, погружаемся и становимся, яко ничто. Ибо и весь міръ предъ Нимъ, по глаголу Пророка Божія, есть яко капля, канувшая изъ океана,—и святѣйшіе жизнію мужи исповѣдались предъ Нимъ, яко суть земля и пепелъ (Быт., 18, 27). Почему хотя Онъ и повелѣваетъ намъ въ законѣ Своемъ: „Будите совершени, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Матѳ., 5, 48); но воля Твоя, великій Боже! можемъ мы предъ Тобою исповѣдать трепещущимъ и немощнымъ гласомъ, яко совершенства Твои суть безконечны, и потому намъ земнороднымъ неподражаемы.

Но сіе извиненіе должно уже постыдиться, когда сей неподражаемой святости Богъ, при торжественныхъ Церкви Своей празднованіяхъ, представляетъ намъ къ подражанію таковыхъ же людей, каковы и мы,—тѣмъ же страстямъ, немощамъ и искушеніямъ подлежавшихъ. Ибо всѣ святые, конхъ имена мы съ любовію воспоминаемъ, были того же съ нами естества и, слѣдовательно, видѣли тотъ же полкъ страстей, возстающій на нихъ; но когда управляли себя благоразуміемъ и честностію, то всѣ стрѣлы лукаваго разжженныя удобно угасить могли (Ефес., 6, 16).

И, какъ желательно намъ бываетъ знать, какимъ врачевствомъ исцѣлился тотъ, о которомъ знали бы мы, что онъ одержимъ былъ болѣзнію трудною и почти неизлѣчимою: такъ подобно, мню, заслуживаетъ вниманіе, или хотя любопытство наше, *какимъ образомъ, прославленные святостію, мужи, прешедши огонь страстей безъ опаленія и воду напастей безъ потопленія,—дошли въ покой свой*?

Каковымъ же образомъ?

Во-первыхъ, всегдашнимъ памятованіемъ закона Божія. Съ младыхъ лѣтъ, съ самаго младенчества мысль свою тщались просвѣщать познаніемъ тѣхъ правилъ, которыя показываютъ точное различіе между добродѣтелію и порокомъ; симъ со млекомъ питались, съ симъ возрасли, съ симъ укрѣпились, сіе утвердили частымъ повтореніемъ и

размышленія и благихъ дѣлъ. И сей корень благословенный въ нихъ остался навсегда незыблемъ: ибо хотя въ теченіе жизни и искушали ихъ нѣкоторыя слабости, но твердое положенное основаніе храминѣ ихъ добродѣтели не допускало пасть или и поколебаться. Сей есть плодъ добраго воспитанія. Нельзя, чтобы человѣкъ, съ младыхъ лѣтъ чрезъ воспитаніе доброе какъ бы привыкшій къ честности, могъ когда-либо совратиться съ пути истины безъ надежды исправленія.

А чтобы стоять на семъ основаніи съ бо́льшею твердостію,— они укрѣпляли себя воображеніемъ радостныхъ слѣдствій отъ добродѣтельнаго подвига, а печальныхъ и несчастливыхъ отъ развратной жизни слѣдствій и въ жизни сей и въ будущей,—да не воображеніемъ токмо, но и дѣйствительнымъ внушеніемъ сладчайшихъ плодовъ благихъ дѣлъ. Кто бы что ни говорилъ, но мы должны съ словомъ Божіимъ признать, яко „нѣсть радости нечестивымъ“ (Ис., 48, 22), а гласъ радости и веселія гдѣ?—въ селеніяхъ токмо праведныхъ (Псал., 117, 15). Впрочемъ, добродѣтель имѣетъ столь великую силу въ сердцѣ человѣческомъ, что, когда бы и внѣшнія злоключенія обстояли рачителя ея, онъ и тогда не меньше любитъ и лобызаетъ ее: ибо сія неувядающая роза и при окружающихъ ее терніяхъ не теряетъ красоты своей.

Когда же кто таковымъ образомъ расположенъ, то прежде всего представляетъ себѣ, что произведенъ онъ на свѣтъ для пользы рода человѣческаго, а не на вредъ. Трепещетъ быть въ тягость себѣ и другимъ. Онъ тщится жить между другими такъ, какъ растетъ маслина въ дому Божіи, не токмо плодомъ своимъ украшающая себя, но и питающая другихъ; и потому страшится праздности, яко разслабляющей и почти уничтожающей всѣ способности человѣческія, а всего себя посвящаетъ трудолюбію. Ибо вѣдаетъ онъ, что источникъ, чѣмъ болѣе исчерпывается, тѣмъ становится чистѣе, а безъ движенія воды растлѣваются. И въ семъ то всегдашнемъ движеніи душевныхъ и тѣлесныхъ силъ состоитъ прямое исправленіе должности. Сей предметъ занимаетъ все его вниманіе, занимаетъ всю мысль и сердце. Такъ, какъ же бы къ упражненному таковымъ образомъ мужу могло приступить каковое-либо искушеніе? да пусть бы и приступило, — какъ могло бы оно поколебать его? Онъ со всѣхъ странъ вооруженъ: крѣпость души его со всѣхъ странъ есть неприступна и потому непобѣдима: „Яко гора Сіонъ не подвижится во вѣкъ“ (Псал., 124, 1).

Сими-то средствами спасительными святые, память коихъ Церковь справедливо празднуетъ, и стали святыми, Богу и людямъ любезными. И потому, какъ выше сказали мы, Церковь возлагаетъ на насъ неотрицаемое обязательство къ подражанію; да и въ таковые дни она положила ослобливыя пѣсни и пѣнія, сочинила каноны и стихи, особли-

вые въ служеніи уставила свѣтлѣйшіе обряды, дабы чрезъ то всякими образы возбудить насъ къ любви Божіей и тѣмъ уподобить святымъ, возлюбившимъ Бога всѣмъ сердцемъ,—особливо, что угодники Божіи не токмо призываютъ насъ къ шествію по праведнымъ стопамъ своимъ, но и молитвами своими въ томъ намъ споспѣшествуютъ. Яко же плавающимъ на морѣ—звѣзды, тако намъ—житія святыхъ; и какъ плаванію ихъ спомоществуютъ вѣтры благовременные, тако намъ молитвы святыхъ.

Въ сей благословенный день, изъ онаго безчисленнаго собора праведныхъ, на небеси съ Богомъ царствующихъ, представляется намъ изряднѣйшій въ пастыряхъ и вѣрнѣйшій таинъ Божіихъ служитель, Святитель Божій Николай. Въ немъ, яко сосудѣ избранномъ, человѣкъ всякаго состоянія найдетъ приличную себѣ добродѣтель. Пастырь ли кто и властелинъ?—онъ былъ пастырь добрый и ревностный, готовый положить всегда душу свою за овцы своя. Добрымъ ли кто хощетъ быти отцемъ?—въ семъ узритъ попечителя о сиротахъ и о призрѣніи неимущихъ и бѣдствующихъ въ чистотѣ дѣвъ. Добрымъ ли кто хощетъ быти гражданиномъ?—онъ былъ помощникъ многимъ, утѣшитель въ бѣдахъ: отиралъ слезы родителей возвращеніемъ ихъ дѣтей изъ плѣна, изъ потопленія и отъ различныхъ злоключеній.

Добрымъ ли кто чтится быти христіаниномъ?—въ немъ узритъ пламень чистѣйшей любви къ Богу нелицемѣрнаго благочестія. Однимъ словомъ: онъ былъ зерцало, въ которомъ Богъ открылъ разновидныя добродѣтели, яко различныя врачества угодныя къ уврачеванію каждаго.

Но, о Святителю Божій и правило вѣры! Предстательствуй о насъ къ Богу приношеніемъ тѣхъ молитвъ, которыя предъ престоломъ Его суть, яко кадило благовонной. Словесныя овцы твои руководствуй по добродѣтельному пути блаженной жизни твоей. Паче же испроси благословеніе Всевышняго на священнѣйшую главу Помазанницы Божіей, по вѣрѣ своей къ Богу и по усердію къ тебѣ, благоволившей посѣтити сей святый храмъ, имени твоему посвященный; вкупѣ же и на Августѣйшее Наслѣдіе ея, да, предстательствомъ твоимъ и благочестіемъ ихъ руководствуеми, достигнемъ невечерняго свѣта, коимъ ты присно наслаждаешься, опочивая въ нѣдрахъ Божіихъ. Аминь.

Слово на день святаго Димитрія Царевича *).

Содѣтель твари и Насадитель естества, благотворя намъ въ сіе благопріятное время весны, возродилъ всѣ растенія, покрылъ землю

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ, мая 15, 1775 года.

зеленѣющимъ злакомъ и украсилъ оную различными цвѣтами, да увѣритъ насъ, чадъ Своихъ, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его. Тотъ же благодѣтельствующій Богъ, яко Глава Церкви, слава мучениковъ и покровитель благословеннаго христіанства, въ присноцвѣтущемъ Церкви Своея вертоградѣ настоящимъ празднованіемъ произрастилъ предъ очами нашими благороднѣйшую, отъ царскаго корня происшедшую, вѣтвь, благовѣрнаго Царевича Димитрія; и сія краснѣйшая вѣтвь цвѣтомъ непорочности своея и благоуханіемъ чудесъ, ими же Богъ благоволилъ прославити оную, услаждаетъ священные соборы Церкви всероссійской.

И какъ плодоноснѣйшимъ растеніямъ и краснѣйшимъ цвѣтамъ, по уставу естества, обыкновенно бываетъ, что, когда наступитъ зимнее время, и возвѣютъ сѣверные вѣтры,—тогда они обнажаются отъ зелености своей и лишаются красоты своей; но, наступившей веснѣ, аки изъ мертвыхъ, воскресаютъ и въ большей открываются славѣ, подобно нѣчто, по неиспытанныхъ судьбамъ Божіимъ, случилось и съ прославляемою нами днесь вѣтвію царскою. Злохищная рука въ самомъ ея цвѣтѣ увядила оную и покрыла все отечество наше печальнѣйшею нощію лютѣйшей непогоды, и бурнымъ дыханіемъ ея едва не разсѣяла всѣ части благоустроеннаго Россіи зданія. Но „наказуя наказа“ ны „Господь, смерти же не предаде“ насъ (Псал., 117, 18). По оной бурѣ паки возсіяла благопріятнѣйшая тишина: священный домъ Россіи паки возсталъ, возвысилъ главу свою до̀ звѣздъ, и пролитая кровь праведника сего воплемъ своимъ, восходящимъ до небесъ, исходатайствовала злоковарнымъ праведное отмщеніе, а любителямъ отечества и вѣры благословеніе и вѣчное прославленіе.

Подробнѣйшее изъясненіе сей эпохи въ Россійской исторіи оставляю тѣмъ, которые особливо время свое и таланты посвятили изслѣдованію дѣлъ, событій, приключеній и слѣдствій, открываемыхъ въ теченіи правленія государствъ. Наша должность есть духовная и пастырская: она требуетъ отъ насъ входить въ таковые случаи съ тѣмъ только примѣчаніемъ, чтобы изъ нихъ заключать пристойныя правоученія, дабы, видя счастливые успѣхи добродѣтели, возбуждать всякаго къ честности; а, усматривая тщетность порочныхъ и зловредныхъ намѣреній, представлять порокъ ненавистнымъ и всякаго проклятія достойнымъ.

Что же изъ настоящей, празднуемаго нами благовѣрнаго Царевича, исторіи мы одолжаемся примѣчать къ пользѣ своей?

Во-первыхъ, общее благо предпочитать своему. Если бы человѣкъ находился, какъ говорятъ, въ естественномъ состояніи, то есть, никакого союза съ другими не имѣлъ,—тогда онъ могъ бы безъ предосужденія обращать вниманіе свое на себя одного; но когда онъ находится

въ состояніи общежительственнаго союза, то желанія свои, намѣренія, слова и дѣла уже долженъ наклонять не къ пользѣ единственно своей, а паче къ пользѣ общественной. Ибо онъ въ самомъ разсужденіи есть часть, а свойство части есть располагать себя къ сохраненію цѣлаго состава; онъ въ самомъ разсуженіи есть членъ, а свойство члена есть себя располагать къ благосостоянію всего тѣла.

Положивъ сіе основаніе, мы и видимъ, что, когда человѣкъ мысли свои и дѣла располагаетъ, единственно занимая себя самимъ собою, не уважая союза, въ которомъ онъ вмѣщенъ,—тогда онъ не только разстроиваетъ твердость общаго зданія, но тѣмъ самымъ терятъ и свою пользу. Ибо возможно ли, чтобы, при разстройствѣ состава, часть осталась твердою въ своемъ положеніи? чтобы, при разрушеніи тѣла, членъ остался безъ состраданія, или и безъ истребленія?—никакъ. Такой, худо управляемый, человѣкъ въ то самое время, когда онъ мнитъ обрѣсти свою наибольшую пользу, идетъ противъ себя самого и, не примѣчая, самъ вредитъ самому себѣ.

А изъ сего прямо слѣдуетъ, что должны быть положены справедливыя границы самолюбію человѣческому. Ищи всякъ пользы своей, прибытка своего; сіе есть безгрѣшно. Но, притомъ, съ великимъ вниманіемъ разсматривай, не будетъ ли то съ нарушеніемъ справедливости, не клонится ли то къ явной обидѣ и раззоренію другихъ, не выходитъ ли изъ того подрывъ пользы общества, котораго ты и самъ—членъ. Если бы—такъ, удержи стремленіе желанія своего, не дерзай отягощать совѣсти своей: ибо, таковымъ образомъ пріобрѣтаемая, корысть есть безчестная и пагубна тебѣ самому. Лучше и полезнѣе въ такомъ случаѣ понести нѣкоторый уронъ: ибо, сохраненная чрезъ то, цѣлость общественной пользы довольно вознаградитъ тебя; чѣмъ?—похвалою добраго гражданина, именемъ справедливаго мужа, удовольствіемъ совѣсти твоей, невидимымъ благословеніемъ Божіимъ и другими временными выгодами: ибо добродѣтель есть основаніе счастія.

Когда кто поступаетъ таковымъ образомъ, сей-то прямо понимаетъ, что есть честность: ибо она, по настоящему разуму, состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ знаніи удерживать сердце свое отъ всякаго стремленія противъ справедливости. И съ нею-то прямо сопряжена и честь; да не только сопряжена, но и точно состоитъ она въ сохраненіи честности. Какъ бы кто о ней ни разсуждалъ, а не можетъ она заключиться въ одномъ наружномъ сіяніи, если внутренность душевная не осіяна лучемъ Солнца правды.

Твердо есть слово Божіе и всякаго пріятія достойно, яко „никто же пріемлетъ честь, токмо званный отъ Бога“ (Евр., 5, 4). Что же есть званіе Божіе, и каковымъ образомъ призываетъ Богъ? Когда кто

всѣми силами и при всякомъ случаѣ тщится доказать свое безпристрастіе, вѣрность и справедливость и, прилежаніемъ своимъ усугубляя дарованные ему отъ Бога таланты, употребить ихъ въ общую пользу; когда на таковаго мужа воззритъ законная власть и назначаетъ ему пристойную должность,—сіе есть званіе Божіе, сего призываетъ Богъ. Но когда кто не имѣетъ дарованій, или и имѣя погребаетъ ихъ въ землѣ нерадѣнія, однако, тѣмъ не меньше всякими сторонними и безчестными образами проискиваетъ себѣ должности, которую понести не можетъ, развѣ со вредомъ другихъ,—проискиваетъ себѣ чести, которю оберечь не умѣетъ: таковый, хотя бы каковымъ случаемъ и получилъ что, но не—по званію Божію; хотя бы и достигъ чести, но не есть званъ отъ Бога, и таковая честь не есть честь. Ибо „никто же пріемлетъ честь, токмо званный отъ Бога“. И „не входяй дверми,“ по Христову слову, „но прелазяй инудѣ“, тотъ „тать есть и разбойникъ“, а токмо „входяй дверми“, сей „пастырь есть овцамъ“ (Іоанн., 10, 1—2).

Таковое разсужденіе, основанное на истинѣ и словѣ Божіемъ, всякъ долженъ углубить тѣмъ больше въ памяти и сердцѣ, что оно есть твердое основаніе счастія каждаго и благосостоянія общественнаго.

Особливо, что сіе же разсужденіе наше, кажется, утверждаетъ и Божественный гласъ, исходящій изъ священной раки сей. Не слышимъ ли, что онъ вопіетъ въ уши наши? будьте вѣрные хранители закона и усердные любители отечества: блюдитеся, да не како страсть отвлечетъ васъ отъ стези истины и заведетъ въ пути непроходимы. Не мните, аки бы добродѣтель когда могла постыдиться, или порокъ избѣжалъ бы праведной руки мщенія. Есть Всевидящій, праведно управляющій свѣтомъ: „Ищите прежде царствія Божія и правды его“, а прочая „вся приложатся вамъ“ (Мато., 6, 33).

Но, облаженнѣйшая душа, съ нами здѣсь святымъ тѣломъ пребывающая! воззри съ горнихъ мѣстъ на отечество твое. Прошли несчастія, прошли бури, въ немъ царствуетъ миръ и тишина. Любезная тебѣ страна процвѣтаетъ славою и великолѣпіемъ. Престоломъ, тебѣ принадлежавшимъ, управляетъ благочестивѣйшая сродница твоя, мудростію, человѣколюбіемъ и всѣми царскими дарами преукрашенная, Самодержавнѣйшая Екатерина. Се, предстоитъ она съ благоговѣніемъ священному гробу твоему! предстоитъ вкупѣ съ нею и дражайшій Всероссійскій Наслѣдникъ, родствомъ съ тобою соединенный, а добродѣтелію подобный тебѣ, и съ любезнѣйшею и благовѣрною супругою своею. Испроси у престола Величества Божія милосердое Его покровительство на любезное отечество Твое, да царствуетъ всегда въ немъ благоустройство, миръ и тишина, и тѣмъ да умножатся блаженство наше и райскія радости Твои. Аминь.

Слово въ недѣлю Разслабленнаго *).

Ежели всякій рачитель благочестія душевно утѣшается, когда слышитъ священный гласъ закона, которымъ всякая добродѣтель похваляется, и представляются примѣры, коихъ или добродѣтель прославила, или вѣра ихъ привлекла на нихъ Божіе благословеніе,—ежели слышаніе токмо сего утѣшаетъ каждаго и заставляетъ прославлять Промыслъ, пекущійся о родѣ человѣческомъ: то кольми паче должны мы съ чувствительною радостію принимать и проповѣдывать благодать Божію, когда и самымъ дѣломъ видимъ то, исполняемое тѣми, кои, слушая гласа Божія, не токмо украшаютъ себя добродѣтелію, но питаютъ и другихъ сладкими ея плодами. Нынѣ чтенное Евангеліе представляло намъ разслабленнаго человѣка, сугубо несчастнаго. Лежалъ онъ на одрѣ болѣзни тяжкой тридесять и осмь лѣтъ, и если различался отъ умершихъ, то тѣмъ токмо, что имѣлъ дыханіе и могъ чувствовать всю жестокость своего бѣдствія. Но горесть скорбящей души не менѣе терзала сердце его, какъ и самый недугъ. Видѣлъ онъ другихъ, омывающихся въ водахъ и исцѣлѣвающихся отъ немощей,—видѣлъ отходящихъ здравыми тѣхъ, кои съ нимъ въ томъ же мѣстѣ слежали,—видѣлъ и себѣ врачевство предлежащее, но не могъ простереть руки, ни стать на ногахъ, чтобы воспользоваться онымъ. Потребенъ былъ чувствительный человѣкъ, который могъ бы внести его въ возмущенную купель. Но прошло десять, двадесять, прошло уже тридесять и осмь лѣтъ; однако, несчастный сей не нашелъ трогающагося человѣчествомъ человѣка, доколѣ не призрѣлъ на него милосердіемъ Своимъ Пришедый взять немощи на Себя.

А изъ сего надобно примѣчать: 1) Милосердіе Избавителя, Который поставлялъ всю славу не такъ, какъ властители земные поставляютъ въ строеніи домовъ или городовъ, въ побѣжденіи многихъ странъ, въ удивленіи пышностію людей, въ тлѣнномъ великолѣпіи, и во всемъ внѣшнемъ блистаніи; но въ томъ (поставлялъ), чтобы благодѣтельствовать роду человѣческомъ, помогать бѣднымъ и снисходить до послѣднѣйшихъ и почитаемыхъ презрѣнными. 2) Развратность людей вѣка того, которые съ такою холодностію взирали на страждущихъ людей и не дѣлали никакого призрѣнія о нихъ, какъ то доказываетъ нынѣшній разслабленный: „человѣка не имамъ“.

Такое нареканіе и стыдъ покрыли бы и нашъ вѣкъ, если бы къ прославленію временъ нашихъ не видѣли мы предъ очами своими, по

*) Сказано въ Павловской больницѣ, въ недѣлю Разслабленнаго.

точному духу евангельскому учрежденное, священное мѣсто сіе, къ призрѣнію и излѣченію немощныхъ людей такого рода, какъ и нынѣ поминаемый разслабленный.

Дражайшая душа Всероссійскаго Наслѣдника, человѣколюбіемъ исполненная, основала сію, могу сказать, Іерусалимскую священную купель. Іерусалимскую купель, говорю, ибо зрите великое сходство между симъ пристанищемъ страждующихъ людей и Іерусалимскою купелію. Купель въ Іерусалимѣ была сдѣлана для того, чтобы приносимыя Богу жертвы животныхъ были измываемы въ оной.

Сіе мѣсто Всероссійскій Наслѣдникъ нашъ благоволилъ основать, когда, по одержимой его болѣзни, получилъ къ общей всей Россіи радости облегченіе,—почему вдохновеніемъ Божіимъ заблагоразсудилъ принести за оное благодарственную жертву Врачу душъ и тѣлесъ, да и жертву всѣхъ жертвъ дражайшую, а именно: учредить сіе мѣсто для излѣченія больныхъ, милости бо Богъ хощетъ, а не жертвы. И, дабы приносимая жертва была предъ очами Божіими чиста и непорочна, онъ за благо изобрѣлъ, чтобы, какъ въ той Іерусалимской купели, такъ и въ семъ мѣстѣ, страждущіе болѣзнями были прежде измываемы водою излѣченія отъ обдержащихъ ихъ болѣзней.

И какъ въ купели Іерусалимстѣй слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, такъ и въ сіе священное мѣсто пріемлются страждущіе различными болѣзнями, безъ различія чина и состоянія, а едино токмо уважается во всѣхъ человѣчество. Купель Іерусалимская пять притворовъ или устьевъ имѣла, которыми истекала цѣльбоносная оная вода; такъ и сіе мѣсто всегда охраняемо есть пятью добродѣтелями, а именно: человѣколюбіемъ, призрѣніемъ, или хожденіемъ за больными, питаніемъ, одѣваніемъ и излѣченіемъ. Какъ въ купель Іерусалимскую всякое лѣто схождаше Ангелъ Божій, и возмущеніемъ воды вливалъ въ нее силу цѣлительную, такъ и сіе мѣсто посѣщаетъ, яко ангелъ Божій, дражайшій Наслѣдникъ нашъ, удѣленіемъ отъ своего содержанія немалаго снабдѣнія, и тѣмъ подаетъ, съ помощію Божіею, силу, исцѣляющую болѣзни призираемыхъ здѣсь.

Но, при семъ сходствѣ купели Іерусалимской и бывшаго въ ней чуднаго исцѣленія съ симъ мѣстомъ, примѣчается нѣчто и превосходнѣйшее. Тамъ каждое лѣто исцѣляемъ былъ единъ токмо человѣкъ, а здѣсь каждый годъ многочисленные больные получаютъ исцѣленіе, съ начала же сего святаго учрежденія и зѣло многочисленные вышли здравы, каковымъ недугомъ одержимы ни были, ходя и скача, хваля Бога и великаго благодѣтеля своего. Притомъ, тамъ было дѣйствіе Бога словомъ, вся исцѣляющаго,—здѣсь же есть дѣло человѣка, подражающаго Богу. И потому при таковомъ святомъ учрежденіи

немощные наши не могутъ говорить: „человѣка не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купель“ (Іоанн., 5, 7). Человѣка не имамъ, который бы призрѣлъ меня, который бы поднялъ меня съ одра, чтобы къ ранамъ моимъ приложилъ пластырь, чтобы горящія уста прохладилъ питіемъ, чтобы страждущее тѣло прикрылъ одѣяніемъ, или подалъ бы отраду утѣшительнымъ словомъ. Нѣтъ, не говорите сего вы, несчастливые! Есть человѣкъ: имѣете вы человѣка, который въ естествѣ человѣческомъ имѣетъ душу онаго ангела-цѣлителя, достойнаго сына Великія Екатерины и истиннаго подражателя ея человѣколюбія.

Что же мы, хранители истиннаго благочестія, одолжаемся примѣчать, присемъ, къ собственной пользѣ своей? Подражать сему великому примѣру человѣколюбія: должны быть сострадательны и милостивы къ бѣднымъ, а особливо къ борющимся съ различными болѣзнями, не жалѣя для сего богоугоднаго дѣла ни трудовъ своихъ, ни иждивенія.

Сего требуетъ: А). Самое человѣчество. Кто бы сколько жестокосердъ ни былъ, трогается естественною жалостію, смотря на таковыхъ. Что же сія жалость?—есть гласъ Божій, увѣщавающій насъ къ милосердію. Жалость же сія не состоитъ въ одной только жалости, но требуетъ дѣйствительнаго вспомоществованія несчастному. Ибо аще кто скажетъ бѣдствующимъ: „идите съ миромъ, грѣйтеся и насыщайтеся: не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго, кая отъ того польза“ страданію и горести ихъ (Іаков., 2, 16)?

Б). Требуетъ взаимная надежда, чтобы и намъ въ подобныхъ случаяхъ не быть оставленнымъ и презрѣннымъ, ибо и мы—человѣки; и наше состояніе открыто тысящѣ внезапныхъ злоключеній. Единъ несчастный ударъ можетъ ниспровернуть все зданіе нашего благоденствія; едина минута дѣлаетъ то, чего мы въ теченіе многихъ лѣтъ ниже воображали. Такъ надобно опасаться, чтобы, ею же мѣрою мѣрили мы другимъ, не возмѣрилось и намъ,—чтобы, впадшимъ въ немощь и болѣзнь, не испить ту же горестную чашу презрѣнія и бѣдности, которую ближніе наши пить были принуждены отъ насъ. „Судъ бо безъ милости не сотворшему милости“ (Іаков., 2, 13).

В). Требуетъ самое законное употребленіе даннаго намъ отъ Бога имѣнія. Ибо, по пристойномъ содержаніи насъ и фамиліи нашей, на что святѣе можемъ употребить оное, какъ не на снабженіе въ болѣзненномъ страданіи сущихъ людей и всякой помощи лишенныхъ? Можемъ ли по совѣсти употреблять оное на излишніе уборы, на драгоцѣнныя яства и напитки, на уборы коней и колесницъ, на излишнее число содержащихся служителей, а тѣмъ меньше употреблять на игры, картъ, когда предъ очами нашими предлежатъ такіе жалостные предметы?

Если бы мы о семъ чаще себѣ представляли, совѣсть наша не оставила бы насъ въ томъ изобличать и покрывать насъ стыдомъ и срамотою.

Г). Требуетъ сего Самъ Богъ. „Будите милосерди,—говоритъ Христосъ Господь,—„якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть“ (Лук., 6, 36), и призрѣніе, оказываемое страждущимъ въ болѣзняхъ, вмѣняетъ Себѣ: „Боленъ бѣхъ, и посѣтисте Мене. И, еже сотвористе единому сихъ малыхъ, Мнѣ сотвористе“ (Мато., 25, 36, 40).

Да и самыя наши молитвы и служенія не иначе пріемлетъ Богъ, развѣ когда будутъ приносимы на семъ основаніи. „Милости хощу, а не жертвы“ (Мато., 9, 13).

Что поститеся,—говоритъ Господь Богъ,—„аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся? Не сицеваго поста Азъ избрахъ, ниже аще слячеши яко серпъ выю твою, и вретище и пепелъ постелеши, ниже тако наречете постъ пріятенъ. Не таковаго поста Азъ избрахъ: глаголетъ Господь: но разрѣшай всякъ союзъ неправды, раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія объиметъ тя“ (Ис., 58, 4—8).

Когда же столь сильныя обязательства возлагаетъ на насъ человѣчество, совѣсть и Богъ, чтобы быть человѣколюбивыми, то да потщимся украшать себя сею Божественною добродѣтелію. Да будемъ подражатели основателю благодѣтельнаго мѣста сего, и тѣмъ да будемъ ему споспѣшниками въ семъ святомъ дѣлѣ.

Вы же, почтеннѣйшіе и благочестивые блюстители и надзиратели благословеннаго мѣста сего, сіе ввѣренное вамъ званіе почтите спасительнымъ средствомъ, къ пріобрѣтенію вамъ благодати Божіей, собственнаго совѣсти вашей удовольствія и справедливой похвалы и благодарности за труды ваши отъ высокаго основателя сего мѣста.

А вы, болѣзнями страждущіе и въ семъ пристанищѣ призираемые, сносите посѣщеніе Божіе съ великодушіемъ и терпѣніемъ, приносите Богу благодарственныя молитвы о цѣлости здравія великаго благотворителя вашего чрезъ всю жизнь вашу; а, притомъ, по излѣченіи помните, что и вамъ, яко же нынѣ разслабленному, глаголетъ Богъ: „Се здравъ былъ еси, ктому не согрѣшай“ (Іоанн., 5, 14).

Вообще же всѣ, воздѣвъ руки наши, принесемъ молитвы всеблагому Богу, да ниспосылаетъ всегда Ангела Своего на мѣсто сіе, изливая на оное цѣлительную силу Свою, да сохраняетъ всегда дражайшее здравіе любезной матери отечества и возлюбленнаго сына ея съ дражайшею супругою, и тѣмъ да прославляетъ сей царствующій градъ, чѣмъ прежде хвалился Іерусалимъ. Аминь.

Слово въ день Святыя Троицы *).

Какою радостію восхищены были святые Апостолы, когда, по вознесеніи отъ нихъ дражайшаго ихъ Учителя и, такъ сказать, по оспротѣніи, внезапу увидѣли, что отверзлись для нихъ со славою небеса,— Духъ Божій покрылъ ихъ Своимъ осѣненіемъ и перемѣнилъ въ новую тварь, обновляемую о Христѣ Іисусѣ. Днесь, благословенніи христіане, мы совершаемъ торжественное воспомнпаніе сего великаго дня и случая. Какими таинствами преисполнены христіанскія празднованія!? Ибо мы не поставляемъ настоящее торжество наше въ томъ, чтобы только занять мысль свою однимъ воспоминаніемъ давно прешедшаго дѣйствія. Нѣтъ, расположеніе просвѣщенныхъ христіанъ должно быть благороднѣе. Мы, въ подражаніе Апостоламъ, собрались во храмъ сей, яко въ священный Сіонъ, не да почудимся токмо великому дѣйствію, сбывшемуся надъ Божественными ученпками, но паче да сподобимся той же съ ними благодати и да покроемся пантіемъ Святаго Духа. Предстоя убо днесь предъ лицемъ Господа Вседержителя со страхомъ и радостію, молимъ и ожидаемъ оной вседѣйствующей силы, которая въ человѣкѣ созидаетъ сердце чисто и духъ правъ обновляетъ во утробахъ нашихъ. Да и видимъ уже, очами вѣры, радостное предвѣщаніе къ полученію сего. Ибо, какъ Апостолы, въ ожиданіи припять дары Духа Утѣшителя, по словамъ Писанія Святаго, „бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи, съ женами и Маріею Матерію Іисусовою и съ братіею Его“ (Дѣян., 1, 14),—подобно и при семъ нашемъ молитвенномъ приношеніи, въ священномъ храмѣ семъ, благоволила присутствіемъ своимъ подкрѣпить вѣру нашу любезнѣйшая Всероссійская матерь, Церкви усерднѣйшая покровительница и Маріи, Матери Іисусовой, вѣрою къ Богу подражающая. Вкупѣ же благочестивому примѣру ея послѣдствуютъ и сія благословенная и Августѣйшая чета, и тѣмъ составляютъ не токмо торжественнѣйшимъ празднованіе наше, но и утверждаютъ насъ надеждою, яко аще не на вѣру нашу, то неотмѣнно на ихъ молитвенное, добродѣтелію возженное, жертвоприношеніе воззритъ Вышній, и вообще всѣхъ насъ сподобитъ благодати Своея.

А какъ обыкновенно мы бываемъ усерднѣе и одолженнѣе къ благодѣтелю, когда точно понимаемъ важность благодѣянія и цѣну полученнаго дара, то хотя краткою бесѣдою разсмотримъ, *что заключаютъ въ себѣ дары Духа Святаго?*

*) Сказано въ Троицкой Лаврѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, во храмѣ Святыя Троицы, 1775 года, мая 31 дня.

Творецъ Писанія въ пророчествѣ Исаіиномъ благоволилъ дары Духа Божія заключить въ седьмичисленномъ положеніи. „Почіетъ на Сынѣ Божіи“ и на вѣрующихъ въ Него, — говоритъ слово святое,— „Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія: исполнитъ Его Духъ страха Божія“ (Ис., 11, 2).

Единъ источникъ, но различныя струи проистекаютъ изъ него. Духъ премудрости есть оный даръ, коимъ человѣкъ, будучи благословенъ, понимаетъ тѣ средства, которыя ведутъ его къ благополучію истинному. Великое есть совершенство человѣка—знать прямый путь блаженства своего, и быть столько благоразумну и осторожну, чтобы съ онаго никогда не заблудить: ибо мы обманываемся и въ избираніи прямыхъ средствъ, и въ предусмотрѣніи настоящаго конца. И потому, чѣмъ сильнѣе страсть, чѣмъ ближе человѣкъ къ поползновенію,—тѣмъ болѣе должны испрашивать воздыханіями своими духа премудрости, да утвердитъ ноги наши на путь мира, ходить безъ преткновенія.

А чтобы духъ премудрости могъ имѣть въ насъ свое дѣйствіе, потребенъ духъ разума, который состоитъ въ дарованіи, чтобы умѣть порядочно раздѣлить различныя понятія мыслей и всякому назначить свое мѣсто. Ибо безъ сего будетъ въ мысли разстройство и смутность; и въ такомъ положеніи человѣкъ самъ не узнаетъ, куда стремится онъ, и съ опасностію своею удалится отъ прямой цѣли дѣйствій своихъ. Великое различіе между остротою мысли и разумомъ: та заключаетъ въ себѣ много понятій, но связать ихъ не умѣетъ, и потому не можетъ предвидѣть, что изъ чего слѣдуетъ; а разумъ укрѣпляетъ мысли свои твердымъ союзомъ, дѣйствіемъ когораго порядочно выводитъ одно изъ другаго, и протекаетъ безъ помѣшательства, яко струи тихой рѣки. И какъ по таковому расположенію нѣкоторымъ образомъ можно предвидѣть и предсказать и будущія слѣдствія, то, мню, по сему резону, Священное Писаніе съ духомъ разума соединяетъ и духъ пророчества.

Но, притомъ, съ нимъ же неразлучно сопряженъ и духъ вѣдѣнія, который состоитъ въ дарованіи снискать познаніе потребныхъ вещей и имѣть о каждой изъ нихъ явственное воображеніе: ибо разуму не было бы, въ чемъ распоряжать свой союзъ, если мысль не обогащена знаніемъ потребныхъ вещей. Знаніемъ, говорю, потребныхъ вещей, понеже есть великая нужда умѣть дѣлать разборъ между вещами познаваемыми. Мысль иного наполнена знаніемъ многихъ вещей, но, часто излишнихъ, а не рѣдко и вредныхъ. Аоняне, коихъ древность почитала мудрыми, имѣли любопытнѣйшій духъ къ познанію всего, но, при всемъ томъ, кланялись Богу невѣдомому: не было въ нихъ духа вѣдѣнія, и таковая мудрость есть буйство предъ Богомъ. Едва ли и

сей вѣкъ не опорочиваетъ себя подобною суетою. И для того-то истина Божественная вопіетъ: „Въ наученія странна и различна не прилагайтеся, отъ нихже не пріяша пользы ходившіи въ нихъ“ (Евр., 13, 9), да еще „и осуетишася помышленіи своими“. „Добро же благодатію утверждати сердца“ (Римл., 1, 21).

Когда убо три сіи Божественныя струи соединятся, то-есть, духъ вѣдѣнія, разума и премудрости, то они составляютъ собою источникъ истиннаго просвѣщенія. Кто озаренъ симъ трисоставнымъ свѣтомъ, тому откровенны тайны Отца свѣтовъ, и онъ есть просвѣщенный ученикъ Евангелія. Но какъ при всемъ ономъ, то недостатокъ понятія, то нерадѣніе, то житейскія суеты препятствуютъ достигнуть до настоящаго совершенства въ просвѣщеніи, въ такомъ случаѣ гласъ Божій велитъ намъ искать духа совѣта: „Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ“ (Притч., 18, 19). И не рѣдко случается, что и недальняго просвѣщенія человѣкъ можетъ подать намъ благопотребное наставленіе. И какъ излишнее самолюбіе, и происходящее изъ того высокоуміе препятствуетъ пользоваться спасительными совѣтами другихъ, то надлежитъ съ кротостію размышлять о своихъ дарованіяхъ, и всемѣрно не допускать себя до онаго вреднаго мнѣнія, аки бы мы просвѣщеніемъ превосходили всѣхъ, и не имѣемъ нужды подкрѣплять себя никаковыми совѣтами другихъ. Нѣтъ! Слово Божіе поставляетъ духъ совѣта между дарами Духа Святаго.

И сіи, изъясненные нами, дары Духа Святаго надлежатъ до просвѣщенія мысли; а слѣдующіе: духъ благочестія, страха Божія и духъ крѣпости—до исправленія сердца. Истинное просвѣщеніе есть неразлучно съ добродѣтелію. „Свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объемлетъ“ (Іоанн., 1, 5). Нельзя, чтобы человѣкъ, просвѣщенный Духомъ Божіимъ, не былъ управляемъ духомъ благочестія и страха Божія.

Духъ благочестія есть оное расположеніе сердца, по которому человѣкъ любитъ Бога и чувствуетъ взаимную Его любовь къ себѣ. А духъ страха Божія есть всегдашняя въ дѣлахъ осторожность, дабы чѣмъ-либо не оскорбить любимое Божественное Лице, и чрезъ то не нарушить бы священнаго союза взаимной любви. Сіи великіе дары суть основаніе добродѣтельной жизни. Просвѣщенная душа ограждаетъ себя страхомъ Божіимъ отъ всякаго искушенія и прогоняетъ страсть, а въ упражненіи благочестія находитъ свое удовольствіе и утѣху, все же то утверждаетъ духомъ крѣпости. Ибо благочестивый и просвѣщенный мужъ есть непоколебимъ, въ словѣ твердъ, въ нравахъ постояненъ, въ поступкахъ единообразенъ, и въ счастіи и несчастіи непремѣненъ, при благоспѣшномъ теченіи вещей благоумѣренъ, въ злоключеніяхъ великодушенъ, въ трудностяхъ терпѣливъ, въ страданіяхъ мужественъ.

Сіи-то суть дѣйствія, плоды и дары Духа Святаго. Сей Божественный Источникъ излился днесь на святыхъ учениковъ Христовыхъ, сею силою облеклись они свыше, и внезапу открылась въ нихъ измѣна десницы Вышняго. Ап. Петръ, убоявшійся прежде гласа рабыни, въ сей день предъ многочисленнымъ соборомъ защищалъ святость своей вѣры свободнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ языкомъ, и, въ сей же самый день, бывый ловецъ рыбъ уловилъ въ сѣти Христовы три тысящи мужей.

Такъ не есть ли достойно и праведно, чтобы и мы съ благоговѣніемъ праздновали благословенный день сей и съ колѣнопреклоннымъ моленіемъ испрашивали для немощи нашей тойже благодати Духа? Ибо для насъ обѣтованіе Божіе есть неизмѣнно, оный гласъ Его есть: „Излію отъ Духа Моего на всякую плоть“ (Іоил., 2, 28).

Предначни же, благочестивѣйшая Монархиня, духовное торжество наше. Священною рукою своею возжги Ты первая огнь нашего жертвоприношенія. Вознеси первая гласъ, его же сладость пріятна Трiпостасному Божеству. Предшествуй, Матерь, чадамъ своимъ. Жертва Ваша тѣмъ пріятнѣе, яко сердце Ваше возжено огнемъ Божіей любви. Сіе есть дѣйствіе благочестія Вашего, яко благоволили Вы присутствовать въ обители сей. Ни разстояніе мѣста, ни трудность пути, освященнаго пѣшествіемъ стопъ Вашихъ, ни тягость правленія государственнаго не могли воспрепятствовать дѣйствію благоговѣнія Вашего. Любезно есть Вамъ всегда святое упражненіе вѣры, благоволите и о мѣстѣ семъ; паче же любезна сія священная рака, исполненная благоуханіемъ чудесъ и святости. Здѣсь было пріятнѣйшее пребывалище благочестивѣйшихъ предковъ Вашихъ, Вы—преемница ихъ престола и благочестія.

Основатель же обители сей и въ жизни наслаждался любовію обладателей Россіи, и по смерти всегда былъ молитвеннымъ предстателемъ къ Богу и помощникомъ отечеству своему. Судьба Божія и при нынѣшнемъ заключеніи славнаго мира, Величествомъ Твоимъ доставленнаго, благоволила почтить имя его: ибо, въ самый день празднуемой памяти сего святаго, гордый непріятель принялъ и согласіемъ своимъ утвердилъ славное для насъ предложеніе къ миру. Будутъ же и всегда молитвы его помощію къ благоуспѣшеству великихъ Вашихъ дѣлъ и къ славѣ имени Вашего.

Ты же, Утѣшителю благій, Душе истинный! не престань изливать Божественные дары Свои на Особу, сподобльшуюся помазанія Твоего святаго, и на Августѣйшее Наслѣдіе ея, на дражайшаго Россіи Павла и добродѣтельнѣйшую Наталію, увеселеніе материнмъ очамъ и сладчайшую утѣху отечеству нашему. Подаждь имъ вся благая земная и небесная, исполняя желаніе сердца ихъ; и тѣмъ, о Боже, дополни

недостатокъ нашей должной, за Высочайшее посѣщеніе ихъ обители сей, благодарности: ибо довольно возблагодарить за сіе мы не можемъ. Аминь.

Слово въ день первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Всероссійскаго *).

Ежелѣтнимъ воспоминаніемъ именъ, любезныхъ для всей Христовой Церкви, славнѣйшихъ проповѣдниковъ истины и основателей святой вѣры нашей, ясно доказывается, яко „память праведнаго съ похвалами и благословеніе Господне“ вѣчное „на главѣ“ ихъ (Притч., 10, 6, 7). Прошли вѣка, разрушились твердѣйшіе грады, и дѣйствіемъ судебъ воспослѣдовали премногія перемѣны и превращенія премногихъ вещей; но зданіе, воздвиженное добродѣтелію, остается непоколебимымъ. Ни ѣдкость всеразрушающаго времени, ни тлетворная сила стихій, ни страсть человѣческая не могутъ увядить благоцвѣтущую красоту добродѣтели.

Нынѣ, соборами благочестивыхъ христіанъ прославляемые, Апостолы, не требуя подтвержденія отъ слова нашего, сами собою суть и всегда будутъ свѣтлѣйшимъ доказательствомъ тому. Мы содержимъ въ любовной памяти ихъ великія заслуги; да и всѣ будущіе роды, которые возъимѣютъ счастіе быть осіянны свѣтомъ проповѣданной ими истины, въ прославленіи ихъ найдутъ сладчайшее удовольствіе. Такъ, не преставай ты, священный писатель, провозглашать въ уши всѣхъ оное, достойное вниманія нашего, слово: „Воззрите на всѣ мимошедшіе роды, и видите, кто вѣрова Господеви, и постыдѣся“ (Спр., 2, 10)?

Принося убо днесь благодарную жертву тѣмъ, благодѣяніями коихъ мы почитаемъ себя одолженными, составляемъ чрезъ то свѣтлѣйшее торжество, и для насъ сіяетъ день радостнѣйшій. Сію радость нашу усугубляетъ высокое Тезоименитство пресвѣтлѣйшаго Всероссійскаго Наслѣдника, благословеннаго плода Августѣйшей Матери. Онъ возрасъ въ объятіяхъ добродѣтели, и тѣснѣйшимъ союзомъ соединенъ съ Насадителемъ вѣры, Богомъ, и потому не безъ особливаго Провидѣнія получилъ имя, подобное великому Павлу, мужу знаменитому прямою вѣрою и истинною мудростію.

---

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ Москвѣ, въ придворной церкви, 1775 года, іюня 29 дня.

Намъ, благословенные христіане, созданнымъ, по слову святому, на дѣла благая и, по благости Божіей, предуставленнымъ къ безсмертію, долгъ совѣсти и честности повелѣваетъ послѣдовать великимъ мужамъ. И нѣтъ нужды много отягощать мысль свою изобрѣтеніемъ способовъ къ достиженію истинной славы. Божественное намѣреніе въ установленіи празднованія святымъ не иное есть, какъ чтобы и мы шествовали тѣмъ же путемъ, шествуя по которому, они благоуспѣшно окончили подвигъ свой.

Празднуемые днесь Апостолы пріобрѣли наивящшую свою славу тѣмъ, что возмогли обратить къ истинѣ, погруженные въ невѣжествѣ и заблужденіи, народы. Мы, взявъ примѣръ ихъ, не почтемъ себѣ въ трудъ принять въ разсужденіе, какимъ образомъ надлежитъ человѣка приводить въ увѣреніе истины? Ибо многимъ изъ насъ, ежели не всѣмъ, при многихъ случаяхъ состоитъ великая нужда въ томъ; и не рѣдко люди жалуются на упрямство человѣческое, что ничѣмъ преклонить и убѣдить его не возможно,—который недостатокъ чаще происходитъ отъ того самаго, что въ увѣреніи другаго наблюдается не тотъ порядокъ, какой долженъ.

Кто желаетъ увѣрить другаго,—нужно, во-первыхъ, чтобы онъ о предлагаемой истинѣ имѣлъ явственное понятіе. Долженъ знать не токмо ея основаніе, ея существо, всѣ ея части; но заблаговременно высмотрѣть и всѣ сомнѣнія, которыя могла бы выдумать спорливая противъ нея склонность и на оныя приготовить твердыя рѣшенія, предусмотрѣть всѣ, могущія случиться, препятствія и изобрѣсти, къ отвращенію оныхъ, благоразумные способы. При таковомъ расположеніи, съ какой бы стороны ни встрѣтились, страсть ли, упрямство ли, невѣжество ли, вездѣ найдутъ для себя готовое изъясненіе, рѣшеніе, убѣжденіе, или посрамленіе. А мысль, просвѣщенная изъясненіемъ, удовольствованная рѣшеніемъ, убѣжденіемъ приведенная въ молчаніе, стыдомъ ослабленная, должна увѣриться, или близка есть къ увѣренію.

Но если увѣряющій самъ о предлагаемой истинѣ не имѣетъ понятія, развѣ темное и смутное,—таковый счастливо изъяснить оную не можетъ: ибо при темномъ понятіи вещи изъясненіе должно быть разстройное и запутанное, и потому увѣряемый не только не возможетъ принять предлагаемую истину, но и за истину почесть усумнится. И таковыхъ-то означаетъ оное Апостольское слово: „хотятъ быти законоучители, не разумѣюще, ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ“ (1 Тим., 1, 7).

Но кто имѣетъ и совершенное понятіе о предлагаемой истинѣ, долженъ приступать къ увѣренію другаго съ духомъ спокойнымъ и не воспламеняться вреднымъ на сей случай жаромъ. Ибо пришедшая

въ излишнее движеніе кровь, и отъ того возмущенная мысль разстроитъ прямое расположеніе понятій, и принудитъ въ изъясненіи все ставить не въ своемъ мѣстѣ, или говорить и непринадлежащее.

Увѣряемый изъ сего тотчасъ заключаетъ, что увѣряющій не имѣетъ твердости доказательствъ, который недостатокъ дополнить онъ хочетъ пустотою жара. Изъ сего не рѣдко выходитъ упрямое защищеніе ошибочнаго мнѣнія, и безконечныя словопрѣнія, которыя иногда влекутъ за собою вреднѣйшія слѣдствія.

Примѣтилъ и сіе великій во Апостолѣхъ, и велитъ намъ беречься отъ горячихъ споровъ, говоря, что иной, де, къ здравымъ словесамъ не приступающій, „гордится, ничтоже вѣдый, но недугуетъ о стязаніихъ и словопрѣніихъ: отъ нихъ же бываютъ зависть, рвеніе, хулы, непщеванія лукава, бесѣды злыя“, и прочее (1 Тим., 6, 4),—и потому увѣщательно Тимоѳею предписываетъ: „сія воспоминай, засвидѣтельствуя предъ Господемъ, не словопрѣтися, ни на куюже потребу, на разореніе слышащихъ“ (2 Тим., 2, 14).

Ежели же излишній жаръ дѣлаетъ увѣреніе всякаго рода недѣйствительнымъ,—кольми паче гнѣвъ. Ибо онъ, какъ есть превосходная степень разгорячившагося духа, не токмо помрачаетъ разсудокъ, но и увѣряемому влагаетъ въ мысль, что вѣрить заставляютъ его болѣе властію, нежели силою и важностію доказательствъ; чѣмъ зѣло трогается нѣжность свободности человѣческой, и дѣло Божіе остается безъ плода. А о тѣхъ, которые средствомъ мучительства и гоненія думаютъ увѣрить другаго, не остается нужды и говорить: таковый поступокъ дѣлаетъ стыдъ истинѣ, которая акибы сама собою была не сильна, и будто къ утвержденію своему она находитъ нужду въ орудіяхъ, свойственныхъ животнымъ безсловеснымъ. Сіи, невѣжествомъ, или ложною ревностію изобрѣтаемые, способы вмѣсто того, чтобы преклонить другаго на свою сторону, болѣе ожесточаютъ человѣческое сердце и полагаютъ сильное препятствіе дѣйствію истины.

Но не довольна одна, порядочно расположенная, мысль: потребна и честность безпристрастной души. Лицемѣріе и двойной видъ есть великое въ семъ случаѣ препятствіе. Ласкательность честолюбія, чтобы увѣреніемъ другаго стать какъ бы побѣдителемъ его, а паче корыстолюбіе, заключающее изъ того нѣкоторую пользу для себя, крайнѣ должны быть удалены отъ сего. Ибо, удобно увѣряемый, примѣтить можетъ, что все дѣло идетъ не объ его прямой пользѣ, и потому возъимѣетъ подозрѣніе несумнительное на предлагаемую истину. Надобно, чтобы увѣритель могъ свободнымъ гласомъ говорить сіи Павловы слова: „Никогда же въ словеси ласканія быхомъ къ вамъ, якоже вѣсте, ниже виною лихоиманія: Богъ свидѣтель: ни ищуще отъ человѣкъ славы, ни

отъ васъ, ни отъ инѣхъ“ (1 Солун., 2, 5—6). Иначе: „горе тому человѣку, имже соблазнъ приходитъ“ (Матѳ., 18, 7)!

Сіи суть препятствія, которыя дѣйствію истины дѣлаютъ затрудненіе. Но посмотримъ и на тотъ прямой путь, шествовать по которому долженъ почтенный благовѣстникъ истины.

Есть древнее разсужденіе просвѣщенныхъ людей, что не должно ни дѣлать, ни говорить того, о чемъ бы ты самъ могъ сумниться. Источникъ, изъ котораго проистекаетъ увѣреніе истины, долженъ быть самый чистый; и потому доказательства, къ сему потребныя, не могутъ произносимы быть, развѣ изъ началъ твердыхъ, ясныхъ и несумнительныхъ. Надобно, чтобы они сходны были съ здравымъ разсужденіемъ, соотвѣтствовали бы гласу закона Божія и представляли бы тѣ слѣды, которые въ совѣсти каждаго начерталъ Создатель естества. Таковымъ образомъ руководствовать другаго есть тѣмъ удобнѣе, что онъ уже расположенъ къ тому отъ самой природы. Но, притомъ, благоразуміе требуетъ, дабы при таковыхъ случаяхъ иногда умѣть дѣлать и нѣкоторое снисхожденіе увѣряемому. Не всякъ столь счастливаго понятія, чтобы могъ быть способенъ къ скорому выразумѣнію всего; и, которыя доказательства для одного суть увѣрительны, для другаго они же кажутся недовольными быть. Здѣсь-то нуженъ великій подвигъ разума, чтобы знать—каждаго вести тѣмъ путемъ, который ему пристоенъ и вмѣстителенъ. Симъ родомъ благоразумія учительскаго особливо отличилъ себя великій Павелъ, который, точно на семъ основаніи производя дѣло свое, пишетъ къ Коринѳянамъ: „не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ. Млекомъ напоихъ вы, а не брашномъ“ (1 Коринѳ., 3, 1). Да и Самъ Спаситель по сей же причинѣ имѣлъ нужду умѣрять притчами небесное ученіе Свое.

Но паче всего надлежитъ стараться, чтобы во всемъ теченіи дѣла сего открыты были искренность и безпристрастная душа. Одна польза увѣряемаго должна быть первымъ и послѣднимъ предметомъ. Если онъ и на лицѣ твоемъ, и на словахъ, и на дѣлахъ видитъ, что ты чрезъ то не ищешь никакихъ выгодъ своихъ, никакихъ къ тому сторонніхъ видовъ не примѣшиваешь; а единственно дѣйствуетъ въ тебѣ чистосердечное доброжелательство, чтобы его привести на прямой путь и доставить ему истинное счастіе: не возможно, чтобы чье-либо сердце не было тронуто искренностію таковаго поступка и захотѣло бы стремиться противъ пользы своей.

А чтобы все сіе еще болѣе дѣйствовать могло, надобно утверждать то собственнымъ примѣромъ своимъ. Едва ли большій соблазнъ и препона дѣлу Божію быть можетъ, какъ если предлагаемому ученію не соотвѣт-

ствуютъ ни жизнь, ни дѣла. Хладѣетъ слово благочестія въ устахъ того, сердце котораго не возжено небеснымъ огнемъ любви Божіей; да и притомъ дается случай другому думать, что и самъ предлагающій истину едва ли прямо увѣренъ въ ней, когда онъ показываетъ иное на словахъ, иное на дѣлѣ. „Тѣмже, безотвѣтенъ еси, о, человѣче, всякъ судяй“ (Римл., 2, 1), а творяй иное, говоритъ къ таковому слово Божіе: „имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши: научая инаго, себе ли не учиши? иже въ законѣ хвалишися, но преступленіемъ закона Бога безчествуеши“ (Римл., 2, 21, 23).

Но когда слово утверждено дѣломъ, и всѣ изъясненные нами способы прямо наблюдаются, дѣйствіе благодати есть несомнительно и успѣхъ благонадеженъ.

Хотимъ ли мы сіе разсужденіе наше утвердить и примѣромъ?—и, се, Церковь Божія представляетъ предъ очи наши Божественную двоицу, въ дѣлѣ Евангелія паче всѣхъ потрудившихся, первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. О! какимъ довольнымъ словомъ можемъ мы изъяснить ихъ святую ревность, истинную мудрость, благоразуміе, честность и безпристрастіе! Богъ, рекій изъ тьмы свѣту возсіяти, столь великимъ просвѣщеніемъ осіялъ сердца ихъ, что они откровеннымъ лицемъ зрѣли славу Господню. Ревностію святою о пользѣ учениковъ были столь одушевлены, что въ семъ живомъ дѣйствіи слышанъ былъ таковый гласъ ихъ: „дѣти! азъ мучуся, яко жена раждающая, доколѣ не увижу въ васъ начертанъ тотъ образъ Іисуса Христа, который другіе стараются изгладить“. „Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ“ (Галат., 4, 19). Безпристрастіе же и искренность поступка столь открыты, что въ томъ они свидѣтельствовались самими учениками своими. „Посланіе наше,—говорили они,—вы есте, написаное въ сердцахъ нашихъ, знаемое и прочитаемое отъ всѣхъ человѣкъ“ (2 Кор., 3, 2). Но какое слово, паки говорю, можетъ изъяснить глубину мудрости, засвидѣтельствованную дѣлами ихъ и сокровенную въ писаніи ихъ? Вся мірская философія, ежели безпристрастная, съ благоговѣніемъ должна отдать имъ сіе преимущество. Довольно сказать, что великій успѣхъ обращенія языковъ увѣнчалъ славу ихъ: такъ можно ли сумниться, чтобы остался какой-либо раздоръ, или мнѣніе Церкви раздѣляющее, или бы и различіе законовъ, если бы тотъ же Апостольскій духъ всегда во всѣхъ дѣйствовалъ?

Но мы, благословенные христіане, чѣмъ вознаградимъ заслуги, чѣмъ прославимъ память ихъ? Пріятнѣйшая для нихъ жертва есть и будетъ, ежели пребудемъ тверды и непоколебимы въ той вѣрѣ, которою Духъ Божій чрезъ ихъ труды просвѣтилъ насъ. Въ таковомъ

расположеніи нашемъ огласитъ насъ любезный Павловъ гласъ: „Нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ“ (1 Солун., 3, 8).

Но можетъ ли быть благовоннѣйшая жертва паче той, которую Ты, благочестивѣйшая Монархиня, возносишь всегда Насадителю вѣры, Богу? Чѣмъ чистѣе есть источникъ сердца Твоего, тѣмъ пріятнѣе предъ Всевидящимъ Твое упражненіе въ благочестіи, и пріемлется оно въ пренебесный жертвенникъ въ воню благоуханія духовнаго, да и пріемлется не токмо яко свойственное единой благочестивѣйшей особѣ Твоей, но и яко жертва приносимая Тобою за весь подчиненный Тебѣ народъ. Ибо Ты, яко священнѣйшая Помазанница Его, ходатайствуешь у Него о всѣхъ насъ воздыханіи неизглаголанными. И посему-то дѣла Твои суть велики, благоспѣшны и тверды, яко на твердомъ утверждаются основаніи. Сіе есть праведное воздаяніе праведнаго Бога добродѣтели Твоея. Но можетъ ли быти большее Его о Тебѣ благоволеніе, яко изъ чреслъ утробы Твоея произрастилъ предъ очами Твоими сей краснѣйшій цвѣтъ добродѣтели, возлюбленнаго Тебѣ сына, красоту и утвержденіе сколько дѣлъ Твоихъ, столько не меньше и всего отечества? Сей есть вѣнецъ славы Твоей,—сіе есть вѣчное Божіе надъ Тобою благословеніе.

Ты же, пресвѣтлѣйшій Государь Наслѣдникъ, любезнѣйшій виновникъ торжества нашего, самымъ дѣломъ утверждаешь слово наше, или паче, чаяніе Августѣйшей родительницы и надежду всего отечества. Весь ликъ добродѣтелей всегда спутешествуетъ Тебѣ, яко Твое непорочное сердце находитъ въ томъ единственное удовольствіе свое. Просвѣщеніе твердое, ревность къ общему добру, благодѣтельная ко всѣмъ склонность, порядочное во всемъ благоустройство, честность совѣсти и мужественный духъ украшаютъ видимо любезную намъ главу Твою. Благочестіе же и вѣра предшествуютъ всему: она есть первый сладчайшій предметъ бесѣды Твоей; оную же поставляешь основаніемъ и во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ. Слово мое недостаточно есть воспѣть великія дарованія Твои. Довольно, когда Богъ надъ Тобою открылъ явное благоволеніе Свое, соединивъ съ любезнѣйшею, всѣми дарами украшенною, супругою, и чрезъ то двухъ особъ добродѣтели совокупилъ въ единой душѣ.

Благослови убо, Россія, Господа вѣнчающаго тя милостію и щедротами. Да курятся всегда храмы твои усерднѣйшими молитвами о сохраненіи дражайшаго здравія, и о благоспѣшествѣ всѣхъ дѣлъ великой Монархини твоей и Августѣйшаго ея Наслѣдія. Ибо въ семъ состоитъ блаженство, котораго мы болѣе отъ щедроты небесъ пожелать не можемъ. Аминь.

Слово на торжество славнаго мира, празднованнаго 1775 года, іюля 10 дня *).

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе“!

(Лук., гл. 2, ст. 14).

Настоящее торжество всея Россіи, дабы могло быть обстоятельно изъяснено, требуетъ особливаго таланта слова и разума, знаніемъ вещей просвѣщеннаго и зрѣлаго. Ибо въ торжествуемомъ нами днесь заключеніи славнаго мира открывается толикое стеченіе громкихъ и мысль удивляющихъ дѣлъ, что не о томъ предлежитъ размышлять, дабы не оскудѣла матерія въ словѣ нашемъ; но должно паче зѣло опасаться того, чтобы изъ множества славныхъ случаевъ который опущенъ не былъ, или не такъ счастливо изъясненъ былъ бы, какъ требуетъ величество вещи. Почему, сознавая скудость моего слова и разума, и долженъ я былъ убѣгать бремени, силамъ моимъ несоразмѣрнаго; но, дѣйствіемъ благаго Промысла, что приводитъ въ смущеніе, тоже самое и ободряетъ. Слава великихъ дѣлъ, воспоминаемыхъ нынѣшнимъ празднованіемъ, и не витіи подаетъ изобильную матерію, и радость общая по свойству своему языкъ каждаго дѣлаетъ многоглаголивымъ.

Признавъ убо въ помощь Господа силъ, благословившаго оружіе наше и увѣнчавшаго главу нашу торжественными лаврами мира, каковую приличнѣе, при семъ нашемъ радостнѣйшемъ праздникѣ, воспоемъ пѣснь, если не оную ангельскую: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе“?

Пѣснь сію воспѣли небесные блаженные духи, когда родился великій Ходатай Бога и человѣковъ, о Которомъ велегласный Апостолъ восклицаетъ: „яко Той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино и средостѣніе ограды разоривый, вражду плотію Своею, да обоя созиждетъ Собою во единаго новаго человѣка, творя миръ: и примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ Богови крестомъ, убивъ вражду на немъ: и пришедъ благовѣсти миръ вамъ, дальнимъ и ближнимъ“ (Ефес., 2, 14—17).

Подобнымъ образомъ воскликнуть мы должны и о священнѣйшей Помазанницѣ Божіей, Самодержавнѣйшей Монархинѣ нашей, въ ея же

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, іюля 10 дня, 1775 года.

лицѣ десница Господня прославися въ крѣпости, и воздвигла предъ очами нашими славное мирное зданіе. По неиспытаннымъ судьбамъ Управляющаго свѣтомъ, при сладостномъ покоѣ отечества нашего, во время теченія радостныхъ дней, внезапу возгорѣлъ бѣдственный пламень страшной, могу сказать, войны.

Похититель восточныхъ благословенныхъ странъ, никакими законами, кромѣ прихотливой страсти, неуправляемый и къ нападенію на другихъ къ несчастію своему всегда склонный и стремительный, дерзнулъ противъ храбраго россіянина обнажить оружіе свое. Слѣпое стремленіе не удержали ни святость торжественныхъ союзовъ, ни справедливость нашихъ предложеній, ни уваженіе всѣми прославляемаго мужества воинства нашего.

По истощеніи всѣхъ способовъ, мудростію управляемая, Монархиня наша, укрѣпивъ сердце свое упованіемъ на Всемогущаго и, въ радостной надеждѣ, воспѣвъ оную Богодухновенную пѣснь: „Аще Богъ по насъ, кто на ны“ (Римл., 8, 31),—опредѣлила справедливымъ оружіемъ отразить наглость несправедливаго стремленія. И, се, открылось пространнѣйшее поле къ изъявленію мужества воинству нашему, или паче, всему свѣту открылось, яко „Богъ намъ прибѣжище и сила, заступникъ нашъ Богъ Іаковль“ (Псал., 45, 2, 8). Внезапу въ отдаленнѣйшихъ странахъ блеснулъ мечъ Россіянъ, и тѣ мѣста, которыя прежде въ училищахъ малымъ отрокамъ только перстомъ на бумагѣ показывали,—тѣ самыя мѣста началъ воинъ нашъ попирать побѣдоносными стопами своими. Внезапу храбрымъ россійскимъ воинствомъ покрылись не токмо поля Влашскія, Молдавскія, Бессарабскія, Болгарскія, Херсонскія, Кубанскія, Черкесскія, но и Колхидскія и Морейскія и Негромонтскія, и берега Архипелагскіе, но, притомъ, могу сказать, и Сирійскіе, Египетскіе. Вездѣ приносили съ собою страхъ и любовь: страхъ противящимся, человѣколюбіе побѣжденнымъ. Вездѣ поставляли за собою трофеи торжественные: что—мѣсто, то—побѣда; что—поле, то—произрастеніе побѣдоносныхъ лавровъ. Возгласили славу міру и Днѣстръ, и Днѣпръ, и Бугъ, и Прутъ, и Алуша, и Ларга, и Кагулъ, и Дунай. Побѣдоносную рѣку признали Хотинъ, Яссы, Букарестъ, Измаилъ, Браиловъ, Журжа, Галацъ, Исакча, Килія, Гирсовъ, Бендеры, Перекопъ, Керча, Яникулъ и Кафа, Модонъ и Коронъ, Лакедемонъ и весь усыпанный островами Архипелагъ. Едва кто въ такое время столько мѣстъ можетъ перейти просто, сколько прошелъ воинъ нашъ, препровождаемъ побѣдами.

Непріятелю же не оставалось, какъ токмо обращать свой хребетъ, и всюду разносить стыдъ и немощь свою. Днѣстръ ему сталъ тоже, что и древле Египтянамъ Чермное море; Хотинъ вострепеталъ и скрылся,

Молдавія и Валахія простерли свои руки, Бендеры понесли мщеніе упорства своего, Дунай смѣшался съ кровію непріятелей, ибо струи Ларги и Кагула напередъ возвѣстили и привели его въ трепетное волненіе. Крымъ ужаснулся отъ лица героевъ, Архипелагское море возгорѣло, и двѣ противныя стихіи соединились на истребленіе единаго непріятеля,—чѣмъ явно доказалось, что равно намъ, какъ и суду Божію, противно было его предпріятіе. Какое сокровище славы! О великихъ полученныхъ добычахъ не говорю, ибо воинъ нашъ на сіе взираетъ съ малымъ уваженіемъ; онъ одушевленъ единственно духомъ мужества и славы, или паче, единственно почитаетъ себя орудіемъ Господа силъ, гордыхъ низлагающаго, а уповающихъ на Него прославляющаго.

Не можетъ, поистинѣ, никакой языкъ, никакое слово довольно быть къ изъясненію и мужества воинства нашего, и пріобрѣтенной славы, и стыда и урона непріятельскаго, и Божія къ намъ милосердія и видимаго защищенія.

„Видимаго, говорю, Божія милосердія и защищенія“. Ибо кто, вообразивъ толикія побѣды, на толикомъ числѣ мѣстъ весьма между собою отдаленныхъ, и на землѣ, и на морѣ, или паче сказать, на моряхъ,—могъ бы не безъ основанія подумать, что войска нашего были тысячи тысячъ и тьмы темъ, особливо противъ такового непріятеля, который могъ хвалитися безчисленнымъ множествомъ оружниковъ своихъ!? Но, напротивъ, сбылось на насъ самымъ дѣломъ оное Божіе обѣтованіе Израилю Своему: „единъ изъ васъ поженетъ тысящи, и два тьмы“ (Второзакон., 32, 30). Меньше двадесяти тысящъ,—о геройства безпримѣрнаго!—вступали въ сраженіе съ числомъ большимъ, нежели двухъ сотъ тысящъ, и одерживали верхъ съ малѣйшимъ своимъ, но съ величайшимъ урономъ непріятеля. Подобно, и Россійскій побѣдоносный флотъ, хотя мужествомъ и великій, но числомъ противъ непріятельскаго зѣло малый, обшедъ всю Европу и взлетѣвъ въ сердце непріятельской страны,—ополченіе противнаго, какъ древняго фараона со всадники и тристаты, потопилъ въ морѣ, яко олово въ водѣ зѣльнѣй. Подобное ополченіе было у обѣихъ сторонъ, подобныя оружія, подобныя мышцы, подобная къ побѣдѣ стремящаяся мысль, хотя, впрочемъ, весьма неподобное было число оружниковъ и орудій; но со стороны нашей поборствовалъ Господь силъ, Богъ ополченія Израилева. Онъ таковымъ же образомъ благоволилъ прославить насъ, какимъ древле прославилъ вождя Израильскаго Гедеона, воюющаго противъ Мадіама и Амалика. „И рече Господь къ Гедеону: мнози людіе иже съ тобою, сего ради не предамъ Мадіама въ руку ихъ, да не когда похвалится Израиль противу Мя, глаголя“: собственная „рука моя спасе мя“ (Суд., 7, 2). „Кто возглаголетъ силы Твоя, Господи! слышаны сотворитъ вся хвалы Твоя“ (Псал., 105, 2)?!

Сіе Божіе благоволеніе привлекала на насъ теплѣйшая вѣра благочестивѣйшей Монархини нашей. Она, при дѣйствіи всего благоразумія и истощаваемыхъ подвигами силахъ своихъ, въ сокровенности сердца изливала источники слезъ предъ Всевидящимъ, и, напоеные симъ-то Божественнымъ токомъ, возрасли оные нетлѣнные лавры, коими днесь увѣнчаны главы побѣдителей.

Такъ не должны ли мы съ Ангелами воспѣть: „Слава въ вышнихъ Богу“? Слава Божія безконечная умножена быть не можетъ; но когда что-либо дѣлается необыкновенное и выше человѣческихъ силъ, то мы приходимъ въ познаніе и удивленіе Его совершенствъ, и падаемъ предъ величествомъ престола Его, повергая и вѣнцы наши предъ Нимъ. И сію славу Божію проповѣдывать мы никогда не престанемъ: „Выну хвала Его“ пребудетъ „во устѣхъ“ нашихъ (Псал., 33, 2).

Да и какъ не проповѣдывать? ибо по всѣхъ оныхъ военныхъ облакахъ и тучахъ возсіяло, наконецъ, свѣтлѣйшее свѣтило вожделѣннаго мира. „И на земли миръ“. Всѣ славнѣйшія побѣды не великимъ были бы утѣшеніемъ намъ, если бы не достигли сего благословеннаго конца: ибо слава побѣдъ увѣнчавается миромъ. Но, притомъ, паки сіяніе побѣдъ помрачилось бы, если бы все дѣйствіе ихъ кончилось миромъ не зѣло выгоднымъ, то есть, перестали бы воевать, но ничего не пріобрѣли бы, или и искра войны была бы скрыта на малое время, но не совсѣмъ погашена. Въ такомъ случаѣ и самыя славныя побѣды не много веселили бы насъ.

Но „якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его“ (Псал., 102, 13). Благословилъ Онъ насъ миромъ; но и миромъ славнымъ, полезнымъ и выгоднѣйшимъ. Славнымъ, ибо оружіе наше, яко непобѣдимое, пріобрѣло себѣ почтительное мнѣніе у всѣхъ народовъ, и тѣмъ слава Великаго Петра не токмо не помрачилась, но и паче открылась. Ибо и послѣднее, въ сей день случившееся, нѣкоторое затменіе полному ея сіянію, въ сей же самый день, Божественною судьбою, отнято, и свѣтило наше возблистало во всей красотѣ своей. Гордый непріятель смиренъ и приведенъ до такового затрудненія, что всѣ предложенія наши принужденъ подписывать трепещущею рукою. Гдѣ, дерзновенный возжигатель военнаго пламени,—похвала твоя? Гдѣ—надменіе гордаго духа? Гдѣ—алчная и несправедливая стремительность къ пожренію народовъ? Гдѣ—суетная надежда на безчисленное оружниковъ число? Десница всесильная опровергла все сіе великое мечтаніе. Да и всѣ вкупѣ ухищренія недоброжелателей нашихъ посрамились, и прежде, нежели могли уставить свои осадныя орудія, увидѣли ихъ разрушенными. Такова слава настоящаго мира! Извѣстно же, сколько она дѣйствуетъ во всѣхъ дѣлахъ, и самому мужеству спомоществуетъ.

И если славу можно раздѣлить съ пользою, то миръ, пріобрѣтенный нами, не славный токмо есть, но и полезный, да и едва ли былъ когда ему подобный. Границы не только остались въ безопасности, но и знатно распространились. Оное безпокойное для насъ Херсонесское гнѣздо въ своихъ предѣлахъ уставлено, и летаніе хищныхъ его птенцовъ удержано. Струи Чернаго и Бѣлаго морей открылись нашему плаванію, черезъ что отверзлась свободнѣйшая дверь не токмо къ выгодной торговлѣ съ восточными, но и съ европейскими народами. Но что, мню я, вящше, на дерзновенную руку возложены аки всегдашнія оковы, полезнымъ для насъ и для него воображеніемъ, что мы аки бы всегда находились у его дома, чрезъ что и къ будущимъ каковымъ-либо противнымъ движеніямъ пресѣченъ случай. Единовѣрные же намъ народы, по Бозѣ упованіе свое возлагающіе на насъ, снабдены честными кондиціями и ограждены сильнымъ державной Россіи покровительствомъ. Итакъ, „на земли миръ“.

Не всуе же говорится: „Миръ на земли“. Ибо всѣ страны свѣта взирали съ великимъ вниманіемъ на дѣйствія бывшей войны; истощалась и вся проницательныхъ острота умовъ, какой всему тому воспослѣдуетъ конецъ; и всякъ свое, по мѣрѣ понятія или страсти своей, дѣлалъ заключеніе. Но, какъ внезапу возгремѣла радостная труба мира, мысли всѣхъ не токмо доброжелательныя, но и страстныя успокоились. „И на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. И „сія измѣна десницы Вышняго“ (Псал., 76, 11).

Получивъ таковая и толикая блага отъ руки Господни, какое довольное благоволеніе мы можемъ принести неизреченноему Его къ намъ милосердію?! какія возжемъ жертвы? какое составимъ торжество? чѣмъ изъявимъ нашъ усердный къ Нему духъ и благоговѣніе? „Поимъ Господеви, славно бо прославися. Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе: сей мой Богъ, и прославлю Его. Десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости: десная Твоя рука, Господи, сокруши враги. И множествомъ славы Твоея стерлъ еси сопротивныхъ. Господь сокрушаяй брани, Господь имя Ему. Колесницы Фараоновы, и силу его вверже въ море“ (Исх., 15, 1—7). „Смятошася языцы, уклонишася царствія: даде гласъ Свой Вышній, подвижеся земля“ (Псал., 45, 7). Не бо мечемъ нашимъ возмогохомъ, и мышца наша не спасе насъ; „но десница Твоя, и мышца Твоя, и просвѣщеніе лица Твоего, яко благоволилъ еси“ въ насъ (Псал., 43, 4). „О Бозѣ похвалимся весь день, и о имени Твоемъ исповѣмыся во вѣкъ“ (Псал., 43, 9). „Кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи, кто подобенъ Тебѣ? дивенъ славно, творяй чудеса“ (Исход., 15, 11). „Восплещите вси руками, воскликните Господеви гласомъ радованія. Услышите до послѣднихъ земли и покаряйтеся, яко съ нами Богъ. Лукъ сильныхъ изнеможе,и

немощствующіи препоясашася силою“ (Псал., 46, 2; Ис., 8, 9—10; 1 Цар., 2, 4). „Сей день, егоже же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь“ (Псал., 117, 24).

Но не довольно, о благословенніи сыны отечества, едиными устами и гласомъ воспѣвать благодѣянія Божіи,—не довольно къ изъявленію радости нашей возжигать свѣтлые огни. Надобно намъ доказывать благодарность свою самымъ дѣломъ: храненіемъ вѣры, исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, вѣрностію и повиновеніемъ поставленной надъ нами отъ Бога главѣ и учрежденнымъ отъ нея правительствамъ, соблюденіемъ правосудія, братолюбіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ. Ибо, если верховный Судія оказалъ столь великій примѣръ правосудія Своего надъ языкомъ восхотѣвшимъ брани,—не убоимся ли мы нарушеніемъ правды и преданіемъ неповинности привлекать на себя сію страшную руку Всемогущаго? Если Онъ благоволилъ примирить насъ съ самыми непріятелями нашими: то дерзнемъ ли мы завистію, злобою, хищеніемъ и ухищреніями угрызать другъ друга, и опаснѣйшій возжигать пламень во внутренности самой утробы? Сей червь подъѣдаетъ краснѣйшій цвѣтъ покоя общаго и тишины, и таковаго рода преступленія привлекаютъ гнѣвъ неизбѣжнаго небеснаго мщенія.

А притомъ таковая, свыше намъ дарованная, слава да не подвергнетъ насъ искушенію гордости; но паче смиримъ себя предъ Богомъ: всѣ дарованныя намъ выгоды припишемъ единому Его къ намъ милосердію, да не возмечтаемъ зѣло о совершенствахъ своихъ. Богъ „гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“ (1 Петр., 5, 5).

Если мы всегда будемъ располагать себя таковымъ образомъ, пріятно будетъ Царю царствующихъ настоящее торжество: славу нашу умножитъ Онъ, миръ утвердитъ и на вѣки подпишетъ оный нетлѣннымъ перстомъ Своимъ.

Восторжествуйте убо во благознаменитый день сей, о побѣдоносніи воины, препрославленніи мудростію военачальства и добродѣтелію повиновенія и мужества! Прежде же всѣхъ ты, знаменитый герой времени нашего, славою благоразумія и храбрости своей огласившій Дунайскіе брега! Избраніе твое оправдано великою въ свѣтѣ Монархинею благопоспѣшнымъ во всемъ предводительствомъ твоимъ; и вѣрнѣйшимъ исполненіемъ мудрыхъ ея наставленій ты достойно заслуживаешь любезное имя усерднѣйшаго сына отечества. О, великія души, военными подвигами неутомимыя! успокойте днесь храбрыя мышцы свои; отрите славный потъ, покрывающій Марсовы чела ваши. Да отдыхаетъ оружіе увѣнчанное лаврами, и военный громъ да перемѣнится на сладостнѣйшее восклицаніе побѣдной пѣсни. Собирайте пріятнѣйшіе плоды, возрастшіе на поляхъ, орошенныхъ дражайшею кровію вашею. Чѣмъ мо-

жетъ достойно возблагодарить васъ отечество ваше? Жертва, принесенная вами за него, есть безцѣнная; но и вѣнцы, украшающіе главы ваши, суть нетлѣнны. Сего послѣдняго предмета человѣческихъ желаній, безсмертія имени, вы благополучно достигли. Отличное благоволеніе великой Монархини, славное сіе свидѣтельство заслугъ вашихъ, опочиваетъ на васъ! Церковь же Божія, вашею ревностію одолженная по вѣрѣ ея, не престанетъ призывать на васъ всѣ благословенія небесныя.

Но если подвиги достойныхъ членовъ отечества довольно восхвалены быть не могутъ, то какое слово, какой вѣнецъ достоинъ къ увѣнчанію Августѣйшей главы Твоея, Всепресвѣтлѣйшая и несравненная между обладателями земли Монархиня! Торжественнѣйшая побѣдительница и истинная отечества Матерь! Уже всѣ страны свѣта провозглашаютъ славу Твою; всѣ народы ублажаютъ жребій нашъ въ Твоемъ правленіи. Если же отдаленнѣйшимъ жителямъ земли пріятно зрѣлище добродѣтелей Твоихъ,—намъ, осіяваемымъ лучами престола Твоего,—намъ, имѣющимъ счастіе быть управляемымъ мудростію законовъ Твоихъ, какимъ радостнымъ восторгомъ должно быть восхищаемымъ?! Сіе мужественное, побѣдоносное воинство одушевляемо было великою душею Твоею. Воины Твои по различнымъ мѣстамъ были раздѣлены, но Ты соединяла всѣхъ ихъ въ мысли и сердцѣ своемъ. Вездѣ поспѣшали мудрыя наставленія Твои, проницательныя распоряженія и предохраненія матернія; неустанный подвигъ къ сохраненію славы отечества всегда орошалъ потомъ священнѣйшее лице Твое. О! колико кратъ, притомъ, вѣра Твоя восходила до небесъ и преклоняла къ себѣ Управляющаго судьбами человѣческими! Живое дѣйствіе ея располагало самые вѣтры къ благопотребнымъ для побѣдъ Твоихъ услугамъ.

Одолженное таковыми безпримѣрными благодѣяніями, отечество Твое чѣмъ возможетъ засвидѣтельствовать усерднѣйшее базгодареніе свое Величеству Твоему? Какой достойный даръ принесемъ Тебѣ? Всѣ соединенныя силы, сердца и гласы сыновъ отечества суть усерднѣйшая Тебѣ жертва, но неравная великимъ заслугамъ Твоимъ. Мы токмо въ радости общей нашей днесь, всѣ вѣрноподданные Твои всякаго чина и состоянія, привѣтствуемъ священнѣйшее Императорское Величество Твое съ симъ благословеніемъ Божіимъ, съ симъ Твоимъ особливѣйшимъ счастіемъ, съ симъ славнѣйшимъ и полезнѣйшимъ миромъ, и, призывая помощь Вышняго, желаемъ усерднѣйше, да прочее время безпокойствъ Твоихъ и подвиговъ награждено будетъ покоемъ и тишиною во вся дни живота Твоего, при радостномъ взираніи на сію Августѣйшую и любезную двоицу вѣрнѣйшихъ хранителей славы Твоей,—и на народъ Твой, Тобою вѣчно осчастливленный. Аминь.

Слово на день рожденія Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича*).

Установленіе священнаго Божія, даннаго Моисею, закона требовало, дабы по рожденіи сына или дщери приносима была благодарственная жертва Вышнему, не токмо для того, дабы симъ дѣйствіемъ изъявить усердное признаніе, яко Онъ единъ есть виновникъ великаго дара сего; но чтобы чрезъ сіе и самого получившаго бытіе представить Ему, яко священное приношеніе, на службу Его предуставленное, или, чтобы сказать словами Писанія самого, „да свято Господеви наречется“ (Лук., 2, 24).

Мы, суще новый благодатный Израиль, воспоминая днесь блаженнѣйшій день рожденія дражайшаго Всероссійскаго Наслѣдника, съ тѣмъ единодушно вси предстали предъ лице Господа Вседержителя во храмѣ семъ, дабы не токмо намъ принести Ему благодарственную, не во всесожженіи животныхъ и во всесожженіи усерднѣйшихъ сердецъ состоящую жертву, но чтобы и молитвами всей Церкви испросить, да на семъ, милостиво отъ Него отечеству нашему ниспосланномъ, дарѣ опочиваетъ всегда всесильное благословеніе Его.

Но можетъ ли благодареніе наше быть достойно дара сего? могутъ ли наши силы быть довольны изъяснить токмо тѣ благодѣянія, которыя мы видимъ и чувствуемъ, изливаемыя на насъ не по мѣрѣ заслугъ нашихъ?

По толикихъ громкихъ побѣдахъ, по столь славномъ мирѣ, по толикихъ торжествахъ, землю и море оглашающихъ, по толикой во всѣхъ предѣлахъ нашихъ цвѣтущей тишинѣ, по толикомъ всѣхъ насъ благоденствіи, что бы намъ еще желать оставалось? что?—развѣ, да благополучіе сіе и навсегда пребудетъ твердымъ и непоколебимымъ. И, се, зримъ предъ очами нашими достойнѣйшаго, всѣми дарованіями свыше благословеннаго, Всероссійскаго престола Наслѣдника, на любезнѣйшемъ лицѣ котораго сіяющая душа удостовѣряетъ, яко онъ есть вѣрнѣйшій хранитель славы великихъ дѣлъ великой Родительницы своей и Августѣйшихъ предковъ.

Почему и неотрицаемый долгъ имѣетъ благословенная Россія, дабы сей день, въ который мы сподобились толикаго дара, освятить

*) Сказано въ Москвѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ придворной церкви, 1775 года.

приношеніемъ усерднѣйшихъ благодареній предъ престоломъ благодати Божіей.

А чтобы благодареніе сіе, сколько возможно, представить намъ въ точномъ видѣ,—мы прежде вообще разсмотримъ, въ какомъ расположеніи въ таковые дни рожденія должны быть родители, въ какомъ—получившіе отъ нихъ бытіе, и въ какомъ—тѣ, которые могутъ пользоватися симъ, отъ Бога даннымъ, даромъ, дабы, напослѣдокъ, общее сіе разсужденіе приложить особливо и къ настоящему торжеству сему.

Извѣстно, что въ Ветхомъ Завѣтѣ почиталось прискорбнымъ случаемъ заключеніе утробы матерней, и жена нерождающая была поношеніемъ во Израили. Видимъ мы то на Аннѣ, матери священнаго Самуила, которая, по словамъ Писанія Святаго, „и сѣтоваше, и плакаше, и не ядяше, яко затвори Господь утробу ея, не дати ей чада“ (1 Царств., 1, 5, 6, 7). И когда узрѣлъ ее великій жрецъ предъ жертвенникомъ Господнимъ, уста токмо движущую, но гласа не издающую, и, почетши ее быть не въ трезвомъ расположеніи, сказалъ: „доколѣ піяна будеши? отъими вино твое, и иди отъ мѣста Господни“ (14),—на то, въ горести сокрушеннаго духа, отвѣтствовала сія благоговѣйная жена: „ни, господине! жена въ жестокъ день азъ есмь; вина и піянства не пихъ, но изливаю предъ Господемъ душу мою“ (1 Царств., 1, 15). Да и блаженная Елисавета, когда, по долговременномъ неплодствѣ, зачала Предтечу благодати, въ восторгѣ радостномъ возопила: „тако мнѣ сотвори Господь во дни, въ няже призрѣ отъяти поношеніе мое въ человѣцѣхъ“ (Лук., 1, 25).

Но по мѣрѣ горестной печали, неплодствомъ причиняемой, открывалась радость и веселіе, когда Творецъ естества посѣщалъ родителей плодомъ благословеннымъ.

Во-первыхъ, при семъ важномъ случаѣ въ радостнѣйшемъ восхищеніи прибѣгали съ жертвами къ Богу и, возжегши на святомъ алтарѣ вещественный огнь, чистѣйшимъ пламенемъ благодарности возжигали сердце свое, произнося предъ Нимъ таковыя и подобныя сему слова: „Адонаі Господи! Елоі Саваоѳъ! дарованный Тобою намъ дражайшій даръ приносимъ Тебѣ; пріими его, яко жертву Тебѣ благоугодную, освяти его во имя Твое; укрѣпи его слабые члены, да возрастаетъ предъ Тобою, яко маслина плодовита, добродѣтелями процвѣтающая; предохрани его отъ тлѣнія вѣка сего, помоги проходить ему теченіе подвига своего благоспѣшно. Отецъ всѣхъ тварей! сотвори, да нѣкогда, въ день праведнаго Твоего воздаянія, предъ соборомъ ангелъ и человѣкъ возможемъ непостыдно сказать: „се азъ и дѣти моя“!..

Таковыя и подобныя моленія суть чистѣйшее куреніе, восходящее до небесъ.

И симъ благоговѣйнымъ расположеніемъ исполняется душа родителей, когда взираютъ они на Дающаго всѣмъ дыханіе и жизнь. Но когда чадолюбивыя очи свои обращаютъ на благословенный плодъ чрева своего, тогда находятъ чувствительнѣйшее утѣшеніе, воображая, что въ семъ священномъ залогѣ любви ихъ имѣетъ всегда продолжаться честь и слава рода ихъ; въ нихъ пребудутъ незаглаждаемыя черты ихъ естественнаго изображенія; имя ихъ никогда не угаснетъ въ нихъ, и по смерти своей во взаимствованной отъ нихъ крови вѣчно жить будутъ. Какой источникъ утѣхъ для человѣка, къ безсмертію естественно стремящагося! И потому слово Божіе, между главнѣйшими благословеніями Господними, почитаетъ продолженіе рода въ чадѣхъ своихъ. Авраамъ, оный приснопамятный мужъ, когда, приближаясь къ старости, по неимѣнію у себя сына, видѣлъ, яко по смерти его имѣетъ погаснуть имя и родъ его,—въ горести духа возопилъ: „Владыко Господи!“ почто мнѣ глаголеши: мзда твоя многа будетъ зѣло, но что ми даси? „се азъ отхожду безчаденъ“ (Быт., 15, 2). И не могъ утѣшиться благословенный старецъ, доколѣ не былъ обрадованъ симъ обѣтованіемъ Божіимъ: „Воистинну благословя благословлю тя, и умножая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря“ (Быт., 22, 17).

Когда же родители почитаютъ столь драгоцѣннымъ залогъ сей, то тѣмъ самымъ они принимаютъ на себя обязательство—употребить все тщаніе о добромъ воспитаніи дѣтей своихъ. Ибо всѣ оныя утѣшенія, всѣ Господни обѣтованія должны обратиться въ горестнѣйшую печаль, если бы вознерадѣть о важнѣйшемъ долгѣ воспитанія. Добрыя склонности, дарованія и способности погаснутъ, и выйдетъ ужаснѣйшее чудовище пороковъ, ежели, особливо въ младыхъ лѣтахъ, попущено будетъ страстямъ возъимѣть свою волю. Во всю жизнь таковый, яко въ морскомъ волненіи, будетъ бѣдствовать въ несчастіяхъ; острѣйшимъ терніемъ будетъ прободать сердце родителей, зрящихъ сродный себѣ предметъ, но предметъ развращенія, да въ которомъ они и сами себя извинить не возмогутъ; покроетъ безчестіемъ родъ свой, а паче даровавшихъ ему жизнь, ибо заставитъ всѣхъ думать, откуда течетъ сія нечистая кровь.

Таковый, ужасающій воображеніе одно, страхъ, паче же естественная къ дѣтямъ любовь и ожидаемыя отъ добродѣтельнаго ихъ житія безчисленныя утѣшенія должны всегда, но особливо въ день рожденія дѣтей, напоминать родителямъ, дабы нѣжность чадъ своихъ предохранять отъ всякаго растлѣнія нравовъ, и не съ меньшимъ прилежаніемъ обращать вниманіе свое на ихъ поступки, какъ стяжавшій безцѣнный камень хранитъ, дабы онъ не былъ поврежденъ чѣмъ либо.

Награжденіе, о которомъ уже помянули мы, стоитъ полагаемыхъ на то трудовъ. Но хотя бы судьба и не допустила наслаждаться успѣхами трудовъ своихъ, довольно, что родители чрезъ доброе воспитаніе дѣтей своихъ расплачиваются въ долгѣ съ родившими ихъ и воспитавшими, и что они исполняютъ долгъ естества, когда при отшествіи въ вѣчную жизнь уподобляются древу, плодъ зрѣлъ принесшему.

И въ такомъ-то размышленіи родители должны быть во дни рожденія дѣтей своихъ.

Но въ каковомъ расположеніи при семъ случаѣ должны быть и сами дѣти?

Должны тотъ день, въ который Духъ Божій влилъ въ нихъ дыханіе жизни, изъ всѣхъ дней жизни своей почитать священнѣйшимъ, и, сколько кратъ солнце совершитъ надъ ними годовой кругъ свой, столько же кратъ да приносятъ Вышнему чистѣйшую жертву благодаренія. Воображая человѣческія силы, къ поползновенію склонныя, теплѣйшими молитвами да испрашиваютъ у всѣхъ Подателя—Бога подкрѣпленія немощамъ своимъ, вопія предъ Нимъ съ младымъ Соломономъ: „Господи Боже мой! азъ есмь отрочищъ малъ, и не вѣмъ исхода моего, и входа моего“ (3 Царств., 3, 7). „Человѣкъ немощенъ и маловременень, и умаленъ въ разумѣ: аще бо кто будетъ и совершенъ въ сынѣхъ человѣческихъ, отсутствующей Твоей премудрости, нивочтоже вмѣнится“ (Прем. Сол., 9, 5—6); „даждь рабу Твоему сердце смысленно, еже разумѣвати посредѣ добра и зла“ (3 Царств., 3, 9)! Какое усладительное зрѣлище передъ очами не человѣческими токмо, но и Божіими, если нѣжными младенческими устами таковое моленіе проліется предъ жертвенникомъ Господнимъ!

И какъ человѣкъ одаренъ есть свободностью, а бытіе есть начало дѣйствія, то все тщаніе свое должны обратить не на угожденіе чувства, не на развлеченіе мыслей предметами, увеселяющими одни плотскія очи, не на провожденіе времени въ праздности; но на честное употребленіе дарованныхъ отъ Бога способностей и склонностей. Евангельская жена, потерявшая драхму, возжигаетъ свѣщу, пометаетъ храмину и весь трудъ употребляетъ сыскать погибшую драхму, и егда обрящетъ, созываетъ сосѣды и другини, глаголя: „радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ драхму, погибшую“ (Лук., 15, 9). Кольми паче должно щадить время и всемѣрно тщаться, дабы, сокровенную въ естествѣ нашемъ, златую руду дарованій извлечь наружу и сдѣлать изъ оной драгоцѣнный сосудъ добродѣтели!..

Симъ-то образомъ дѣти могутъ исполнить утѣшенія родительское сердце и вознаградить тотъ многопопечительный трудъ, который они подъемлютъ въ рожденіи и воспитаніи ихъ.

А какъ добро само собою есть сообщительно, то не возможно, чтобы добрый человѣкъ не былъ добръ къ и другимъ. И чѣмъ большіе кто стяжалъ дары, чѣмъ важнѣйшія званія принялъ на себя, тѣмъ большій получилъ случай и обязательство благодѣтельствовать другимъ.

Такъ, посему, имѣемъ и мы всѣ пріятнѣйшій долгъ почитать радостнымъ для себя и священнымъ тотъ день, въ который получила бытіе особа, добродѣтелію своею многимъ благодѣтельствующая.

И мы обязаны въ таковые дни имъ сорадоваться такъ, какъ бы вкупѣ съ ними возраждалось наше бытіе. Ибо самою вещію когда съ ихъ бытіемъ рождается счастіе наше, то нѣкоторымъ образомъ и самое бытіе: что бо—жизнь, когда—несчастливая?

И потому усерднѣйшими молитвами должны испрашивать благословенія Божія, да укрѣпитъ ихъ силы, которыя они истощаютъ въ пользу нашу. Великій въ христіанствѣ мужъ, ап. Павелъ въ посланіи къ Филиписіемъ изъясняется сими, любомудрія исполненными, словами: „Обдержимъ есмь отъ обою, желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти, много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради“ (Филипп., 1, 23). Аки бы сказалъ онъ такъ: разсуждая труды моей жизни, я желалъ бы премѣнить оную на вѣчное упокоеніе; но когда воображаю, что жизнь моя для другихъ имѣетъ послужить въ нѣкоторую пользу, то соглашаюсь охотно продолжать подвигъ многотрудной жизни сей. О, мысль святѣйшая и гласъ достойный духа великаго!

Кто не почелъ бы жизнь таковаго мужа подкрѣпленіемъ и отрадою жизни своей? И кто не воспраздновалъ бы день тотъ, въ который небеса ниспослали на землю таковый даръ?

На семъ-то основаніи любезное отечество наше торжественно празднуетъ благословенный день сей. Да и какъ не праздновать? Если, какъ сказали мы, день рожденія и всякой особы, благодѣтельствующей другимъ, есть справедливая причина къ сорадованію: то кольми паче заслуживаетъ быть возвеличенъ общимъ всѣхъ торжествомъ сей блаженнѣйшій день, въ который возсіялъ на горизонтѣ нашемъ дражайшій Всероссійскаго престола Наслѣдникъ. Чѣмъ къ важнѣйшему благодѣтельный Промыслъ Божій предуставилъ его званію, тѣмъ больше обязаны мы наполнять храмы святые благодарственными жертвоприношеніями; и, чѣмъ больше благодать Господня излила на него дары, тѣмъ неоцѣненнѣе для насъ жизнь и здравіе его.

Всемилостивѣйшая отечества Матерь! Созидать великолѣпный храмъ есть дѣло славы достойное; но создать оный такъ, дабы основаніе его во вѣки было непоколебимо, есть дѣло премудрости совершенной. Тобою воздвиженъ храмъ благополучія нашего; сему свидѣтели: внѣ предѣлъ—слава, всѣ страны оглашающая; а внутри предѣлъ—общее благо-

денствіе и миръ. Но дабы священный храмъ сей не могъ быть разрушенъ никакимъ временъ насильствіемъ,—посредствомъ добраго воспитанія Ты вліяла великій духъ свой въ любезнѣйшаго Тебѣ сына и Наслѣдника. Ежели что, то сіе есть—достигнуть до высшей степени совершенства, человѣчеству возможнаго.

Тебѣ же, пресвѣтлѣйшій и дражайшій Государь Наслѣдникъ, въ сей радостнѣйшій день рожденія Твоего сорадуясь, отечество Твое открываетъ усерднѣйшее желаніе свое Вышнему, да утвердитъ Онъ великія дарованія не въ благодѣтельной душѣ Твоей токмо сокровенныя, но и въ лицѣ Твоемъ и во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ ясно сіяющія. Ты еси сладчайшій свѣтъ отечества Твоего; Ты—благонасажденное древо, райскими добродѣтели плодами обогащенное,—почему мы благонадежны на промыслительное Божіе Провидѣніе, яко и всегда, по евангельскому словеси, отъ благаго сокровища сердца Твоего имѣютъ происходить благая. Аминь.

Слово въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ *).

Нынѣшнее Евангеліе есть важнаго содержанія. Оно, изъясняя притчу ли, исторію ли, о богатомъ и убогомъ Лазарѣ, велитъ намъ разсуждать о послѣднемъ концѣ дѣлъ нашихъ. Ибо очень часто случается по невѣжеству ли, или по страсти человѣческой, что худыя дѣла пріемлются, какъ добрыя, а добрыя пренебрегаются, какъ худыя. Но какъ счастіе человѣческое основано на дѣлахъ добрыхъ; а несчастіе на дѣлахъ худыхъ, то и весьма есть нужно знать, какъ различать сіи два рода дѣлъ? и развѣ тотъ захотѣлъ бы пренебрегать о семъ, который не пожелалъ бы себѣ быть благополучнымъ; кто же есть столь ненавидящій себя самого?

Нынѣ, отъ Евангельской книги предложенное, наставленіе велитъ намъ взирать на конецъ дѣлъ нашихъ, и, если изъ которыхъ выходятъ слѣдствія радостныя, покой нашъ навсегда утверждающія,—тѣ дѣла почитать добрыми; а отъ которыхъ дѣлъ слѣдствія выходятъ печальныя, навсегда насъ безпокойству и мученію подвергающія,—тѣ дѣла почитать худыми.

И какъ Богъ правосуденъ есть, не въ жизни токмо будущей воздаетъ всякому по дѣламъ его, но и въ сей жизни Онъ есть праведный и мудрый всего міра правитель: то и конецъ, или слѣдствія добрыхъ

*) Сказано въ Москвѣ, въ Никитской церкви, что въ Басманной, 1775 года.

и худыхъ дѣлъ, не въ жизни токмо будущей прямо откроются, а и въ сей жизни добрыя и худыя дѣла, по праведнымъ Его судьбамъ, всегда бываютъ препровождаемы надлежащими слѣдствіями.

Разсмотримъ мы, сколько время дозволитъ намъ, на основаніи Божественнаго закона, какія суть слѣдствія и конецъ добрыхъ, и какія худыхъ дѣлъ въ жизни сей и въ будущей?

Слѣдствіемъ добрыхъ дѣлъ бываетъ спокойствіе духа. Кто содержитъ себя въ порядкѣ, то есть, кто боится что-нибудь предпринимать противъ совѣсти и предписаннаго ей отъ Бога правила, тотъ не имѣетъ, въ чемъ себя попрекать и обличать: онъ всегда спокоенъ и радостенъ, все пріемлетъ великодушно и судьбѣ Божіей повинуется безъ смущенія и роптанія.

А какъ міръ сей наполненъ соблазнами, и развратные люди не рѣдко устремляются покой его нарушить, то что дѣлаетъ въ таковыхъ случаяхъ мужъ добродѣтельный?—на все взираетъ не иначе, какъ бы кто, стоя на высокомъ каменномъ островѣ, взиралъ на волнящееся море, не боясь потопленія. Ибо онъ увѣренъ въ сердцѣ своемъ, что все въ свѣтѣ управляется праведрою судьбою Вышняго; а потому и не думаетъ, чтобы Онъ попустилъ быть такому, которое могло бы взять побѣду надъ добродѣтелію. А хотя наружныя обстоятельства его и трогаютъ, но честность совѣсти его подаетъ ему довольное подкрѣпленіе и утѣшеніе.

Ибо не ложно должно быть слово Духа Святаго, яко плодъ духовный есть что?—„радость, миръ“ (Галат., 5, 22). И потому-то великаго духа Павелъ, бывъ окружаемъ бѣдствіями, не ослабѣвалъ; для того, что всѣ они могли трогать одну наружность его; но внутренность оставалась неподвижною. „Похваленіе наше сіе есть“, пишетъ онъ къ Коринѳянамъ, „свидѣтельство совѣсти нашея“ (2 Кор., 1, 12). Да и святый Златоустъ во многихъ своихъ мудрыхъ поученіяхъ разсуждаетъ, что никто насъ по внутренности смутить не можетъ, развѣ мы сами себя ослабимъ: ибо никто надъ нашимъ духомъ, кромѣ единаго Бога,—никто силы имѣть не можетъ.

Но скажутъ: „духъ, де, бодръ, да плоть немощна“. Пусть бы плоть немощна была, только бы духъ былъ крѣпокъ: ибо крѣпость духа можетъ укрѣпить и слабость плоти, а духу ослабшу, нельзя и плоти не ослабѣть.

Таковое ученіе, можетъ быть, покажется вамъ страннымъ и невмѣстительнымъ; но не случается ли видѣть и вамъ самимъ, и зѣло не рѣдко, что однимъ случаемъ и въ однихъ обстоятельствахъ одинъ смущается, другой то же самое великодушно сноситъ? отъ чего сіе?—отъ того, что одинъ больше утвердилъ себя въ познаніи и храненіи добро-

дѣтели, другой меньше стяжалъ просвѣщенія и больше даетъ воли страстямъ своимъ. Нѣтъ, возлюбленные! сильнѣе всѣхъ мірскихъ возраженій должно быть оное Божіе слово: плодъ Духа Святаго, живущаго въ добродѣтельномъ сердцѣ, есть „радость, миръ".

Вотъ—слѣдствія и конецъ добрыхъ дѣлъ! а худыхъ—какое?

Безпокойствіе и терзаніе духа: ибо, кто поступаетъ по страстямъ, а не по правилу Божія закона, тотъ всегда смущенъ и унылъ. Ибо его уличаетъ и мучитъ совѣсть, приводитъ его въ страхъ, представляя, что онъ когда-нибудь тенетами своихъ пороковъ будетъ связанъ, и сила праведнаго суда постигнетъ его. И потому трепещетъ онъ самого себя, воображая, что судъ вездѣ за нимъ ходитъ. Нельзя грѣшнику избѣжать сей необходимости: такъ судьбами отъ вѣка опредѣлено!

Почему, хотя нынѣшнее Евангеліе и говоритъ о роскошномъ и немилосердомъ человѣкѣ, что онъ, де, „веселился на всякъ день свѣтло" (Лук., 16, 19); но надобно знать, что есть веселіе? Ежели веселіе его состояло въ однихъ богатыхъ уборахъ и во всегдашнихъ пированіяхъ, о—сколь таковое веселіе далеко отстоитъ отъ веселія истиннаго!

Скажите, пожалуйте, можно ли почитать такого человѣка веселымъ, который блещетъ златомъ, но помраченъ умомъ,—котораго тѣло отягощено пищею и питіемъ, но притомъ совѣсть въ страстяхъ погружена,—который днемъ веселъ, а нощію страждетъ тѣломъ отъ пьянства разслабленнымъ,—который днемъ спокоенъ, а нощію мучится мыслями, что имѣніе все уже истощавается, а которое истощено, и то было ограблено, или за то съ должниками расплачиваться надобно, а нечѣмъ,—что скоро не останется и нужнаго къ содержанію,—что онъ, препровождая время въ праздности, презирается отъ всѣхъ добрыхъ людей и почитается вреднымъ членомъ общества, безполезнымъ бременемъ земли,—котораго за столомъ ласкатели хвалятъ, а заочно ему ругаются? Скажите, можно ли веселіе такого человѣка почитать истиннымъ веселіемъ?

А хотя бы и подлинно, чему быть не надѣюсь, таковой человѣкъ былъ такъ веселъ, что никогда бы онъ ни о чемъ не смущался, положимъ такъ; но не тѣмъ ли болѣе несчастливымъ его почитать должно? Если бы кто былъ въ опасной болѣзни, однако бы то пренебрегалъ и объ исцѣленіи своемъ ни мало бы не думалъ,—таковаго человѣка не болѣе ли почтете вы несчастливымъ, что онъ чрезъ то самъ себя подвергаетъ неминуемому бѣдствію? или младенецъ, когда видитъ умершихъ своихъ родителей, а, однако, несчастливымъ тѣмъ для себя случаемъ по младенчеству своему не трогается,—не есть ли таковой младенецъ паче сожалѣнія достоинъ, что не понимаетъ своего несчастія? Такъ и тотъ человѣкъ, который, не понимая слѣдствій своей развра-

ности, оставался бы совсѣмъ тѣмъ спойконымъ, тѣмъ паче достоинъ сожалѣнія и оплакиванія. Ибо, кто хотя днемъ роскошествуетъ и безчинствуетъ, но нощію приходитъ въ размышленіе и смущается,—тотъ подаетъ нѣкоторую надежду о исправленіи своемъ; а который такъ страстямъ себя поработилъ, что о томъ нимало и не смущается,—тотъ остается въ неисправленіи, слѣдовательно, въ отчаяніи своего спасенія. Нѣтъ! братіе мои, нѣсть радости нечестивымъ, по глаголу Пророчу (Ис., 57, 22), а гласъ радости и веселія—въ селеніяхъ токмо праведныхъ.

Но хотя бы, по неиспытаннымъ судьбамъ Божіимъ, и подлинно нѣкоторые развратные въ жизни сей были счастливы, а праведные и честные люди несчастливы; но мы—не язычники, неимущіи упованія: не находимся въ семъ заблужденіи, что жизнію сею окончится все, что всѣ добрыя и худыя дѣла останутся безъ разбора. Мы—христіане: мы ожидаемъ праведнаго суда и жизни будущаго вѣка. Намъ благовѣствовало нынѣшнее Евангеліе, что въ грядущемъ вѣкѣ между праведными и неправедными „пропасть велика утвердится“, и что тамъ сказано сластолюбивому богачу: „помяни, яко воспріялъ если благая въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же Лазарь здѣ утѣшается, ты же страждеши“ (Лук., 16, 25, 26).

Если кто сему ученію истинно вѣруетъ, можетъ ли онъ и въ самыхъ несчастіяхъ жизни сей не увеселять себя таковымъ блаженнымъ упованіемъ? тогда какъ развратный и нераскаянный грѣшникъ не содрогнется ли, и не вострепещетъ ли, воображая руку Бога живаго, беззаконія наказующую? Есть, по истинѣ есть, чѣмъ себя укрѣплять и утѣшать праведнику, есть же чего страшиться и грѣшнику!

Таковое полезное наставленіе да положимъ мы въ сокровище сердца своего и, изшедъ изъ сего храма, да напишемъ въ домѣхъ нашихъ на стѣнахъ и вратахъ. Да не изгладится сіе никогда изъ памяти нашей, „яко ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всякую душу человѣка творящаго злое; слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое“ (Римл., 2, 9—10). Аминь.

Слово на день Казанскія иконы Пресвятыя Богородицы *).

Ежели какой день, то поистинѣ сей должны мы праздновать съ чувствительнѣйшимъ признаніемъ Божія къ намъ благодѣянія; а, притомъ, и съ усерднѣйшимъ моленіемъ, да и всегда благость Божія та-

*) Сказано въ Москвѣ, въ Казанскомъ соборѣ, 1775 г., октября 22 дня.

яжде къ намъ пребудетъ. Ибо сей день на память приводитъ намъ печальнѣйшія несчастія, которыми угодно было нѣкогда посѣтить отечество наше Богу правосудному, а притомъ и чудесное и милостивое избавленіе отъ оныхъ, и доселѣ продолжающееся Его о насъ благоволеніе; да и таковое благоволеніе, что какъ будто судьбѣ Божіей угодно было на время покрыть насъ мрачнѣйшею нощію для того, дабы напослѣдокъ свѣтило наше возсіяло въ большей славѣ и красотѣ.

Близъ двухъ сотъ тому лѣтъ, какъ по блаженной смерти въ Бозѣ опочивающаго государя царя Ѳеодора Іоанновича, сына государя царя Іоанна Васильевича, и по убіеніи коварными хитростьми злонамѣренныхъ людей царевича Димитрія, законнаго Россійскаго престола Наслѣдника, возстали смятенія и разстройства невообразимыя, съ слѣдствіями несчастливѣйшими.

Внезапу тогда открылся вепрь дивій изъ дубравы, или паче злѣйшее исчадіе ада, Гришка Отрепьевъ, который, присвоивъ себѣ имя блаженнаго царевича Димитрія, яко песъ безстыдный, дерзнулъ вскочить на царскій престолъ. О, превращенія ужаснаго!

Весь союзъ отечества нашего и благоустройства прервался тогда. Все пришло въ смятеніе, все поколебалось, и всѣ подвержены стали крайнѣйшимъ злоключеніямъ.

Иноплеменные сосѣдніе намъ Ляхи приняли сіе несчастіе наше пріятнымъ для себя случаемъ къ исполненію своихъ злыхъ намѣреній!

Покрыты были всѣ мѣста страны нашей непріятельскимъ оружіемъ: вездѣ проливалась кровь безъ всякаго пощажденія; едва который градъ и село остались, чтобы непріятельскимъ оружіемъ и огнемъ не были истреблены. И самый сей царствующій градъ, сіе око Россіи, столько былъ пораженъ, что текла кровь потоками, и самыя, храмъ сей окружающія мѣста, были столь покрыты трупами, что не оставалось мѣста, гдѣ бы не попирать тѣла неповинно убіенныхъ людей. И самое сердце града сего, самый Кремль, былъ занятъ иноплеменными. Храмы были осквернены, алтари раскопаны, вѣра потряслась: ибо уже вникло проклятое латинство, и ихъ непотребные жертвенники уже были воздвигнуты. Правящій Россійскою Церковію, святѣйшій Іовъ посланъ былъ въ заточеніе, и мѣсто его заступилъ коварнѣйшій измѣнникъ, неосвященный Игнатій. Все пришло до послѣдней крайности, и едва оставалась надежда возстать отечеству нашему послѣ таковаго паденія.

Которые сохранились отъ огня и меча, тѣ крылись въ отдаленныхъ мѣстахъ и лѣсахъ; всѣ были въ унынiи или въ отчаяніи, только въ горести духа и въ потокахъ слезъ вопили предъ Управляющимъ свѣтомъ: „Боже! пріидоша языцы въ достояніе Твое, осквернiша храмъ святый Твой, положiша Іерусалимъ яко овощное хранилище: положiша

трупія рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ: проліяша кровь ихъ, яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребаяй. Быхомъ поношеніе сосѣдомъ нашимъ, подражненіе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ. Доколѣ, Господи, прогнѣваешися до конца? разжжется яко огнь рвеніе Твое“ (Псал., 78, 1—5)?

Таковые вопли и слезы токмо вездѣ слышаны были. Къ умноженію несчастія, не всѣ соединены были единымъ духомъ согласія и любви: на разныя развлечены были стороны. Иные попустили себѣ быть отторженымъ предательствомъ, иные въ семъ общемъ смятеніи наблюдали собственную свою корысть, иныхъ пристать къ общей пользѣ удерживала зависть, другіе поражены были страхомъ, робостію и отчаяніемъ.

Въ таковомъ бѣдственномъ состояніи любезнаго отечества нашего, когда вся надежда къ лучшему казалась быть отъятою, судъ Божій, восхотѣвый наказуя наказати насъ, но конечной смерти не предати, благоволилъ открыть намъ ведро радости оттуда, откуда меньше всего можно было надѣяться.

Нижняго Новгорода незнатный купецъ, Кузьма Мининъ, его же память во благословеніи и заслуживаетъ быть почитаема вѣчнымъ прославленіемъ, Божіимъ вдохновеніемъ возревновалъ, видя общее отечества своего несчастіе. „Доколѣ,—сказалъ онъ сотоварищамъ своимъ,—доколѣ ослабѣлымъ духомъ будемъ взирать на сіе общее всѣхъ злоключеніе? доколѣ не употребимъ всѣ силы наши къ поданію помощи страждущему отечеству, или умремъ славною смертію, яко мученики? Ежели на сіе общеполезное дѣло потребно каковое иждивеніе, истощимъ на то все имѣніе наше, или, если доставать не будетъ, заложимъ женъ и дѣтей“. О, гласъ достойный сына отечества! О, честность души поистинѣ мужественной!

Къ сему благому совѣту пристали другіе, и сія славная дружина просьбою своею склонили почтеннѣйшаго и избраннѣйшаго мужа, князя Пожарскаго (ему же да будетъ память вѣчная!), чтобы принялъ предводительство надъ всѣми тѣми, кои возусердствуютъ идти на помощь пораженному отечеству.

Скоро многіе, узнавъ добродѣтель и дарованія предводителя, пристали къ сему святому предпріятію: пошли, призвавъ Бога на помощь, на избавленіе страждущей Москвы.

Возбужденіемъ, совѣтами и наставленіями словесными и письменными, дабы соединяться всѣмъ къ сему полку Господню, много споспѣшествовалъ Троицкій архимандритъ Діонисій, его же имя да будетъ во вѣки благословенно! А когда воинство наше, бывъ уже близъ стѣнъ града сего, начало раздираться нѣкоторыми внутренними несогласіями, а потому и весь чаемый успѣхъ приходилъ въ опасность, то имѣлъ

счастіе соединить ихъ и примирить Троицкій келарь Аврамій Палицынъ, къ памяти котораго благодарность наша должна быть усерднѣйшая.

Сіе благое предпріятіе удостоилъ праведный Богъ благословенія Своего.

Въ сей самый день, который мы празднуемъ, изъ непріятельскихъ рукъ исторгнуто и очищено мѣсто сіе, въ которомъ стоитъ сей священный храмъ, градъ Китай; а потомъ скоро изъ-подъ ига иноплеменнича освобожденъ и самый Кремль.

Итакъ, прешло то несчастіе, о которомъ всѣ лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что Россія никогда не видала больше онаго. По ужаснѣйшей бурѣ, возсіяло ведро радости: возведенъ на престолъ благовѣрный и благочестивый государь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

И отъ того времени и досель столь видимо благословеніемъ Божіимъ покровительствуемо есть отечество наше, что не токмо оно и доселѣ осталось непоколебимымъ въ состояніи своемъ, но и достигло нынѣ до толикой славы, что никогда, отъ самаго основанія своего, въ большей славѣ и совершенствѣ не было. Всѣ страны свѣта на державу нашу нынѣ взираютъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, а многихъ мужество ея и въ страхѣ содержитъ.

Все сказанное нами воображля, не есть ли достойно—означать день сей отмѣннымъ празднованіемъ? день, который положилъ конецъ неслыханнымъ несчастіямъ, да положилъ же и начало величайшему благополучію и славѣ Россіи.

А чтобы празднованіе наше было не безплодно и достойно таковой Божеской, изліянной на насъ, благости,—должно намъ украшать себя богоугодною жизнію и изъ вышепомянутыхъ обстоятельствъ, къ наставленію нашему, примѣчать слѣдующее.

А) Общее добро почитать паче собственнаго своего. Ибо мы всѣ связаны союзомъ общества, и на семъ основано благополучіе наше: почему когда общую пользу не сохранимъ, то и свою потеряемъ. Ибо когда все тѣло въ изнеможеніи,—можетъ ли тогда одинъ членъ того тѣла быть здравъ и цѣлъ? А кто свою пользу почитаетъ паче общей?—тотъ, который ищетъ своей корысти, или чести, съ обидою другого; кто не прямою ищетъ дорогою но хитростію, и съ нарушеніемъ совѣсти своей; тотъ, который щадитъ свое имѣніе и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нужно и похвально употребить оное къ подкрѣпленію пользы общественной; тотъ, который, по зависти или по злости къ чьемунибудь лицу, удерживаетъ себя дать полезный совѣтъ и наставленіе, лучше по страсти своей почитая пропасть общей пользѣ, нежели чтобы чрезъ то сдѣлать честь тому, котораго онъ ненавидитъ.

Б) Быть вообще всѣмъ въ согласіи и любви. Древнее есть присловіе:

„согласіемъ малыя вещи возрастаютъ, а несогласіемъ и большія разрушаются“; а паче важно есть Евангельское слово: „царство раздѣльшееся на ся не постоитъ“ (Матѳ., 12, 25). И если въ управленіи малаго дома, когда взойдетъ несогласіе, все бываетъ разстроено, безуспѣшно и разорительно: то кольми паче въ общественномъ управленіи, если несогласіе, раздоръ, несходственныя мнѣнія, высокомѣрныя мысли и упрямство вмѣщаются, нельзя сказать, колико могутъ причинить несчастливыхъ слѣдствій, какъ видѣть было можно изъ вышесказанныхъ злоключеній отечества нашего: такъ какъ оттуда же и сіе усмотрѣть было удобно, что согласіе паки возставило падшія вещи.

В) Вышепомянутая же исторія открыла намъ, что къ возвращенію общаго покоя нашего славно и къ безсмертной памяти послужили нѣкоторые изъ купечества, дворянства и духовенства; и когда сіи три состоянія были въ согласіи и соединеніи, тогда всѣ ихъ предпріятія увѣнчаны были благополучнымъ успѣхомъ. Сіе должно для насъ служить величайшимъ и сильнѣйшимъ примѣромъ, чтобы всѣмъ родамъ государственнымъ быть всегда въ согласіи и соединеніи. А для сего надобно, чтобы одинъ чинъ не презиралъ, не угнеталъ другого; но такъ бы наблюдалъ пользу свою, чтобы чрезъ то не причинить подрыва пользѣ другаго чина. Ибо если въ единомъ отечествѣ одинъ чинъ пренебрегаетъ, презираетъ, притѣсняетъ другаго, и только свою наблюдаетъ пользу: отъ того столь же мало добра можно надѣяться, какъ если бы въ единомъ тѣлѣ одинъ членъ вооружался противъ другого.

Все сіе утвердивъ въ мысли и сердцѣ нашемъ, поживемъ такъ, какъ единаго Небеснаго Отца дѣти, какъ единой Церкви чада, какъ единаго отечества сограждане, любовію другъ друга больше творяще. „Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“ (Псал., 132, 1)! Въ чемъ да споспѣшитъ намъ Богъ мира, молитвами и предстательствомъ Преблагословенныя Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, за любовь къ Богу и ближнему прославившихся. Аминь.

Слово въ день св. Архангела Михаила *).

Когда совершаемъ мы Божественную литургію и при семъ священномъ дѣйствіи воспѣваемъ общаго всѣхъ Владыку: тогда Церковь святая напоминаетъ намъ, чтобы мы стояли предъ Нимъ во храмѣ на землѣ не иначе, какъ служатъ Ему святые ангелы на небеси. Да, когда мы въ томъ подражаемъ имъ, тогда мы точно и изобразуемъ ихъ,

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ Архангельскомъ соборѣ, 1775 года, ноября 8 дня.

по силѣ оной священной пѣсни, устами вѣрныхъ воспѣваемой: „отложимъ всякое нынѣ житейское попеченіе, ибо мы, Животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь припѣвая, въ таинственномъ разумѣ образуемъ херувимовъ“. Въ какомъ усладительномъ чувствіи должна быть мысль и сердце вѣрныхъ, когда они точно понимаютъ сіе свое преимущество!

Нынѣ празднуемый нами, ангельскаго собора предстатель возбуждаетъ благоговѣніе христіанъ—обратить вниманіе свое на службу, совершаемую ангелами на небеси, дабы намъ по возможности подражать имъ въ томъ и на землѣ.

Единъ есть Богъ ангеловъ и человѣкъ; и когда мы въ чистотѣ духа служимъ Творцу всяческихъ, тогда съ оными блаженными духами составляемъ едино общество. Одинъ порокъ разорвать можетъ сей священный союзъ.

Ибо хотя, по основанію христіанской богословіи, и есть различіе между Церковію на земли воинствующею и Церковію на небеси торжествующею, но, по словамъ апостольскимъ, мы, вшедшіе въ завѣтъ новой благодати, хотя, дѣйствительно, не вступили, но уже „приступили къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тьмамъ ангеловъ, къ собору и къ Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и къ духовомъ праведниковъ совершенныхъ“ (Евр., 12, 22—23), слѣдовательно, мы, составляющіе церковь воинствующую, едино съ церковію торжествующею составляемъ существо и общество.

И ежели оные блаженные духи, непорочнѣйшіе члены небесной Церкви, по словамъ Писанія Святаго (Ис., 6, 3, 4), служатъ величеству Божію, вопія непрестанно трисвятую пѣснь,—отъ благоговѣнія раболѣпнаго покрываютъ предъ Нимъ лица свои и исполняютъ волю Его съ усерднѣйшею ревностію, яко, де, пламень огненный: то какое потребно имѣть намъ тщаніе, усердіе и любовь при службѣ Божіей!?.

Намъ, говорю, которымъ на пути спасенія предлежатъ еще многія претыканія и соблазны, и которыхъ сила страстей, угасивъ духъ разума, не рѣдко претворяетъ въ кровь и плоть.

Ангелы служатъ Вышнему, яко пламень огненный. Подъ именемъ пламени огненнаго, видимо, обозначается ихъ пламень и жаръ любви,—любви, которая соединяетъ ихъ съ Богомъ и между собою взаимно.

Совершенная сія ангельская любовь пріемлетъ начало свое отъ точнаго познанія совершенствъ Божіихъ: ибо, чѣмъ болѣе совершенство вещи познавается, тѣмъ болѣе къ ней возжигается любовь. Свѣтъ просвѣщенія производитъ огонь любви. „Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи“, вопіетъ Царь и Пророкъ; для чего?—для того, де, яко онъ „весь день поученіе мое есть“ (Псал., 118, 97).

И потому мы должны со всякимъ прилежаніемъ испытывать сіе вѣчное правило дѣлъ нашихъ и въ домѣ, и на пути, и въ уединеніи, и въ обращеніи съ другими, и въ младости, и въ старости, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, а наипаче въ храмахъ священныхъ. Чѣмъ болѣе будемъ вникать въ сіе зерцало, тѣмъ болѣе открываться намъ будетъ оная воля благая и совершенная, которой сообразоваться мы должны, а чрезъ то и любовь Божія вселится въ сердца наши.

Христіанинъ! есть ли должное твое о семъ тщаніе? не въ пренебреженіи ли оставленъ сей великій долгъ твоей обязанности предъ Богомъ? не къ блаженству токмо будущему надлежитъ шествовать симъ путемъ; но и благоденствіе жизни сей на семъ же есть основано. Просвѣщенная закономъ Божіимъ и любовію его утвержденная, мысль не въ храмѣ семъ токмо представляетъ тебя любезнымъ вѣщателемъ хвалъ Божіихъ, но и въ обществѣ вѣрнымъ служителемъ, раздѣленныхъ отъ Промысла Божія, званій. Паки представляю тебѣ ангельскій соборъ. Они, по ученію святой Церкви, для того утвердились въ благодати, яко утвердились въ любви; а нѣкоторые и изъ сихъ чистѣйшихъ духовъ, за злоупотребленіе добраго произволенія, отторжены отъ святаго общества, премѣнились въ духовъ нечистѣйшихъ и злобнѣйшихъ. Вездѣ порокъ влечетъ за собою слѣдствія погибельныя.

Прохладѣвшая къ Богу любовъ учинила ихъ недостойными общества ангеловъ, соединеннаго любовію.

Мы—и Церкви члены, и общества граждане. По обоимъ отношеніямъ примѣромъ намъ суть ангели. Когда во святилищѣ Господнемъ мы приносимъ жертву благодаренія и молитвъ въ непорочности души тогда мы во плоти—ангелы; когда же между собою соединены союзомъ любви, тогда мы на землѣ представляемъ ангельское общество.

Но когда или жертвы наши нечистотою страстей опорочены, или другъ друга угрызаемъ и снѣдаемъ: тогда истина осуждаетъ таковыхъ быть подобными тѣмъ духамъ, которымъ злость и развратъ есть утѣшеніе, и которые „вѣчными узами подъ мракомъ соблюдены на судъ великаго дня“ (Іуд., 1, 6). О! поистинѣ, по апостольскому увѣщанію, мы со страхомъ житія нашего время жительствовати должны, когда Отецъ, нелицемѣрно судящій комуждо по дѣлу, и ангеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ...

И правосудіе Божіе, не меньше и примѣръ паденія ангеловъ, должны содержать насъ во всегдашней осторожности и бодрости духа. „Мняйся стояти, пусть блюдется, да не падетъ“ (1 Кор., 10, 12). А сіе значитъ, что, чѣмъ больше кто мечтаетъ о себѣ, тѣмъ ближе есть къ паденію; кто же по землѣ ходитъ, тотъ упасть не умѣетъ. Евангеліе не безъ особливаго резона въ одномъ мѣстѣ представляетъ ангеловъ

яко приставниковъ непорочныхъ младенцевъ; а сіе есть доказательство, что они суть содруги и спутешественники тѣмъ, которыхъ украшаетъ кротость младенчества непорочнаго.

Что—таковые, ангелоподобные люди въ обществѣ? что въ Церкви?—въ обществѣ—вѣрные други, праведные судіи, честные сосѣди, благоразумные совѣтники, благодѣтельные начальники, полезные члены; а въ Церкви—ангеломъ собесѣдники, сожители и присніи Богу, истинные христіане.

Такъ почему же служеніе таковыхъ предъ Богомъ различествовать будетъ отъ служенія ангельскаго?

Если, благословенные христіане, сіе ученіе, ученіе Церкви Божіей, пріятно, или хотя токмо непротивно показалось вкусу души нашей, то довольно, почитать должны, воспользовались мы праздованіемъ дня сего,—того дня, который сколько для насъ почтенъ есть воспоминаніемъ предстателя ангеловъ, столько не меньше радостенъ, яко храмъ сей удостоить благоволила Монаршимъ присутствіемъ своимъ благочестивѣйшая Самодержица. Не мы токмо, но и самыя стѣны храма сего проповѣдуютъ благочестіе и благоговѣніе ея къ мѣстамъ святымъ. Украшеніе стѣнъ храма сего, сей священный ковчегъ останкамъ святыхъ, сіи драгоцѣнныя утвари, украшающія алтарь и служителей его, суть приношенія ея къ Богу любви. Ибо благая, по Евангелію, не могутъ происходить, развѣ отъ сердца благаго.

Ты же, Боже, праведный дѣлъ нашихъ Воздаятель! оною десницею Которою управляешь царей и державы ихъ, укрѣпи здравіе и благоденствіе ея и Августѣйшаго ея Наслѣдія, сохраняя ихъ подъ покровомъ ангеловъ хранителей Твоихъ. Аминь.

Слово въ день святаго Іоанна Златоустаго *).

Хотя свойственно истинный Пастырь есть единъ, оный великій совѣта Божія Посланникъ, Который съ тѣмъ преклонилъ небеса и облекся въ нашу бренную плоть, но и положилъ самую Свою душу, да заблуждшее овча на рамо воспріимъ принесетъ Богу и Отцу, почему и могъ Онъ одинъ предъ лицемъ неба и земли свободно сказать: „Азъ есмь пастырь добрый“ (Іоанн., 10, 11), и притомъ Онъ одинъ могъ возбранить всякой бренной твари присвоять себѣ имя учителя. „Вы же не нарицайтеся учителіе: единъ бо есть вашъ учитель, Христосъ“ (Матѳ., 23, 8).

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, въ Златоустовѣ монастырѣ, 1775 года, ноября 15 дня.

Хотя, говорю, единъ Онъ свойственно есть истинный Пастырь; но если Онъ Самъ, по причинѣ принятія Имъ нашей плоти, не стыдится братію нарицати насъ, глаголя: „Возвѣщу имя Твое, Боже, посредѣ братіи моей“ (Псал., 21, 23), то по тому же Своему крайнему снисхожденію и служителямъ Церкви Своей имя пастырей носить благоволитъ, по оному Апостольскому слову: „Внимайте себѣ, и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы, пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею“ (Дѣян., 20, 28).

Такъ если всѣхъ насъ грѣшныхъ, благодатію Духа Святаго въ служеніе Церкви рукоположенныхъ, благость Божія благоволила почтить именемъ пастырей: то кольми паче заслуживаютъ сіе, честь ли, должность ли ихъ означающее наименованіе, тѣ служители Церкви, которые всѣ силы свои истощаваютъ въ пользу стада Христова и добродѣтелію свѣтятъ, яко градъ на горѣ поставленный.

Таковый пастырь былъ празднуемый нами днесь, священный іерархъ Іоаннъ Златоустъ.

Общая древнихъ великихъ мужей была рѣчь: „дабы Златоуста похвалить, надобно, чтобы былъ другой Златоустъ“; и когда сей великій мужъ преставился отъ земли насильственною смертію, тогда вся подсолнечная возрыдавъ возопила: „Лучше бы солнце угасло, нежели чтобы Іоанновы уста замолкли“.

Къ тому морю похвалъ, которыя ему приписываетъ вся, по всему кругу земному сущая, Христова Церковь,—къ сему морю похвалъ приложимъ мы хотя едину каплю,—не для того, чтобы тѣмъ возвеличить его заслуги: онѣ безчисленны и выше всякихъ похвалъ; но чтобы великій примѣръ жизни его представить и пастырямъ и пасомымъ къ возможному подражанію.

Когда бо праведниковъ мы похваляемъ, а не подражаемъ святому житію ихъ,—что тогда пользуютъ намъ таковыя похвалы? не пользуютъ онѣ тогда, но вящшему подвергаютъ насъ осужденію, что, и зная и видя добродѣтель прославляемую, мы тѣмъ ни мало не исправляемся, а чрезъ то поступаемъ противъ совѣсти своей, слѣдовательно, и памяти святыхъ должной чести не воздаемъ, да и похвалы ихъ помрачаемъ.

Возведемъ же очи наши, благословенные христіане, на празднуемаго нами святителя, и внимательною мыслію разсмотримъ житіе праведнаго сего.

Онъ съ самаго младенчества все свое прилежаніе обратилъ къ снисканію наукъ и, странствуя по разнымъ мѣстамъ въ разныхъ училищахъ, столько успѣлъ, что славный того времени философъ, Ливаній, не почелъ, чтобы могъ кто кромѣ его достойнѣе быть преемникомъ ему.

Но что намъ—до его философіи, что—до его наукъ? вся философія

вѣка сего, всѣ мірскія науки обыкли только надымать мысль, когда она непросвѣщена закономъ Божіимъ и страхомъ Его святымъ не утверждена. Точно понималъ сіе святый Іоаннъ: онъ собиралъ всѣ мірскія науки для того только, чтобы внести ихъ въ храмъ училища Христова, освятить ихъ и такъ расположить ихъ, чтобы онѣ пользою своею служили великой наукѣ закона Господня.

И для того первое его и величайшее тщаніе было, чтобы испытать тайны Божіи, въ законѣ Его святомъ сокровенныя, и освѣтить мысль свою и сердце лучемъ свѣта несозданнаго. Сколько въ томъ споспѣшествовала ему благодать Божія, видимъ мы то изъ его писаній, исполненныхъ премудрости духовной.

Что мы должны чувствовать въ себѣ, слыша сіе? Не покроется ли стыдомъ лице наше, когда подумаемъ о тщаніи, какое имѣемъ мы къ снисканію просвѣщенія отъ закона Божія? Ахъ! всякъ думаетъ о житейскомъ, но не равно о пользѣ душевной. Многихъ мысль занята страстьми, какъ бы изобрѣсти новые, праведные ли, неправедные ли, способы умножить корысть, какъ бы расширить и украсить свой домъ, какъ бы излишними брашнами отяготить трапезу и чрево, какъ бы роскошною одеждою привести бѣдныхъ въ стыдъ, какъ бы, не думая о заслугахъ, достать высокій чинъ и научиться презирать другихъ, какъ бы обнести другаго хитрымъ образомъ и удовольствовать свою зависть или мщеніе, какъ бы судъ продать на мздѣ и тѣмъ смѣшать небо съ землею. Въ понятіи таковыхъ развратовъ мы излишне просвѣщены.

Но каковы мы въ понятіи таинствъ царствія Божія и правды его? Должно ли о томъ вопрошать? не лучше ли покрыть то молчаніемъ, да не раскроется сія рана наша? Иные погружены въ невѣжествѣ, другіе по тому же пшеницу благочестія мѣшаютъ съ плевелами суевѣрія, а иные заражены и невѣріемъ. Да и какъ сему не быть?—отъ младенчества обучаются съ прилежаніемъ тѣлодвиженіямъ, разнымъ произношеніямъ одной вещи на разныхъ языкахъ, всѣмъ возможнымъ изобрѣтеніямъ корысти своей, а обученіе закону Божію что?—есть дѣло не нужное: есть дѣло поповское, а потому и уваженія не стоящее; можно и безъ онаго честь и счастіе себѣ достать. Такъ, де, нынѣ всѣ въ свѣтѣ думаютъ: намъ не дѣлать собою для всѣхъ примѣръ. О, несчастіе временъ!

И потому не рѣдко торжища бываютъ многонародны, а храмы Божіи пусты, зрѣлища смѣхотворныя преисполнены, а святилища Господни почитаются мѣстомъ скучнымъ и потому непріятнымъ. Что? еслибы въ нынѣшнее время возсталъ Златоустъ, не возгремѣлъ ли бы онъ тѣмъ языкомъ, которымъ развратниковъ своего времени приводилъ въ страхъ и раскаяніе?

Но обратимся паки на зрѣлище святой жизни Златоуста. Онъ, получивъ талантъ просвѣщенія и скадкоглаголиваго языка, не скрылъ ихъ въ землѣ нерадѣнія, но несказаннымъ трудомъ себя отягощалъ, проповѣдуя почти ежедневно слово Божіе, что свидѣтельствуютъ премногія писанія трудовъ его, и до нашихъ временъ, благостію Промысла Божія, соблюденныя. И потому Іоаннъ почитаемъ былъ, яко богодухновенный органъ всей, а особливо Антіохійскій, а потомъ и Константинопольской Церкви.

Сей великій трудъ истиннаго пастыря, намъ всѣмъ грѣшнымъ пастырямъ приводитъ на память неотрицаемый долгъ нашъ. „Горе намъ, аще не благовѣствуемъ“ (1 Кор., 9, 16)! горе намъ, если, взявъ ключъ разумѣнія, ни сами не входимъ, ни другимъ отверзаемъ врата царствія Христова! Горе намъ, если востребуется отъ праведнаго Судіи отвѣтъ не о душѣ нашей токмо, но и о всѣхъ душахъ врученныхъ попеченію нашему! О! страшно есть впасти въ руки Бога живаго!

Но какъ ученіе имѣетъ свое дѣйствіе и успѣхъ тогда, когда тому соотвѣтствуетъ учителева жизнь, то симъ-то наипаче учительство и пастырство свое прославилъ святый Златоустъ.

Кто исповѣсть добродѣтели его? Между многими дарами, которыми исполненъ былъ сосудъ души его, сіи были особливо свойственны ему, что онъ былъ свободенъ и нелицепріятенъ въ обличеніи развращающихъ законъ Божій и обижающихъ другихъ: былъ зѣло воздержанъ, былъ нищелюбивъ, зѣло былъ снисходителенъ къ грѣшникамъ кающимся.

Нелицепріятная его свободность въ обличеніяхъ особливо видна въ сильныхъ выраженіяхъ противъ Евдоксіи, которая употребляла власть свою больше въ грабительствѣ, нежели въ благодѣтельствѣ. Ревностный мужъ не могъ терпѣть развращенія сего, и почиталъ за долгъ свой быть покровителемъ неповинности, не престалъ изобличать оную и исправлять, доколѣ за то не претерпѣлъ и самаго изгнанія. „Но слово Божіе не вяжется“ (2 Тим., 2, 9). Оный обличающій языкъ не умолкъ и доселѣ въ писаніяхъ его чрезъ толико вѣковъ.

Въ пищѣ и питіи Златоустый былъ столь воздержанъ, что тѣмъ себя изнурялъ до изнеможенія, дабы чрезъ то смирить играющую плоть и дать болѣе силы дѣйствовать духу и разуму.

Онъ былъ столь нищелюбивъ, что наиболѣе нравоучительныя свои слова склонялъ къ тому, дабы богатство не истощавать на лучшее употребленіе, какъ токмо на призрѣніе бѣдныхъ и неимущихъ. И какъ часто, держась сего рода нравоученія, онъ, долженъ былъ опорочивать немилосердныхъ богачей, а защищать бѣдныхъ и нуждающихся, то обыкновенно говаривалъ: „скажете вы, богачи: паки ты—на богатыхъ“,

а я вамъ скажу: „паки вы—на нищихъ“! И таковыми поученіями своими онъ привелъ градъ Антіохію дотого, что могъ уже въ одномъ словѣ своемъ сказать: „другіе грады пусть хвалятся высокими зданіями и мраморными столпами, хитро выработанными купелями, а нашъ градъ красенъ тѣмъ, что нищихъ нѣтъ“.

Былъ, притомъ, снисходителенъ къ грѣшникамъ кающимся, изъясняя и возвеличивая Божіе милосердіе, чтобы, кто сколько ни былъ отягощенъ тьмами пороковъ и беззаконій, но если въ томъ истинно покается,—отъ милосердія Божія отверженъ быть не можетъ. И потому вообще отъ всѣхъ Златоустъ прозванъ „проповѣдникомъ покаянія“.

Се, возлюбленные, священная икона житія празднуемаго нами праведника, Духомъ Святымъ начертанная! Се—великій примѣръ просвѣщенія и добродѣтели! Отверзите нѣдра вниманія вашего къ слышанію его полезныхъ наставленій, не молчитъ бо и доселѣ его богоглаголивый языкъ. Составьте ему истинный праздникъ подражаніемъ его добродѣтелямъ: сія есть благовонная жертва прославившему его Богу.

Ты же, святителю Божій, предстояй престолу Владычню! испроси намъ, странствующимъ въ пути жизни сей, руководство всесильной благодати Его, да духъ, проповѣданной тобою, истины наставитъ насъ на всякую истину. Аминь.

Слово, сказанное при первомъ посѣщеніи града Калуги, 1755 года, декабря дня

Уже зрю я и богоспасаемый градъ Калугу и чувствую удовольствіе, видя Промыслъ Божій, желанію моему споспѣшествующій. Да будетъ благословенъ Богъ, вся строяй во благое! Когда же именую градъ Калугу, не разумѣю сіи зданія града, но живущихъ въ немъ, да не просто живущихъ, но живущихъ во благочестіи и украшенныхъ всякими добродѣтелями. Ибо, что бы былъ градъ, еслибы былъ онъ жилищемъ развращенныхъ и несчастныхъ людей? Мы видимъ въ евангеліи Спасителя нашего, плачущаго надъ однимъ градомъ и приговаривающаго: „Іудее, Іудее! се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“ (Лук., 13, 35).

Но могу сказать, что и самыя зданія града сего приносятъ мнѣ увеселеніе. Ибо, какъ селенія развратныхъ и неблагочестивыхъ людей называются „селенія грѣшнича“,—такъ и самыя тѣ селенія, гдѣ живутъ добродѣтельные и благочестивые, приносятъ увеселеніе и заслуживаютъ

почтеніе. Одинъ, въ Святомъ Писаніи упоминаемый и руководствуемый Духомъ Божіимъ, увидѣвъ въ порядочномъ расположеніи станъ Израиля, изъ Египта исходящаго, возопилъ: „Коль красны кущи твои, Іакове, и скиніи твоя, Израилю“ (Числ., 24, 5),—не для того, чтобы кущи или шатры, въ которыхъ жили Израильтяне, были красивѣе и великолѣпнѣе другихъ, но что въ нихъ тогда жительствовали Израильтяне, то есть, люди Богомъ любимые и въ Него единаго вѣрующіе, для того тѣ кущи, тѣ шатры прозорливцу святому казались краснѣе всѣхъ въ свѣтѣ зданій.

Такъ, напримѣръ, и доселѣ мы съ благоговѣніемъ почитаемъ тѣ мѣста, которыя стопами Своими освятилъ Спаситель міра, или гдѣ жительствовала или млекомъ воспитывала Превѣчнаго Младенца Пресвятая Богоматерь, или гдѣ какое мѣсто другой кто изъ святыхъ освятилъ потомъ своей добродѣтели, или кровію мученичества; мы таковыя мѣста и зданія, хотя бы они по наружному виду казались и очень некрасными, почитаемъ; слѣды тѣ цѣлуемъ и съ благоговѣніемъ на нихъ взираемъ и прикасаемся за святость добродѣтели и вѣры жившихъ на томъ мѣстѣ.

Сказываютъ, что мучителями и развратнѣйшими Римскими царями построены: Нерономъ—преогромныя бани, Калигулою—преудивительные столпы и пирамиды, Тиверіемъ—пространнѣйшія и преискуснымъ художествомъ театры, или зданія для зрѣнія потѣхъ; но заслуживаютъ ли сіи зданія каковое отъ насъ почтеніе?—никакъ. Они только возвѣщаютъ безполезную пышность мысли ихъ и развратность сердца ихъ; слѣдовательно, достойны одного только презрѣнія.

Такъ-то видите, что слава мѣста и красота зданій заимствуетъ всю силу свою отъ честности живущихъ.

На основаніи сего разсужденія и я чувствую днесь удовольствіе, взирая не на жителей токмо града сего, но и на самыя зданія града сего, яко вмѣстилища христіанъ благочестивыхъ и гражданъ честныхъ.

Чувствуя же удовольствіе, почитаю за долгъ свой пастырскій, при первомъ семъ посѣщеніи врученной мнѣ отъ Бога паствы, отъ сердца пожелать вамъ продолженія вашего успѣха въ добродѣтели, и въ вѣрѣ паче и паче утверждатися.

Почто желать продолженія?—для того, что мы не такъ еще въ жизни сей утверждены, чтобы не могли всякій часъ подпасть искушеніямъ и потерять, многими лѣтами собранный, плодъ. Почему Апостолъ, увѣщавая насъ, говоритъ: „мняйся стояти, пусть блюдется, да не падетъ“ (1 Кор., 10, 12).

Не спитъ въ насъ страсть, всегда силящаяся помрачить разумъ; не спитъ искуситель, завидуя нашему собранному богатству и тщась

окрасти оное; нѣтъ недостатка и въ развратныхъ людяхъ, въ худыхъ содружествахъ и бесѣдахъ, съ пути истиннаго насъ свести стремящихся. „И праведникъ седмижды на день падаетъ“ (Притч., 24, 16), но различествуетъ отъ грѣшника тѣмъ, что праведникъ падаетъ да и востаетъ; „а грѣшникъ, пришедъ во глубину золъ, нерадитъ“ (Притч., Солом., 18, 3).

Таковую убо вѣдая общую нашу опасность, почитаю долгомъ званія моего пастырскаго, съ ап. Павломъ восклицать вамъ: „тоежде, что вы отъ Духа Святаго знаете, вамъ воспоминать, мнѣ убо не лѣность, а вамъ полезно“ (Филипп., 3, 1).

„Пріидите убо чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ“ (Псал., 33, 12).

Во-первыхъ, храните твердо сокровище вѣры, яко она есть источникъ благонравія, ибо если кто къ закону почтеніе потерялъ, то чего добраго ожидать? Законъ бо совѣсть нашу удерживаетъ отъ всякаго стремленія на зло. Если же кто сбросилъ сію узду съ себя, тотъ удобно впадаетъ во всякое своевольство и становится игралищемъ плотскихъ склонностей.

Храните соединеніе неразрывно съ Церковью Божіею: ибо Небесный Отецъ не признаетъ Своимъ сыномъ того, кто Его Церковь не почитаетъ своею матерію; и нѣтъ удобнѣе адскому волку поглотить, какъ если прежде онъ отвлечетъ кого отъ стада Христова.

Храмы же сіи священные, сіи домы молитвенные почитайте духовнымъ училищемъ вашимъ и школою Іисуса Христа. Ибо, какъ лѣнивый ученикъ, удаляяся учителя своего, остается въ невѣжествѣ и заблужденіи, такъ и неимѣющій охоты притекать въ сіе духовное училище пребудетъ, конечно, въ невѣдѣніи Бога, закона Его и спасенія своего, и потому, яко слѣпый, удобно впадаетъ въ яму погибели. Да и гдѣ бы намъ, притомъ, найти утѣшеніе отъ различныхъ житейскихъ суетъ и бѣдствій, развѣ въ семъ тихомъ пристанищѣ, при ногахъ святаго алтаря, гдѣ присутствуетъ Духъ Утѣшитель, и пищею святаго Причастія утверждаетъ и веселитъ сердце наше? „Вниду къ жертвеннику Божію“, вопіетъ Давидъ: вниду къ Богу; какому?—„веселящему юность нашу“ (Псал., 42, 4), а кольми паче старость нашу.

Сохраните между собою миръ и согласіе. А сей миръ взаимный ничѣмъ столько не нарушается, какъ тѣмъ, если честность почитается ниже, а прибытокъ выше. Ибо прибытокъ тогда благословенъ, когда чрезъ то нѣтъ обиды другому, когда общей пользѣ нѣтъ подрыва, и когда совѣсть не отягощается; иначе, прибытокъ не проченъ, яко не благословенъ, и бываетъ причиною къ ссорамъ, враждамъ и несогласію.

Имѣя же миръ и согласіе между собою, всякъ удобно и радостно можетъ проходить званіе, въ какое кто призванъ отъ Бога.

Званія же особливо суть сіи.

Родители обязаны пещись о добромъ воспитаніи дѣтей своихъ, чтобы, давъ имъ жизнь, сдѣлать ихъ жизнь доброю и счастливою. А долгъ дѣтей есть принимать наставленія родительскія, яко словеса изъ устъ Божіихъ исходящія, и взаимнымъ вспоможеніемъ свидѣтельствовать имъ свою благодарность.

Властелины должны содержать своихъ подчиненныхъ человѣколюбиво, оказывая имъ утробу отеческую. А долгъ подчиненныхъ есть повиноваться власти, отъ Бога поставленной,—не за страхъ, но за совѣсть.

Мужи и жены должны имѣть взаимную къ себѣ любовь и хранить вѣрность, клятвою предъ алтаремъ утвержденную, и тѣмъ давать дѣтямъ своимъ богоугодный примѣръ.

Купцы и художники силою вѣры обязаны не смотрѣть токмо прибытковъ тѣлесныхъ, но паче пещись о честности души и незазорной совѣсти: ибо Богъ благословляетъ труды наши тогда, когда мы добродѣтелію своею Его благословеніе на себя привлекаемъ.

А чтобы всякъ свое званіе проходилъ въ надлежащей исправности,—наблюденіе сего Владыка Господь поручилъ вамъ, о пастыри и учители духовные. О, сколь великое званіе!

Какой надобно просвѣщенной души, какой добродѣтели, какой бодрости, какого воздержанія, какого некорыстолюбія?

Размышляйте почасту о великихъ своихъ обязательствахъ, просвѣщайте мысль свою знаніемъ закона Божія, предшествуйте стаду вашему примѣромъ благой жизни, „яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца небеснаго“ (Матѳ., 5, 16), достойно васъ въ званіе сіе призвавшаго.

Убойтесь Судящаго праведно, да не кровь погибающихъ овецъ отъ рукъ вашихъ взыскана будетъ. Помогите мнѣ, несчастливому, въ ношеніи великаго бремени сего, споспѣшествуйте въ дѣланіи винограда Господня; а благодать Божія всегда готова помогать намъ, только бы мы сами не препятствовали тому. Ибо, кто лѣнивъ, невоздержанъ, развратенъ, тотъ самъ не допускаетъ до себя дѣйствія благодати Божіей.

Но какъ дѣло благодати Божіей, по словамъ Апост. Павла, есть, „не токмо еже дѣяти, но и еже хотѣти“ (Филипп., 2, 14); то есть, она не токмо въ дѣлахъ нашихъ споспѣшествуетъ намъ, но и самое хотѣніе наше располагаетъ къ доброму, то я днесь и призываю отъ всего сердца моего предъ лицомъ алтаря Господня сего благаго Бога, да поможетъ

всѣмъ и каждому изъ васъ проходить должности ваши со всякимъ успѣхомъ, да ниспошлетъ на васъ, на ваши домы, на вашихъ дѣтей на ваши промыслы, на ваши слова, дѣла и намѣренія всесильное благословеніе Свое, къ славѣ имени святаго Своего и ко спасенію всѣхъ насъ. Аминь.

Слово, сказанное во градѣ Калугѣ, при случаѣ присутствія Ея Императорскаго Величества въ оном градѣ, въ декабрѣ 1775 года.

Не можетъ для васъ, счастливые обитатели града сего, быть большее торжество, какъ въ сей день, въ который Богъ обрадовалъ васъ посѣщеніемъ Августѣйшей нашей Государыни и дражайшей Матери отечества. Если воображеніемъ токмо единымъ ея священныя особы, и чувствуя плоды мудраго правленія ея, вы наполнялись веселіемъ и радостію, то какое должно быть удовольствіе ваше, сподобившись днесь узрѣть и сладчайшее лицо ея? Когда Моисей, удостоившись бесѣды съ Богомъ на горѣ Синайстѣй въ сѣни и гаданіи, послѣ той чудной бесѣды сходилъ съ горы: то лицо его просіяло и отъ себя испускало свѣтозарные лучи. Подобною радостію, вижу я, лица ваши сіяютъ днесь и, яко лучи, испускаютъ видимые знаки внутренняго веселія вашего, когда вы взираете на Августѣйшую особу, носящую на себѣ образъ Божій, и слышите сладчайшій гласъ ея. Блаженнымъ и себя почитаю я въ часъ сей, что при первомъ, по долгу пастырства моего, посѣщеніи града сего, имѣю вожделѣннѣйшій случай быть участникомъ торжества вашего и, съ радостными вашими восклицаніями, соединить недостойныя молитвы мои о сохраненіи здравія Великой нашей Монархини и о благостояніи благословенной державы ея.

Но еще болѣе увеличится радость наша и удовольствіе, когда мы примемъ въ разсужденіе, какое есть намѣреніе, что Монархиня наша предпріемлетъ столь трудныя путешествія, истощавая силы свои и оставляя покой свой.

Вообразимъ себѣ, что вся пространнѣйшая Россія есть яко священный вертоградъ, въ которомъ Помазанница Господня Монаршею рукою своею сѣетъ и насаждаетъ различныя сѣмена мудраго правленія. Сей великій трудъ долженъ имѣть успѣхъ свой и плодъ. И потому попечительный духъ ея возбуждаетъ преходить страны и мѣста владѣнія своего, да возвеселится о дѣлѣхъ руку своею и да благословитъ Господа,

благословляющаго труды ея. О, намѣреніе, достойное попечительнаго сердца материяго! О, подвигъ, воистину, мужественный и царскій!

Въ соотвѣтствіе сему спасительному намѣренію мы должны такъ расположить себя на сей часъ и навсегда, чтобы Монаршее око ея, съ одной стороны, взирало на насъ, яко на истинныхъ христіанъ, съ другой— яко на честныхъ гражданъ. Въ усмотрѣніи въ насъ сихъ двухъ великихъ свойствъ состоитъ совершенное удовольствіе ея.

Исполненіе сихъ двухъ должностей обозначаетъ достойнаго члена общества; недостатокъ въ томъ или другомъ разрушаетъ благополучіе какъ общее, такъ и частное каждаго.

Разсужденіе о семъ по существу своему должно быть пространнѣйшее, но мы коснемся онаго столько, сколько дозволить могутъ обстоятельства времени.

Вѣра и законъ правительства между собою суть столь соединены, что одно безъ другаго быть не можетъ и, слѣдовательно, одно другому вспомоществуетъ. И потому, какъ упражненіе въ однихъ дѣйствіяхъ вѣры, съ оставленіемъ исполненія обязательствъ гражданскихъ, быть не должно: такъ и исполненіе однихъ гражданскихъ обязательствъ, съ пренебреженіемъ или оставленіемъ дѣйствій вѣры, есть недостаточно и опасно. Ибо въ первомъ случаѣ не былъ бы истинный плодъ вѣры, но лицемѣріе; а во второмъ было бы дѣйствіе, повидимому, удовлетворительное, но твердаго основанія неимѣющее, а потому и ненадежное, яко только къ однимъ случайнымъ обстоятельствамъ приноравливающее себя.

Таковая мысль сама собою есть всякому ясна и основательна; но не тѣмъ ли любезнѣе должна быть для насъ святость вѣры, когда она сама утверждаетъ сію мысль нашу и, какъ бы отрицаясь своихъ преимуществъ, прямо открывается, что недовольна она, когда кто, единственно къ дѣйствіямъ ея себя привязывая, оставляетъ обязательство гражданина? Что бо значатъ слова оныя Спасителя нашего: „Воздадите убо яже кесарева кесареви, и яже Божія Богови“ (Матѳ., 22, 21)? Что значатъ сіи Евангельскія слова? Не прямо ли совокупляютъ нераздѣльно христіанина съ гражданиномъ, и не ясно ли утверждаютъ, что жертва, возносимая Богу, тогда Ему есть пріятна, когда возжена она усердіемъ и повиновеніемъ къ особамъ, представляющимъ на землѣ образъ Его? Такъ какъ воздаваемое и симъ лицамъ повиновеніе не можетъ не быть сомнительно, если бы мысль не возносилась благочестіемъ къ той верховной Власти, отъ Которой они поставлены на землѣ. „Воздадите убо яже кесарева кесареви, и яже Божія Богови“.

Но почто бы нужно было симъ двумъ великимъ должностямъ всегда быть совокупленнымъ? почто?—ихъ и предметъ есть единъ, и

конецъ единъ: предметъ—честность совѣсти; конецъ—благополучіе и временное и вѣчное.

Законъ правительства повелѣваетъ всякому проходить пристойную должность, вѣра обязываетъ къ тому и самую совѣсть. Законъ правительства представляетъ нерадивому и развратному безчестіе въ обществѣ и наказаніе, вѣра претитъ таковому Божіимъ неблагословеніемъ и гнѣвомъ. Законъ правительства уставляетъ прилежному и честному исполнителю должности временныя выгоды и награжденія; вѣра обнадеживаетъ таковаго, что и въ самой вѣчности онъ будетъ наслаждаться плодами честности своей.

Если бы одного изъ сихъ въ комъ недоставало, безъ сомнѣнія, можно будетъ заключить, что въ немъ—или вѣра лицемѣрная, или честность притворная. А потому „мужъ двоедушенъ, и неисправенъ во всѣхъ путехъ своихъ“ (Іак., 1, 8), слѣдовательно, ни къ небу, ни къ землѣ прямого отношенія имѣть не можетъ, и есть нѣкоторый уродъ въ человѣчествѣ.

Но почто многими разсужденіями утверждать сію истину, когда въ благоучрежденномъ и православіемъ цвѣтущемъ отечествѣ нашемъ она исполняется самымъ дѣломъ? когда въ немъ и вѣра Евангельская утверждаетъ законы правительства, и законы гражданскіе признаютъ оную за основаніе свое? Нѣтъ святѣе союза сего; но нѣтъ же ничего и дѣйствительнѣе: ибо всему сама Монархиня наша предшествуетъ священнымъ примѣромъ своимъ. Мудрыми законами своими она утверждаетъ силу вѣры, а сія небесная дщерь охотно подаетъ имъ руку помощи; такъ что радостно съ Давидомъ, воспѣвателемъ хваленій Божіихъ и царемъ Израилевымъ, мы можемъ воскликнуть: „Вѣра и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася“ (Псал., 84, 11).

Видя сіе священное сочетаніе въ подданныхъ своихъ, Великая Монархиня веселится духомъ своимъ. Сіе токмо въ предпріемлемыхъ ею трудахъ и путешествіяхъ можетъ быть утѣшеніемъ и облегченіемъ. Сколь убо усладительно должно быть зрѣніе таковой чадолюбивой Матери всякому, но не паче ли днесь жителямъ града сего?

Никогда еще не возсіявалъ имъ столь радостный день, ибо Великая Екатерина, первая изъ монарховъ Россійскихъ, градъ сей присутствіемъ своимъ удостоила. И потому посѣщеніемъ Величества ея они, а съ ними и мы всѣ вкупѣ, столь обрадованы, что, кажется, и зима перемѣнилась для насъ въ краснѣйшую весну, и лѣто Господне пріятное, Пророкомъ предсказанное, открылось намъ днесь. Да ниспослетъ Вышній на священную главу ея благословенія Свои, по мѣрѣ нашихъ желаній: ибо наши желанія безпредѣльны и усердіе нелицемѣрно. Аминь

Слово на день Крещенія Господня *).

„Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“

(Галат., гл. 3, ст. 27).

Въ какую великолѣпную, или паче рещи, царскую одежду облеклись мы, бл. христіане, когда вышли изъ спасительныхъ водъ духовной купѣли! Если бы мы сподобились только надѣть ту одежду, которую Спаситель нашъ носилъ на священныхъ раменахъ Своихъ, но что я говорю: надѣть ту одежду? хотя бы токмо прикоснуться къ ней! Ибо оная жена болѣзнью страждущая, но вѣрою здравая, справедливо говорила: „аще токмо прикоснуся ризѣ Его, спасена буду“ (Матѳ., 9, 21). Такъ если бы одно прикосновеніе ризамъ Спасителевымъ могло намъ послужить во спасеніе, то какой уже долженъ открыться источникъ благодати, когда мы чрезъ крещеніе облекаемся не въ ризу Христову, но въ Самого Его! „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ (Галат., 3, 27). Еслибы кто изъ смертныхъ предсталъ предъ очи наши, облеченъ въ царскую, украшенную златомъ и безцѣнными каменіями, порфиру, имѣя на главѣ драгоцѣннѣйшій вѣнецъ и покрытъ всѣми блистающими царскими утварями,—поистинѣ, онъ, не могъ бы нимало сравниться съ тою красотою, которую имѣетъ душа, во Христа облекся. Ибо что—злато, что—сребро, что—драгое каменіе?—есть земля и пепелъ, есть вещь, которая сама въ себѣ ничѣмъ не превосходитъ другія вещи, а только обманчивое мнѣніе человѣческое отличаетъ оную отъ другихъ вещей, человѣческая же алчба и гордость придаетъ имъ цѣну. Такъ что—злато, что—сребро, что—драгое каменіе въ сравненіи съ тою, купленной безцѣнною кровію Спасителевою, благодатію, которая изливается на крещаемаго? въ сравненіи съ той правдою, которою грѣшникъ предъ Богомъ оправдывается? въ сравненіи съ той святынею, которая очищаетъ отъ всѣхъ страстей? въ сравненіи съ тѣмъ усыновленіемъ, чрезъ которое мы, странніи, то есть, удаленніи отъ Бога и пришельцы, становимся сожители и присніи, то есть, домашніи Богу? что—въ сравненіи съ тѣмъ свѣтомъ, дѣйствіемъ котораго праведницы сіяютъ яко солнце, да и солнце, которое не знаетъ запада? Ибо облещися во Христа есть что?—есть стать оправданнымъ, освященнымъ, непорочнымъ, стать сыномъ Его и получить право наслѣдія вѣчныхъ благъ. О, краснѣйшее облаченіе! О, достойная утварь чадъ Божіихъ!

---

*) Сказано въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, 1776 года.

Но чтобы намъ нѣсколько обстоятельнѣе узнать, какимъ образомъ мы облекаемся во Христа, или, если смѣемъ сказать, облеклись уже, то, сколько можетъ дозволить время, изъяснимъ силу тайны крещенія нашего.

Тайна крещенія, во-первыхъ, отверзаетъ намъ дверь въ Церковь Христову, то есть, записываетъ насъ въ число благословенныхъ христіанъ. Когда родился Спаситель, кесарь римскій велѣлъ описать всю вселенную, чтобы ему точно узнать подданныхъ своихъ и число ихъ. Въ то же самое время верховный совѣтъ Божій опредѣлилъ черезъ апостоловъ описать всю вселенную, чтобы точно узнать вѣрующихъ въ посланнаго отъ Него Сына Божія и таинственное число ихъ. Сіе записываніе въ число вѣрныхъ слугъ Божіихъ бываетъ при крещеніи, и имя крещаемаго безсмертною Создателевою рукою вносится въ оную вѣчную книгу, которую тайновидецъ Іоаннъ видѣлъ, семью печатьми запечатлѣнну. „О, блаженъ тотъ, который сподобится, чтобы о немъ сказаны были оныя слова: „Побѣждаяй, той облечется въ ризы бѣлыя, и не имамъ отмыти имене его отъ книгъ животныхъ, и исповѣмъ имя его предъ Отцемъ Моимъ и предъ ангелы Его“ (Апок., 3, 5). Тогда какъ, напротивъ, несчастливъ есть тотъ и окаяненъ, котораго имя изгладится изъ книги живота.

Да развѣ сіе имя благословенное, которое мы получаемъ въ крещеніи, можетъ изглажено быть?—можетъ, поистинѣ. Для сего вонмите слѣдующему. Тайна крещенія есть и называется „завѣтъ“, то есть, просто сказать, договоръ. Въ семъ завѣтѣ, договаривающіяся лица суть кто?—Богъ и ты, человѣкъ. Богъ съ Своей стороны договоръ пишетъ сими, отъ Пророка объявленными, словами: „Сей завѣтъ, егоже завѣщаю дому Израилеву по онѣхъ днехъ: дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу ихъ, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе: и не имать научити кійждо искренняго своего, и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси увѣдятъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ: зане милостивъ буду неправдамъ ихъ, и беззаконій ихъ не имамъ помянути ктому“ (Іерем., 31, 33—34), можетъ ли быть что снисходительнѣе и благоутробнѣе обязательства сего, каковое Самъ Богъ пріемлетъ на Себя для насъ? но какое же и ты, человѣкъ, вступающій чрезъ крещеніе въ сей завѣтъ благодати, даешь на себя обязательство? Ты или самъ, или устами родителей и воспріемниковъ своихъ предъ лицемъ всей Церкви, зрящу на тя Самому Богу и ангеломъ Его, самопроизвольно говоришь: „отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его“; потомъ, отрекшись всего сего богомерзкаго и мрачнаго служенія, обращаешься на востокъ и исповѣдуешь сердцемъ и усты глаголя: „Сочетаваюся Хри-

сту. Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя. Вѣрую въ Сына Божія, ради меня воплотившагося и умершаго. Вѣрую въ Духа Святаго, Источника святыни моея. Вѣрую быти единъ ковчегъ спасенія, православную Церковь, членомъ которой становлюсь я: признаю сіе дѣйствіе крещенія отверзающимъ мнѣ входъ въ царство свѣта. Ожидаю воскресенія мертвыхъ, и что блаженству праведныхъ, мученію нечестивыхъ и развратныхъ людей не будетъ конца". Вотъ каковое обязательство ты, христіанинъ, въ крещеніи пріемлешь на себя!

Завѣтъ или договоръ имѣетъ свою силу тогда, когда обѣ, вступившія въ договоръ, стороны хранятъ вѣрно обязательство, какое приняли на себя. Но когда одна сторона нарушила обязательство свое, тогда другая сторона обѣщаніе свое исполнять не можетъ или нужды не имѣетъ. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы Богъ, вступающій съ нами въ завѣтъ въ крещеніи, не былъ твердъ и неизмѣненъ въ Своемъ обязательствѣ. Онъ есть самая истина и солгати не можетъ: „вѣренъ есть,—Апостолъ вопіетъ,—„вѣренъ есть обѣщавый" (Евр., 10, 23). Почему, если мы съ своей стороны данное при крещеніи обязательство хранимъ неизмѣнно, да будемъ благонадежны, яко Онъ данное обѣщаніе исполнитъ совершенно, яко будетъ намъ Богъ, будетъ намъ утѣшеніемъ, помощію, покровомъ. „Ущедритъ Господь боящихся Его, яко же щедритъ отецъ сыны" (Псал., 102, 11).

Теперь, понеже въ день крещенія всѣ мы запечатлѣны благословеннымъ именемъ христіанина, всѣ мы вступили въ сей завѣтъ и отъ того отрещись не можемъ,—теперь въ сей священный день, когда празднованіе Крещенія Господня приводитъ намъ на память наше крещеніе, взойди всякъ въ самого себя—въ сердце свое, въ совѣсть свою, и разсмотри съ прилежаніемъ, со вниманіемъ, вѣрно ли хранишь ты данное тобою въ крещеніи обязательство?

Отрекшись сатаны, не служишь ли паки ему пренебреженіемъ о богопочтеніи, о благочестіи, безбожіемъ, лицемѣріемъ, расколомъ и суевѣрствомъ? Отрекшись всѣхъ дѣлъ его, не погруженъ ли въ оныхъ темныхъ дѣлахъ, открыть которыя не допускаетъ нѣкоторый остатокъ стыда совѣсти? Ибо всѣ таковыя дѣла называются дѣлами тьмы, ибо имъ предводитель есть князь тьмы.

Отрекшись всей гордыни его, не занята ли мысль твоя симъ гордымъ искушеніемъ, чтобы презирать другихъ подобныхъ тебѣ, да еще притомъ и не думать, чтобы ты когда-либо въ дѣлахъ своихъ долженъ кому дать отчетъ?

Сочетавшись Христу, подражаешь ли кротости и снисхожденію Его? или еще и не раздвоено ли сердце твое невѣріемъ, и великій пунктъ вѣры не утверждаешь ли на слабомъ основаніи немощи разсудка человѣческаго?

Вѣруя единому Богу, Вседержителю, съ такою ли осторожностію ведешь жизнь твою, чтобы увѣрену быть, яко на всѣ твои дѣла, слова и намѣренія всегда взираетъ оный всевидящій Вседержитель?

Вѣруя воскресенію мертвыхъ, такъ ли ты хранишь сосудъ тѣла своего, чтобы онъ могъ быть достойнымъ храмомъ Духа Святаго.

Ожидая жизни будущаго вѣка, прежде онаго великаго суднаго дня не осужденъ ли ты уже отъ совѣсти твоей?

Ежели сіи твои обязательства ты сохранилъ вѣрно, или и нарушенныя исправилъ покаяніемъ, то слыши взывающій тебѣ гласъ Апостольскій: „Нѣси уже рабъ“, рабъ страстей, „но сынъ“, сынъ благодати, „сосудъ устроенъ въ честь“ (2 Тим., 2, 12) и благословеніе.

Да запечатлѣемъ, православніи, сіе наставленіе въ мысли и въ сердцѣ своемъ и, когда узримъ погружаемый животворящій Крестъ—дѣйствіе, изображающее Господне крещеніе: тогда приведемъ себѣ на память крещеніе наше и данныя въ немъ обязательства, да, по Апостольскому увѣщанію, „цѣломудренно“, въ сохраненіи тѣлесныя и духовныя чистоты, „и праведно“, въ обхожденіи съ ближними нашими, „поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“ (Тит., 2, 12 и 13). Аминь.

Слово въ недѣлю Мытаря и Фарисея *).

Когда мы собрались въ сей священный храмъ, чтобы приношеніемъ усердныхъ молитвъ и жертвы изліять сердца свои предъ Господемъ, тогда, въ сіе самое время, что благовѣствовало намъ Евангеліе (Лук., 18, 10)? Оно объявляло также о двухъ человѣкахъ, вшедшихъ въ церковь помолитися, изъ коихъ, де, единъ—фарисей, а другой—мытарь. Фарисей, то есть, человѣкъ почитаемый за знающаго законъ и волю Господню, и о себѣ мнившій, что онъ—вождь слѣпымъ, свѣтъ сущимъ во тьмѣ, наказатель безумнымъ, учитель младенцемъ, а мытарь, то есть, который въ мнѣніи народомъ почитался не токмо невѣжею, но и думающимъ объ однихъ, какіе бы то ни были, способахъ, какъ пріобрѣсть корысть.

Нельзя, кажется, подумать, чтобы фарисей предъ мытаремъ не оказался въ богослуженіи исправнѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ и богоугоднѣйшимъ; но иные суть суды Божія, иныя мнѣнія человѣческія. Мытарь, по свидѣтельству небесной истины, изыде изъ церкви

*) Сказано въ каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ, 1776 года, при случаѣ отъѣзда изъ Москвы въ Санктпетербургъ.

оправданъ въ домъ свой паче фарисея. Оба они плыли: и у одного корабль былъ нагруженъ богатствомъ добродѣтели, но въ самомъ пристанищѣ онъ потопилъ корабль свой; а другой привлекъ корабль праздный, или паче наполненный неправдою и мытарствами мірскими, но, нагрузивъ оный корабль свой безцѣннымъ сокровищемъ благости Божіей и милостиваго оправданія Его, благополучно поплылъ въ свое отечество.

Примѣру сему мы должны внимать съ великимъ прилежаніемъ. Ибо мы по долгу христіанскому также, особливо во дни воскресные и праздничные, приходимъ въ церковь помолитися. Какое же было бы несчастіе наше, если бы мы потонули въ самомъ пристанищѣ, если бы, пришедъ во врачебницу, мы получили въ оной не исцѣленіе, но больше усиливаніе болѣзни своей? Міръ полонъ соблазновъ, и что, если бы изъ самаго того мѣста, гдѣ мы надѣемся обрѣсти себѣ убѣжище отъ мірскихъ соблазновъ,—изъ самаго того мѣста вышли, нося печальнѣйшій знакъ гнѣва Господня? О, страшный жребій, достойный пасть на однихъ токмо сосудовъ гнѣва!

А чтобы намъ, возлюбленные, исходить изъ святаго мѣста сего съ Божіимъ благословеніемъ,—намъ надлежитъ приходить въ оное съ надлежащимъ пріуготовленіемъ. А къ лучшему выразумѣнію сего, разсмотримъ мы слѣдующее.

Сколько мытарь ни былъ занятъ мірскими суетами и корыстолюбіемъ, но приходилъ въ церковь помолитися. Будучи въ прочемъ развращенъ, онъ сію, нужную и спасительную для себя, мысль не потерялъ, что надобно въ церковь приходить помолитися. Сія-то мысль была для него дражайшею надеждою къ исправленію жизни своей, которая надежда и не обманула его. Онъ, видно, разсуждалъ въ себѣ: „пусть я много согрѣшилъ, пусть я отяготилъ совѣсть свою неправдою, пусть я заслужилъ гнѣвъ Божій; но, при всемъ томъ, буду я ходить въ церковь молитися. Авось либо, воззритъ на меня человѣколюбивое око Божіе; авось либо, благодать Его коснется окаяннаго моего сердца; авось либо, сѣмя слова Божія, падши на моей душѣ, произраститъ нѣкоторый благій плодъ“. Поистинѣ, такъ мытарь разсуждалъ въ себѣ: ибо иначе онъ не вздумалъ бы никогда пріити въ церковь помолитися. А если бы онъ навсегда отдалилъ себя отъ сего святаго мѣста, въ неисправности и въ нераскаяніи окончилъ бы свою окаянную жизнь: „се бо,“ вопіетъ Давидъ, „удаляющіися отъ Тебе погибнутъ“ (Псал., 72, 27).

Вотъ—видимая польза, какую мы можемъ пріобрѣтать въ сихъ храмахъ священныхъ. Такъ что же мы думать должны о тѣхъ людяхъ, которые подражаютъ мытарю, бѣгая за прибытками и муча душу свою

алчбою корыстолюбія, но не подражаютъ мытарю хожденіемъ въ церковь помолитися, которые въ самые тѣ часы, когда приносится мирная о всемъ мірѣ жертва, стоятъ праздны на торжищахъ, бѣгаютъ по домамъ, ища въ непостоянствѣ человѣческомъ себѣ покрывательства, думаютъ себѣ найти отраду въ плотскихъ увеселеніяхъ, каковыя обыкновенно оканчиваются горестію? Что о такихъ людяхъ думать должны? по человѣчеству и единовѣрію сожалѣть и воздыхать, тѣмъ паче, что они чрезъ то теряютъ лучшую, или паче единственную къ исправленію своему, надежду.

А тѣ достойны не сожалѣнія токмо и воздыханія, но и слезъ и рыданія, которые, находясь въ печальнѣйшей тьмѣ раскола, совсѣмъ отторгаются отъ Божественнаго сословія христіанъ. Боже мой! да пусть бы они хотя отъ любопытства пришли созерцать духовнаго совершенія Святыхъ Таинъ, и отправленія священныхъ обрядовъ Церкви, мню и увѣренъ есмь, что благодать Божія обратила бы имъ самый сей ихъ хотя любопытный въ церковь приходъ въ случай внимательнѣе вникнуть въ свое заблужденіе. Но, удаляясь отъ Церкви, они подвергаютъ себя оному страшному изреченію: „Ослѣпи очи ихъ и окаменилъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ“ (Іоанн., 12, 40).

Потщимся убо, возлюбленніи, держатися алтаря Господня не паче, яко якоря священнаго. Здѣсь, если бы не достойны были воззрѣнія Божія наши каждаго молитвы, то молитвы всей Церкви много вспомоществовать могутъ намъ.

Но не довольно токмо приходити въ церковь, а надобно имѣть и пристойное дому Господню расположеніе. Видимъ мы примѣръ самый несчастливый на нынѣ помянутомъ фарисеѣ. Онъ и ходилъ въ церковь молитися, не былъ хищникъ, какъ мытарь, постился два раза въ недѣлю, десятую часть отъ своего имѣнія отдѣлялъ на содержаніе церкви, причта ея и бѣдныхъ; но, понеже явился предъ лицемъ Господнимъ съ видомъ самохвальнымъ и самъ своимъ дѣламъ положилъ цѣну прежде суда Божія, то его не упользовало ни хожденіе въ церковь, ни постъ, ни молитва.

Но чтобы намъ отдать должную честь симъ великимъ добродѣтелямъ, то есть, посту, молитвѣ и милостынѣ, которыя всегда угодны Богу и безплодны быть не могутъ, то я думаю, что фарисей оный не имѣлъ въ сердцѣ своемъ сихъ добродѣтелей. Онъ ежели ходилъ въ церковь, то по одному обыкновенію, по благопристойности, а не по внутреннему движенію сердца. Онъ ежели постился, то или отъ лицемѣрія, или по привычкѣ, или въ то же время, въ которое воздерживался отъ яденія, не воздерживался отъ страстей; ежели онъ давалъ мило-

стыню, то или по самохвальству, или чтобы отъ людей получить о щедротѣ своей величавое мнѣніе, а чрезъ то скорѣе бы достигнуть нѣкоторыхъ страстныхъ своихъ намѣреній.

Понеже, подумайте прошу, можно ли, дабы тотъ человѣкъ, который приходитъ въ церковь, чтобы созерцать совершенства Божіи и въ сравненіи ихъ узнать свои недостатки,—который постится, чтобы, смиривъ плоть свою и укротивъ страсти, дать болѣе силы дѣйствовать духу и разуму,—который даетъ милостыню съ тѣмъ, чтобы отпустилъ ему долги Вышній, яко же онъ отпущаетъ должникомъ своимъ: возможно ли, чтобы человѣкъ, съ таковымъ расположеніемъ пришедый въ церковь помолитися, возмогъ предъ Всемогущимъ велічаво исчислять свои дѣла? Нѣтъ! онъ возопіетъ съ мытаремъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ (Лук., 18, 13); онъ скажетъ съ Авраамомъ: „Азъ же есмь земля и пепелъ“ и, падъ ницъ, поклонится Господеви (Быт., 18, 27).

А изъ сего, благословенные христіане, да замѣтимъ въ нравоученіе свое, что если мы ходимъ въ церковь съ добрымъ расположеніемъ, ежели постимся постомъ истиннымъ, ежели милостыню даемъ съ благимъ намѣреніемъ, то не можемъ опасаться фарисеева осужденія. Не хожденіе въ церковь было ему причиною несчастія, но худое намѣреніе,—не постъ, но лицемѣріе,—не милостыня, но самолюбіе и самохвальство.

Опять мытаря оправдало не мытарство, но сокрушеніе,—не корыстолюбіе, но раскаяніе.

Удалимся пороковъ фарисеевыхъ, да подражаемъ мытареву смиренномудрію и раскаянію. Да будемъ прибѣжны къ церквамъ Божіимъ и тщательны къ выразумѣнію закона Его, да ходимъ правымъ путемъ Господнимъ, и съ восходящимъ фиміамомъ алтаря да возносятся вкупѣ молитвы наши къ небу. Сохранимъ между собою любовь и согласіе и увѣримъ сердце свое, яко единъ есть надежный путь къ счастію, добродѣтель.

Симъ пастырскимъ моимъ къ вамъ увѣщаніемъ печатлѣю не токмо сіе слово мое, но и всѣ бывшія въ предшедшее время скудныя мои къ вамъ поученія. Ибо я, Богу тако изволившу, долженъ отъ васъ, возлюбленная паства, на время разлучитися,—разлучитися тѣломъ, но не духомъ.

Ты же, Боже, единый истинный Пастырь, глашаяй овцы по имени! сохрани любезную Тебѣ паству сію въ мирѣ, да, утѣшая себя вѣрою во храмахъ сихъ, возвеселятся совершенно въ небесномъ Твоемъ храмѣ блаженнымъ лицезрѣніемъ Твоимъ. Аминь.

Слово въ день Срѣтенія Господня *).

Если нынѣшнее празднованіе разсматривать по силѣ той, какъ оно въ нынѣ читанномъ Евангеліи описано, то открылся бы намъ неисчерпаемый источникъ нравоученія. Но мы примѣтимъ два только сіи важныя обстоятельства: 1) что принесенъ былъ Отрокъ Іисусъ по рожденіи Своемъ въ четыредесятый день во храмъ Господень, въ воспоминаніе чего настоящее празднованіе уставлено. 2) Что старецъ Симеонъ, увидѣвъ совершеніе надежды Израилевой, возрадовался духомъ, что онъ изъ свѣта сего отходитъ съ миромъ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ“ (Лук., 2, 29).

Ежели мы внимательнѣе разсмотримъ только сіи два великія обстоятельства, то много можемъ воспользоваться, чтобы и жизнь свою вести намъ исправнѣе, и спокойствіе духа не потерять во время смертнаго часа.

Блаженная Іисусова Матерь, тщательнѣйшая заповѣдей Господнихъ исполнительница, зная, что законъ повелѣвалъ рожденное дитя по четыредесятихъ днехъ принести въ церковь предъ лице Господне,— сіе священное дѣйствіе совершила въ сей день надъ исполненнымъ благодати Младенцемъ Своимъ.

Но почто уставилъ сіе законъ Божій; почто?—А) Чтобы засвидѣтельствовать Творцу всякаго существа благодарность за даръ, какого дражае ничто быть не можетъ. Ибо что для родителей можетъ быть дражае, какъ любезный плодъ чрева, въ которомъ сіяетъ естественное изображеніе ихъ, и который, и самъ собою и продолжаемымъ родомъ, вѣчно сохранитъ память и имя ихъ?

Б) Чтобы посвятить новорожденное отроча на службу Божію, чтобы записать его въ число вѣрныхъ рабовъ Его, и чтобы онъ, подъ священнымъ Его знаменемъ, воинствовалъ мужественно противъ всякихъ страстей и соблазновъ міра сего.

В) Чтобы испросить себѣ помощь и просвѣщеніе, умѣть воспитать дарованное чадо въ благонравіи и честности, и предостеречь его отъ всякаго развращенія, притомъ, чтобы и самому отрочати испросить всесильное благословеніе Божіе, къ укрѣпленію его слабостей, къ утвержденію въ истинѣ, къ благополучному преплытію пространнаго океана жизни сей, въ которое бѣдственное плаваніе онъ уже вступаетъ.

Вотъ, для чего законъ Божій уставилъ въ четыредесятый день приносить новорожденное дитя въ храмъ Господень.

---

*) Сказано въ Троицкой Лаврѣ, 1776 года, февраля 2 дня.

Сіе важное дѣйствіе, чтобы приносить въ четыредесятый день младенца во храмъ, Церковію христіанскою утверждено и нынѣ у насъ совершается, но совершается съ малымъ вниманіемъ, или, едва не можно сказать, и съ пренебреженіемъ.

Родители или не понимаютъ силы дѣйствія сего, или оба лица, отецъ и мать, при семъ священномъ обрядѣ не присутствуютъ, или вмѣсто себя повѣряютъ другимъ неважнымъ лицамъ приносить младенцевъ въ церковь, а иные сей, яко ненужный, обрядъ и совсѣмъ оставляютъ.

Какая же—наша благодарность предъ Отцемъ вѣковъ за дражайшій даръ, которымъ Онъ благоволилъ благословить насъ, благополучнымъ разрѣшеніемъ утробы матерней и дарованіемъ сладчайшаго плода?

Какое малое вниманіе о томъ, чтобы торжественно посвятить младенца Богу на всегдашнее и безпорочное служеніе Ему?

Какое нерадѣніе о благовременномъ предуготовленіи, чтобы положить твердое основаніе о добромъ воспитаніи сына или дщери, и объ изысканіи средствъ утвердить ихъ мягкіе члены во благонравіи, и съ младенства приводить ихъ къ добродѣтели?

Ежели мы сего не исполняемъ, или еще о семъ и нерадимъ, по что же и празднуемъ день сей? почто, говорю, празднуемъ день сей? Да можно ли еще празднованіе таковое и почесть празднованіемъ, когда мы не разумѣемъ силы празднованія, или ежели и разумѣемъ, но на дѣлѣ самомъ показываемъ иное, а тѣмъ самымъ разрушаемъ и силу празднованія, и самое празднованіе примѣняемъ въ тщетный и безполезный обрядъ?

Нѣтъ, возлюбленные, радости празднованій церковныхъ не премѣняйте въ плачъ и сѣтованіе. Ибо, когда дѣла наши не соотвѣтствуютъ тому намѣренію, для котораго уставлены празднованія, тогда намъ прилично не пѣніями и пѣснями радостными оглашать сіи священныя собранія, но должно облещись во вретище, посыпать главу свою пепломъ и, ударяя въ перси, проливать источники слезъ, принося покаяніе о своихъ согрѣшеніяхъ и прося благодати къ исправленію жизни нашей.

Таковое дѣйствіе, подлинно, было бы печально, но оно обращается въ радость, таковыя слезы омываютъ наши трѣхи, таковое удареніе въ перси отверзаетъ въ насъ входъ Духу Святому, таковое сѣтованіе принесетъ праздникамъ нашимъ веселіе, возбудитъ гласъ нашъ и языкъ на слова и пѣсни торжественныя.

Сей есть первый пунктъ, который заслуживалъ нашего примѣчанія, что Отрокъ Іисусъ въ четыредесятый по рожденіи Своемъ день принесенъ былъ въ храмъ Господень.

Теперь да предстанетъ намъ и старецъ Симеонъ, и зѣло прилично ему предстать: ибо, въ образецъ того, какъ жизнь начинать, Евангеліе представляетъ намъ младенствующаго Господа Іисуса; а какъ жизнь оканчивать, представляетъ старца Симеона.

Скажи намъ, лѣтами и добродѣтелію созрѣвшій, мужъ, какъ намъ оканчивать теченіе жизни и входить въ вѣчность? Онъ говоритъ, что надлежитъ теченіе жизни оканчивать и входить въ вѣчность „съ миромъ“. „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“ (Лук., 2, 29).

О, блаженная кончина, когда кто приближается къ ней въ спокойствіи духа, „съ миромъ“!

А чтобы намъ яснѣе выразумѣть сію мирную кончину, къ которой всѣ мы приближаемся,—посмотримъ на тѣхъ, которые съ Симеономъ могутъ сказать тѣ же слова при послѣднемъ издыханіи своемъ, и которые сего утѣшенія участны быть не могутъ.

Добрый судія, который трепеталъ на одно воспоминаніе неправды, который своимъ утѣшеніемъ поставлялъ доставить справедливости удовольствіе,—отходитъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Трудолюбивый земледѣлецъ, который въ потѣ лица своего снискиваетъ себѣ и дому своему пропитаніе, удаляясь отъ лѣности, пьянства и обмана,—отходитъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Честный купецъ и художникъ, который прибыткомъ своимъ почитаетъ только то, что не нарушаетъ честности, страшась пріобрѣтать что-нибудь ложью, неправдою и обидою другого,—отходитъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Мужественный воинъ, который служилъ Богу и государю съ вѣрою и правдою, принося кровь свою въ жертву отечеству своему,—отходитъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Благословенные супружники, мужъ и жена, которые хранятъ взаимную между собою вѣрность и любовь и, воспитавъ чадъ во благонравіи, промыслили имъ пристойныя и полезныя въ обществѣ должности,—отходятъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Ревностный пастырь, который хранитъ таинство вѣры въ чистотѣ совѣсти и предшествуетъ стаду своему примѣромъ добрыхъ дѣлъ,—отходитъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Монахъ, который сохраняетъ данныя предъ Богомъ и ангелы Его обѣщанія, чтобы препровождать жизнь свою въ цѣломудріи, воздержаніи и послушаніи, всемѣрно убѣгая блудодѣянія, пьянства, роптанія и праздности,—отходитъ отъ свѣта сего съ миромъ.

Всѣ таковые отходятъ съ миромъ, а когда отсюда отходятъ съ миромъ, то есть, въ спокойствіи духа, безъ смущенія совѣсти, то пре-

станутъ они предъ судъ Божій въ упованіи,—и океанъ вѣчной радости изліется въ исполненныхъ миромъ душахъ ихъ.

Сколь же, напротивъ, несчастливы тѣ, которые отходятъ отъ сего свѣта въ смущеніи и безпокойствіи: ибо сіе есть знакъ, что, прежде нежели осудилъ ихъ судъ Божій, они уже осуждены отъ собственной совѣсти своей!

Какъ, напримѣръ, при послѣднемъ дыханіи своемъ, вообразивъ, что надобно въ сей часъ предстать предъ судъ Бога нелицепріемнаго, не содрогнется тотъ судія, который судейство почиталъ для себя случаемъ, чтобы собрать больше имѣнія, и наклонялъ вѣсы свои туда, гдѣ усматривалъ больше злата и сребра?

Какъ, при смерти своей, не исполнится весь страха тотъ земледѣлецъ, который при случаѣ исповѣди подумаетъ, что онъ всю свою жизнь прожилъ въ лѣности, грабительствѣ, лжи и обидахъ?

Какой при смерти—покой тому купцу и тому художнику, который числомъ, вѣсомъ и мѣрою всегда обманывалъ и, думая о прибыткахъ, душу и совѣсть почиталъ за ничто?

Какое утѣшеніе, при часѣ смертномъ, можетъ имѣть тотъ воинъ, который бѣгалъ отъ службы, или имѣлъ житіе и руки нечистыя?

Какъ не приведетъ въ смущеніе и страхъ, открывшаяся надъ главою смертная коса, тѣхъ мужа и жену, которые между собою жили нечисто и въ сварахъ, а потому и дѣтей своихъ примѣромъ своимъ развратили?

Какой ужасъ долженъ объять, при входѣ въ двери вѣчности, того пастыря, который просвѣщеніемъ была самая тьма, а житіемъ—одинъ соблазнъ?

Какимъ страхомъ и трепетомъ, видя предстоящую смерть, должна быть поражена душа того монаха, который блудодѣйствіемъ осквернилъ себя, или пьянствомъ помрачилъ мысль и совѣсть, или праздностію разслабилъ всѣ силы свои?

Всѣ таковые не могутъ, при кончинѣ жизни своей, сказать съ праведнымъ Симеономъ: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“ (Лук., 2, 29). Нѣтъ, но развѣ въ устахъ ихъ слышны будутъ печальнѣйшія сіи слова: „почто родился я? или почто, скоро по рожденіи, не обратился паки въ пепелъ и въ ничтожество? проклятъ буди часъ рожденія моего! куда ни обращу я очи и мысли свои, вездѣ вижу уже написанное для меня опредѣленіе осужденія. Нѣтъ надежды мнѣ ко спасенію: въ страхѣ, ужасѣ и отчаяніи оканчиваю я окаянную жизнь свою, „яко нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ“ (Псал., 37, 4).

Но, чтобы не постигла кого изъ насъ сія ужасная судьба, къ

Тебѣ обращаемся, мертвыхъ Воскресителю и грѣшныхъ Искупителю, Господи! Миръ Твой подаждь намъ и сему морю страстей, миръ нашъ возмущающему, всесильнымъ словомъ Твоимъ воспрети, да утихнетъ отъ волненія, чтобы могли и мы съ праведнымъ Симеономъ, когда будемъ предавать духъ нашъ въ руцѣ Твои, непостыдно сказать сіи слова: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ“. Аминь.

Слово при мvропомазаніи Благовѣрной Государыни, Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны *).

Церковь, сіе святое общество, управляемое Духомъ Святымъ, составляетъ днесь радостнѣйшее торжество. Къ таинственному тѣлу ея присовокупился новый членъ, благороднѣйшій: особа, воспитанная млекомъ вѣры Евангельской, получила достойное мѣсто между избранными Божіими. Душа, просвѣщенная вѣрою Іисуса Христа, взошла въ святилище дома Господня, основаннаго на догматахъ и установленіяхъ, сколько сходственныхъ съ словомъ Божіимъ, столько не меньше достопочтенныхъ и самою древностію. За сіе въ часъ сей мы должны признать себя благодарными Богу, промышляющему о насъ во благое: ибо не токмо чрезъ сіе истина вѣры нашей воспріемлетъ болѣе сіянія, но самое общественное сожительство чрезъ то утверждается болѣе. Совѣсть каждаго признаетъ, что святая вѣра не токмо есть основаніе всѣхъ дѣлъ нашихъ, но и крѣпчайшій союзъ, взаимно соединяющій насъ между собою. Принося убо жертву благодаренія Богу, промышляющему о насъ, мы, при семъ благословенномъ случаѣ, воспомянемъ въ краткости слова и о собственномъ нашемъ сопричисленіи къ Церкви, какимъ путемъ взошли мы въ сей домъ великаго Бога, и какія приняли обязательства, чтобы вести себя достойно святости мѣста сего. Таковымъ образомъ, благодарность наша откроется не словомъ токмо, но можетъ утвердиться и дѣломъ.

„Рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ Духа, духъ есть“ (Іоанн., 3, 6), — говоритъ Евангеліе. Каково начало, таково и происхожденіе,—каково сѣмя, таковы и плоды. Если бы естество наше оставалось въ томъ состояніи неповинности и непорочности, въ каковомъ оно было, когда вышло изъ рукъ Создателевыхъ: то бытіе наше не

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, въ Санктпетербургѣ, въ каменномъ зимнемъ Дворцѣ, сентября 14 дня, 1776 года.

требовало бы „пакибытія“, и наше рожденіе не имѣло бы нужды въ „отрожденіи“. Но, по слову святому, „прилежитъ человѣку помыслъ на злая отъ юности его“ (Быт., 8, 21). Да и печальнымъ опытомъ всякъ на себѣ дознаетъ, что склонности наши подлежатъ всегдашнимъ искушеніямъ, и болѣе льстятъ чувства, нежели дѣйствуетъ сила разума. Таковый составъ, яко испорченный, требуетъ поправленія: такое дѣло, яко себя разстроившее, паки требуетъ рукъ мудраго Художника. Сказалъ Богъ во гнѣвѣ праведномъ Своемъ: „И помысли Богъ, яко созда человѣка, и размысли“ (Быт., 6, 6). О, страшное прещеніе Господне! Надобно же, чтобы благость Его и утѣшила бѣдность нашу Своими Евангельскими словами: „Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный“ (Іоанн., 3, 16). Сей Божественный Посланникъ, яко великаго совѣта Ангелъ, пришелъ на землю и благовѣстилъ миръ. Отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга собралъ Онъ избранныхъ Божіихъ, и водою и Духомъ открылъ путь въ сіе святое общество. „Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царство небесное“ (Іоанн., 3, 5).

Все дѣйствіе есть Духа Божія, вода есть токмо видимое знаменіе того. Если вода можетъ омыть черноту тѣла нашего, не паче ли Духъ Господень силенъ есть истребить тлѣніе души и вліять новыя совершенства въ оную? Онъ одушевлялъ всѣ твари, еще небывшія; Его сила не истощилась, чтобы паки не возставить падшій домъ, и чтобы помраченный образъ Божій не привести въ первое сіяніе.

Но что потребно для сего со стороны человѣка, яко созданія свободнаго?—въ мысли—познаніе истины, въ сердцѣ—раскаяніе. „Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе“ (Марк., 1, 15). Премудрость Божія изобрѣла и къ тому и другому дѣйствительныя средства: къ познанію истины отверста книга Евангелія, къ раскаянію ведетъ правосудіе и благость. Правосудіе, грозящее нераскаяннымъ мщеніемъ неизбѣжнаго наказанія; благость, обѣщающая кающагося принять въ милость и въ усыновленіе. Чья мысль столь была бы помрачена, чтобы не просвѣтилась и симъ свѣтомъ? Чье сердце столь было бы ожесточено, чтобы не было тронуто до глубины дѣйствіемъ правосудія, паче же любви Божіей отеческой? Еще ли мысль твоя въ томъ усумнѣвается? взойди въ священную купель и посмотри, нечистота тѣла твоего не омывается ли сею вещественною водою? больше ли ты увѣренъ о дѣйствіи сей воды, нежели о дѣйствіи Духа Божія? Ахъ! возможно ли чтобы, при твоемъ познаніи истины и при раскаяніи сердца, всемогущая сила Духа Господня не произвела въ тебѣ чудную перемѣну,—чтобы душа твоя не возобновилась, яко орля юность,—чтобы ты не ощу-

тилъ въ себѣ неповинности младенца непорочнаго и радости мужа праведнаго?

Сіе есть дѣйствіе святаго крещенія, сіи суть плоды его: „Рожденное отъ плоти плоть есть, а рожденное отъ Духа духъ есть“. Ежели дитя, рождаемое отъ плотскихъ родителей, пріемлетъ подобіе и въ челѣ, и въ очахъ, и въ устахъ, и въ лицѣ, и въ прочемъ составѣ тѣла,—не паче ли душа, воспріявшая въ себя сѣмя слова Божія и рождаемая дѣйствіемъ Духа Святаго, будетъ носить на себѣ священныя черты Предвѣчнаго Родителя? „Рожденное отъ плоти плоть есть, а рожденное отъ Духа духъ есть“. „Елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася“ (Іоанн., 1, 12). Какая красота! какое благообразіе должно быть рожденнаго таковымъ образомъ! Въ слѣдъ чада Божія, начинающаго шествовать симъ путемъ, гласъ Господень вопіетъ: „Красотою твоею и добротою твоею наляцы, успѣвай и царствуй“ (Псал., 44, 5).

И дабы душа, исполненная даровъ Духа Святаго, осталась неприступною всякой непріязненной силѣ, Богъ благоволилъ оградить оную святымъ мѵропомазаніемъ. Какъ къ ковчегу съ драгоцѣнными вещами прилагается печать, и тѣмъ означается не только драгоцѣнность сокровища, но и предохраняется отъ всякаго прикосновенія руки неправедной: такъ творитъ и Духъ Святый. Наполнивъ чрезъ крещеніе душу безцѣнными дарами Своими, прилагаетъ къ оной печать мѵропомазанія, да всякъ, узрѣвъ сіе знаменіе, узнаетъ избраннаго Божія, и врагъ да не прикасается ему. Съ каковымъ царскимъ преимуществомъ привѣтствуетъ насъ святый Богословъ: „И вы помазаніе имате отъ Святаго“ (1 Іоанн., 2, 20).

По мѣрѣ таковыхъ благодѣяній Божіихъ къ намъ, должно быть и наше обязательство. „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ (Галат., 3, 27). И не напрасно сказано, что мы имѣемъ помазаніе; отъ кого?—„отъ Святаго“. Въ крещеніи мы отрицаемся злаго искусителя всѣхъ дѣлъ, всего служенія его и всея гордыни его, и, таковымъ образомъ отрекшись, сочетаваемся Христу.

Облекся ты, христіанинъ, въ чистѣйшую одежду святости: блюди, да не опорочишь чѣмъ оную. Всегда да будетъ въ устахъ твоихъ сіе святое слово: „умыхъ нозѣ мои, како паки оскверню ихъ“ (Пѣсн., 5, 3)? Святое помазаніе возліяно на главу твою: силу благоуханія сего да сохранишь благотвореніемъ, заслужи любовію къ Богу и къ ближнему, чтобы и тебѣ было сказано: „мѵро изліяное имя твое“ (Пѣсн., 1, 2). Новый завѣтъ, въ который ты вступилъ чрезъ принятіе таинствъ христіанскихъ, утвержденъ на любви, запечатлѣнной кровію Сына Божія.

Сохрани сей завѣтъ, любя всѣмъ сердцемъ Любящаго тебя. Нѣтъ ничего труднаго плѣненному любовію. „Вся препобѣждаемъ“, свидѣтельствуетъ ап. Павелъ, „для Возлюбившаго ны“ (Римл., 8, 37). Симъ священнымъ союзомъ должны быть соединены чада Церкви. Материній гласъ ея ко всѣмъ намъ сей есть: „По звавшему васъ Святому, и сами святи во всемъ житіи будите“ (1 Петр., 1, 15).

Запечатлѣвъ сіе ученіе Духа Святаго на сердцѣ своемъ, и предстоя днесь предъ лицемъ Господа Вседержителя въ общемъ собраніи Его Церкви, принесемъ усерднѣйшія молитвы о сопричисленномъ днесь къ собору избранныхъ Божіихъ членѣ благороднѣйшемъ, благовѣрной Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Да процвѣтаетъ она, яко феникъ, предъ Господемъ,—да возрастаетъ добродѣтелію въ дому Божіи, яко маслина плодовита,—благочестіе да обитаетъ въ непорочной душѣ ея, шествуя всегда путемъ правды и истины,—да будетъ утѣшеніемъ Августѣйшему Всероссійскому Дому, украшеніемъ Церкви, увеселеніемъ отечеству.

Ты же, просвѣщаяй всякаго человѣка грядущаго въ міръ, сохрани всесильное благословеніе Свое неотъемлемо отъ нея, и тѣмъ удиви на насъ древнія милости Твоя, Господи! Аминь.

Слово въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Павла Петровича *).

Мы празднуемъ всерадостный день рожденія Всероссійскаго Наслѣдника, и приносимъ жертву благодаренія Промыслу Вышняго за благодѣяніе Его, оказанное къ намъ въ сохраненіи жизни и въ прочихъ успѣхахъ сей дражайшей для насъ особы. Кто бо охранялъ и утвердилъ младенчество Павлово, аще не Богъ духовъ и всякія плоти? Кто руководствовалъ его въ отрочествѣ, аще не Господь силъ? Кто благополучно ввелъ его въ возрастъ юности, аще не общій Промыслитель всѣхъ тварей? Кто помогъ преодолѣть случившіеся ему неоднократные болѣзненные печальные подвиги, аще не всесильный Врачъ душъ и тѣлесъ? Кто просвѣтилъ мысль его разными знаніями, аще не Отецъ свѣтовъ и Богъ разумовъ? Кто насадилъ добродѣтель въ сердцѣ его, аще не Тотъ, Иже есть токмо единъ благъ? И какъ Моисей, егда простиралъ руки на высоту, тогда Израиль побѣждалъ противнаго Амалика: такъ, егда Августѣйшая Россійская матерь простирала къ Вышнему руки свои, возсылая молитвы о любезномъ

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ Санктпетербургѣ, 1776 года, сентября 20 дня.

плодѣ чрева своего; тогда Павелъ бралъ побѣду надъ всѣми трудностями и, радуясь объ успѣхахъ своихъ, пѣлъ Господеви пѣснь побѣдную.

Сіи убо благодѣянія Божіи заставляютъ насъ приносить ежегодныя торжественныя жертвы благодаренія святому Его Промыслу. И какъ благодарность отъ Бога и человѣковъ пріемлетъ то награжденіе, что принятыя благодѣянія утверждаются и усугубляются: то и мы можемъ возложить несомнительное упованіе на благость Божію, что Онъ, принявъ жертву благодарности нашей, благоволитъ утвердить и умножить благодѣянія Свои къ намъ, токмо, чтобы наше упованіе на Него было истинное. Почему и можемъ мы взять въ разсужденіе добродѣтель надежды нашей на Бога и разсмотрѣть свойства и плоды ея.

Упованіе на Бога есть внутреннее увѣреніе, что, при добродѣтели нашей и непорочной совѣсти, Богъ все устроитъ намъ во благое. Сія истина не только для христіанства, но и для всякаго, одареннаго нѣкоторымъ свѣтомъ разума, есть нимало несумнительна. Слухъ христіанина непрестанно оглашаемъ есть сими изъ святыхъ книгъ словами: „Упованіе мое, Боже, отъ сосцу матере моея“ (Псал., 21, 10). „Благо есть надѣятися на Господа, нежели на человѣка“ (Псал., 117, 8). „Отъ стражи утреннія до нощи, отъ стражи утреннія да уповаетъ Израиль на Господа“ (Псал., 129, 5). „Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ“ (Псал., 54, 23), и прочими таковыми же Духа Святаго внушеніями. А естественнымъ свѣтомъ управляемый то же повторяетъ въ устахъ своихъ не рѣдко для себя и другихъ: „Положись на Бога, Богъ не оставитъ, Богъ—надежда наша“, и прочее подобное. Почему и не было бы нужды еще доказывать истину сію, яко саму чрезъ себя ясную и для всѣхъ несумнительную.

Но, вотъ, между тѣмъ слышимъ мы, что уповающіе на Бога люди сѣтуя вопіютъ: „Боже мой, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? и вскую сѣтуя хожду, внегда оскорбляетъ врагъ“ (Псал., 41, 10)? Да, притомъ, сія на Бога надежда иногда и посмѣваема бываетъ. „На сіе труждаемся,—жалуясь вопіетъ Павелъ,—труждаемся и попошаеми есмы“; а за что? „яко уповахомъ на Бога жива“ (1 Тим., 4, 10). Ибо нѣкоторые, тлѣніемъ вѣка попорченные, люди увѣряютъ себя, что все подвержено разуму человѣческому. Надѣйся на себя и не сумнись, чтобы по острымъ твоимъ расположеніямъ ума не вышло желаемое. Притомъ, держись сего правила: „притворяйся и лукавь“; а хотя и не удался одинъ переворотъ разума, употребляй другой; не удался тотъ, удастся сей. И если бы совсѣмъ тѣмъ дѣло вышло къ несчастію, сія судьбина необходима; и сами, называющіеся благочестивые и богобоязненные, подвержены не меньшимъ превращеніямъ.

Вотъ, камень претыканія на пути праведнаго. Вотъ, изъ сего

смраднаго кладязя можетъ выйти тлѣніе нравовъ, ежели устье его не будетъ загражденo камнемъ истины. И чѣмъ большее утѣшеніе и подкрѣпленіе человѣческое симъ трогается, тѣмъ больше требуется отъ учителя Евангельскаго неослабно утвердить надежду на Бога въ сердцахъ христіанскихъ.

Упованіе на Бога, сказали мы, есть внутреннее увѣреніе, что при добродѣтели нашей Богъ все устроитъ намъ во благое. Сіе увѣреніе происходитъ отъ разсужденія свойствъ Божіихъ и изъ естества самой добродѣтели.

Премудрость Божія, устроившая міръ, связала всѣ вещи между собою такъ, что изъ извѣстнаго союза вещей неотмѣнно должны выходить извѣстныя слѣдствія. Такъ, напримѣръ, удобренная и добрыми сѣменами насѣянная земля, при благорастворенномъ воздухѣ, при благовременномъ дождѣ и солнечномъ сіяніи, неотмѣнно произращаетъ плодъ. Подобно расположилъ Богъ и всѣ союзы вещей, не физическіе токмо, но и нравственные: ибо иначе прервался бы вещей союзъ, и вышло бы нѣчто чрезъестественное. Что же? Одна ли добродѣтель человѣческая выключена изъ сего распоряженія премудрости Божіей? то есть чтобы всѣ въ свѣтѣ вещи имѣли извѣстныя причины, концы и слѣдствія; а одно то, что составляетъ человѣческое благополучіе, подвержено было удачѣ и неизвѣстности? — никакъ. И добродѣтель имѣетъ свой союзъ, да и союзъ пайкраснѣйшій. Употребивъ надлежащія, закономъ совѣсти предписанныя, дѣйствія, выйдетъ добродѣтель; а положивъ добродѣтель, изъ нея прямо выходитъ удовольствіе самимъ собою, радость совѣсти и спокойствіе душевное, пріобрѣтеніе истинной пользы, обществу заслуга непорочная и прочія выгоды безчисленныя. А если бы добродѣтель была препровождаема худыми слѣдствіями, то она и перестала бы быть добродѣтелію: ибо въ семъ, чтобы быть добродѣтели и быть вмѣстѣ причиною несчастія, заключается явное противорѣчіе, почему и быть сему не возможно.

Что же благообразно устроила премудрость Божія, то же самое утверждаетъ и правосудіе Его. Хотя намъ Божественныя свойства совершенно и непостижимы, но нѣкоторые слѣды ихъ Творецъ благоволилъ впечатлѣть въ насъ самихъ. Чѣмъ кто совѣсть имѣетъ непорочнѣе, тѣмъ охотнѣе опредѣляетъ добродѣтели награду. Сія склонность родилась вмѣстѣ съ сердцемъ человѣческимъ: слѣдовательно, проистекла она изъ источника присносущнаго. А потому, какъ святый Давидъ разсуждаетъ, „яко Создавый око, не сматряетъ ли“ (Псал., 93, 9),— можемъ и мы безъ сомнѣнія заключить, что, вліявый въ человѣка склонность къ правосудію, Самъ не правосуденъ ли? „Создавый око, не сматряетъ ли“? Представьте себѣ человѣка, точно слѣдующаго руковод-

ству просвѣщеннаго разума и гласу совѣсти, слѣдовательно, прямо идущаго тѣмъ путемъ, который показалъ ему Богъ. Но куда онъ дойдетъ путемъ симъ?—къ потерѣ истинныхъ выгодъ своихъ, къ несчастію, къ погибели. Какое странное должно быть такое умствованіе, и сколь отъ правосудія Божія удаленное! Если Онъ въ словѣ Своемъ почитаетъ удержаніе мзды наемничи грѣхомъ, вопіющимъ на небо, то не воздастъ ли Онъ Самъ праведнаго воздаянія работающимъ Ему со страхомъ и радостію? „Праведенъ Господь и правды возлюби: правоты видѣ лице Его“ (Псал., 10, 7).

Если же со стороны правосудія Божія есть столь сильная надежда для добродѣтели, то чего уже она должна уповать отъ Его безконечной благости? „Коль благъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ“ (Псал., 72, 1)! Благости Его свойственно есть даровать еще болѣе, нежели мы заслужили. Ибо, создавъ насъ по образу Своему и по подобію, какія могъ имѣть наши заслуги? „Кто прежде даде Ему, и воздастся Ему“ (Римл., 11, 35)? Да и всегда безсмертная Его десница простерта есть ко благодѣтельству. Сіе обязательство Онъ Самъ возложилъ на Себя. Онъ покланяется отъ насъ подъ сими святѣйшими титлами: „Творецъ и Отецъ“. Свойство Творца требуетъ охранять тварь свою, а отца—пещись о благополучіи дѣтей своихъ. Но какъ тѣ свойственно суть чада Его, которыя изображаютъ на себѣ родительскія Его черты подражаніемъ святости Его, то и изливается на нихъ особливый источникъ милосердія. Сіе изъясняетъ Спаситель нашъ въ Евангеліи подобіемъ родительской любви къ дѣтямъ Своимъ: „Кто есть отъ васъ человѣкъ, его же аще попроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему? Аще убо вы зли суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него“ (Матѳ., 7, 10).

Итакъ, изъ разсужденія свойствъ Божіихъ ясно видно, что когда ты расположишь сердце свое къ добродѣтели, а мысль утвердишь въ семъ увѣреніи, что при твоей добродѣтели Богъ споспѣшитъ тебѣ во благое: то въ семъ и будетъ заключаться твое упованіе на Бога.

А изъ сего вотъ что прямо слѣдуетъ: а) Что упованіе наше на Бога состоитъ не въ одномъ токмо мысленномъ умозрительствѣ, но въ самомъ дѣлѣ, то есть, не въ томъ, чтобы положиться во всемъ на Бога, а самому, опустивъ руки, сидѣть со всякимъ разслабленіемъ. Нѣтъ! сіе было бы искушать Бога, аки бы нашему разслабленію и лѣности Онъ могъ быть помощникомъ. Чтобы Богъ управилъ дѣла твои во благое тебѣ, ты съ своей стороны употребляй дары Его и способности на тотъ конецъ, на который Онъ опредѣлилъ, и наблюдай уставленный Имъ

порядокъ: и тогда-то срѣтится твоя добродѣтель съ милосердымъ Божіимъ благоволеніемъ о ней, и сіе будетъ тебѣ твердымъ основаніемъ упованія на Бога. И потому обманываютъ сами себя тѣ, которые, препровождая жизнь зазорную, безъ всякаго раскаянія — тѣмъ не меньше говорятъ, что Богъ милосердъ, и не безпокоятся, чтобъ находились они въ бѣдствіи спасенія. Надобно исправить свою жизнь и подвести ее подъ правило доброй совѣсти, и тогда утѣшать себя упованіемъ Божія благоволенія. „Грѣшнику бо рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя? ты же возненавидѣлъ еси наказаніе“ (Псал., 49, 16—17).

Второе. Какъ сказано о добродѣтели, что она премудростію Божіею введена въ такой союзъ, изъ котораго неотмѣнно должны выходить добрыя слѣдствія, такъ и порокъ находится въ такомъ союзѣ, что нельзя изъ него не выйти худымъ слѣдствіямъ. Тѣ причины, изъ коихъ онъ родится, тѣ окрестности, кои его окружаютъ, ввергаютъ его въ сію тѣсную необходимость. Порокъ тѣмъ самымъ, что—порокъ, есть и будетъ всегда вреденъ и пагубенъ; и потому суетно есть упованіе тѣхъ, которые отъ своихъ худыхъ дѣлъ и предпріятій чего-нибудь успѣшнаго ожидаютъ. „Сія зла сотворилъ еси“,—представляетъ Давидъ Бога къ такимъ людямъ глаголющаго,—„сія сотворилъ еси, и Азъ умолчахъ, и ты вознепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ“ прикрою худыя твои намѣренія, или еще и благоуспѣшу имъ. Нѣтъ, „обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя“ (Псал., 49, 21).

Третье. Которые единственно уповаютъ на вымыслы разума своего, на богатства и достоинства, упованіе тѣхъ есть нетвердое. Просвѣщеніе разума, высокая честь и изобиліе вещей житейскихъ суть, подлинно, дары Божіи, и потребны къ благополучію человѣческому, но на основаніи добродѣтели. Якоже камень драгой въ златой оправѣ, такъ просвѣщеніе—въ добродѣтельной душѣ; якоже градъ верху горы стояй, такъ достоинство и честь—въ человѣкѣ непорочномъ; якоже роза напоенная утреннею росою, тако богатство—въ рукахъ мужа благословеннаго. Но безъ добродѣтели все то есть одна тѣнь, издающая нѣкоторый блескъ, но блескъ невещественный и скоро исчезающій.

Доказывать сіе примѣрами, то есть, что сколь многихъ высокіе вымыслы разума, вмѣсто успѣха, остались посрамленными,—сколь многихъ чести и достоинства не принесли никакой помощи, когда развращеніе подвело ихъ подъ изслѣдованіе суда Божія,—сколь не рѣдко неблагословенное богатство было причиною погибели,—доказывать сіе примѣрами много потребно бы было времени. Довольно утвердить то словами Духа Святаго: „Проклятъ всякъ уповаяй на тварь, а не на Бога жива“ (1 Кор., 16, 22).

Теперь остается рѣшить самое большее затрудненіе, которое намъ

представляетъ не мысль спорливая, но, кажется, самый опытъ, едва ли не всѣми примѣчаемый, или по крайней мѣрѣ многихъ безпокоящій и соблазняющій; а именно, что не рѣдко, де, бываютъ добродѣтельные несчастливы, а злохитрые благопоспѣшны. Сіе искони причиняло великое для честныхъ душъ смущеніе. „Вмалѣ“, говоритъ Давидъ, „не проліяшася стопы моя, миръ грѣшниковъ зря“ (Псал., 72, 2); а къ нему пристаетъ и пророкъ Іеремія: Господи! „Что, яко путь нечестивыхъ спѣется? насадилъ еси ихъ, и они укоренишася“ (Іерем., 12, 1—2). Да и намъ не рѣдко случается, что, когда утѣшаемъ кого въ неповинномъ несчастіи и подкрѣпляемъ его сими словами: „не разслабѣвай въ своей добродѣтели“,—случается на то слышать сіи возраженія: „но какъ же, де, такой-то при развратности своей всѣмъ доволенъ, злохитрыми способами получаетъ себѣ отъ другихъ довѣренность и почтеніе, и вредныя его намѣренія благопоспѣшны; а ты, де, съ своимъ добросердечіемъ остаешься въ презрѣніи, въ бѣдности, а иногда и въ гоненіи“?

Чѣмъ же намъ разогнать сей облакъ? Во-первыхъ, мы можемъ таковымъ возразителямъ сказать: „когда вы, подлинно, думаете, что порокъ столь благопоспѣшенъ, то слѣдуетъ уже вамъ сожалѣть о своей честности и остаться спокойными въ объятіяхъ порока и беззаконія; но можетъ ли что быть ужаснѣе сего“?

Но, чтобы болѣе успокоить мысль сумнящихся, надобно знать, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель и настоящій порокъ? въ чемъ состоитъ истинное счастіе и несчастіе человѣческое? А потому, дабы утвердить, что такой-то добродѣтельный подлинно несчастливъ, надобно взойти въ его сердце, узнать его склонности и намѣренія, разобрать всѣ его дѣла и ихъ окрестности, всѣ ли такъ устроены, какъ надлежитъ, разсмотрѣть его дарованія, всѣ ли приведены въ дѣйство, и такъ ли употреблены и употребляются, и прочая, и прочая. Но видите, что сіе изслѣдованіе есть дѣло суда не человѣческаго, но Божія. А какъ сей судъ есть всевидящъ и праведенъ, то и надобно заключить, что Онъ нашелъ въ томъ добродѣтельномъ человѣкѣ, или въ самой его добродѣтели нѣкоторые недостатки; а если бы, при всей своей непорочности, былъ бы онъ еще несчастливъ, то сіе несчастіе будетъ мнимое. Часто Богъ насылаетъ нѣкоторыя противности къ предосторожности, чтобъ мы не разслабли. Наказаніе Божіе свойственно не есть наказаніе, но его врачеваніе. Сей есть обыкновенный поступокъ премудрости Божіей, чтобы случающимися противностями дать больше дѣйствія человѣческимъ дарованіямъ, и тѣмъ придать бо̀льшее сіяніе, бо̀льшую надежду къ возмездію. То же и о порочныхъ счастливыхъ сказать должно: или есть въ нихъ нѣкоторыя добродѣтели достойныя того награжденія, или то счастіе—мнимое, или еще и руководство къ бо̀льшему

несчастію. Вонми сему ученію, христіанинъ! оно есть душа дѣлъ твоихъ. Ты плаваешь по морю житейскому, симъ кормиломъ управляй корабль твой. Буря волненій при семъ небесномъ сіяніи въ тишину премѣнится, уклонись отъ зла и твори благое, и при семъ увѣряй себя, что скорѣе стихіи истаютъ, нежели, чтобы было не твердо то, что составляетъ благополучіе человѣческое, что насъ соединяетъ съ Богомъ. И въ сей надеждѣ пой предъ Нимъ: „На Тя уповаша отцы наши: уповаша, и избавилъ еси ихъ. Къ Тебѣ воззваша, и спасошася: на Тя уповаша, и не постыдѣшася“ (Псал., 21, 5—6).

„Уповаша отцы наши“, предки наши. Ибо сею надеждою на Бога всегда укрѣпляла и укрѣпляетъ себя сіяющая православіемъ и благочестіемъ Россія. Всѣ благочестивѣйшіе государи наши за первое поставляли, при воспріятіи каковыхъ-либо дѣлъ, возлагать надежду свою на Бога. Основатель града сего царскими устами своими часто произносилъ сей стихъ: „Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя“ (Псал., 32, 22). И потому Богъ столько имъ и въ нуждахъ помогалъ, и въ опасностяхъ покровительствовалъ, и по смерти прославилъ. Сего же упованія на Бога, яко же и престола ихъ,—преемница есть Великая благочестивѣйшая Монархиня наша. И въ ея устахъ часто слышится божественный гласъ сей: „Аще Богъ по насъ, кто на ны“ (Римл., 8, 31)? Ибо вѣдаетъ священнѣйшая душа ея, что человѣческое есть дѣйствовать, а Божіе совершать и счастливымъ увѣнчивать концемъ. И потому свои труды и попеченія объ общемъ благѣ посвящаетъ Тому, Который благоволитъ о добродѣтели и Который вѣдаетъ, какимъ образомъ прославить желаемымъ успѣхомъ наши малосильныя, но отъ добраго намѣренія происшедшія, предпріятія. Каковое Божіе надъ нею и отечествомъ ея благоволеніе мы и самымъ дѣломъ видимъ и проповѣдуемъ. Ибо, поистинѣ, во многихъ случаяхъ открылось для насъ славы и благополучія болѣе, нежели мы чаять могли; и потому всякъ долженъ исповѣдать, что сіе было плодъ надежды на Бога, благочестіемъ украшаемой, Монархини.

Тѣмъ же путемъ шествуетъ и пресвѣтлѣйшій Всероссійскій Наслѣдникъ. Сердце его добродѣтельно и упованіемъ на Бога утверждено: ибо благочестіе въ немъ яко врождено есть. Онъ, если можно такъ сказать, воспитанъ во храмѣ и возрасъ при ногахъ жертвенника. Божіи судьбы посѣщеніемъ Своимъ благоволили искусить сердце его, столько ли непоколебимо оно въ упованіи на Бога при противномъ теченіи вещей, сколько при благопоспѣшномъ. Ибо вѣра въ таковыхъ случаяхъ болѣе открывается. Но благовѣрный Наслѣдникъ здѣсь-то паипаче доказалъ, сколько въ немъ надежда на Бога есть дѣйствительна. Не ему ли свойственны достойны быть начертаны на мраморѣ златомъ

сіи слова: „отнявъ упованіе на Бога, истинно мы всѣ не много причинъ будемъ имѣть, для чего въ свѣтѣ жить“? И для того сіяетъ надъ главою его слава Господня. Въ обрадованіе великодушнаго сердца его, се, уже свѣтомъ небеснымъ возжены ему брачныя свѣчи, дабы, симъ огнемъ воспаленныя, сердца Павла и Маріи были вѣчнымъ залогомъ Россіи, яко пребудетъ надъ нами благословеніе Господне отнынѣ и до вѣка. Аминь.

Слово на радостнѣйшее бракосочетаніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великаго Князя Павла Петровича и принцессы Маріи Ѳеодоровны *).

„Уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему“.
(Матѳ., гл. 22, ст. 2).

Блаженнѣйшее состояніе изображается сладчайшимъ подобіемъ царствія, глаголю, небеснаго браку сына царскаго. Ибо если оное блаженство вѣчное есть столь превосходно, что, по Апостольскимъ словамъ, человѣческое сердце ничего болѣе того пожелать не можетъ, то и бракъ долженъ быть радостнѣйшимъ состояніемъ, когда Евангеліе уподобляетъ ему самое блаженство вѣчное. Истина сего уподобленія тѣмъ есть яснѣе для насъ, что днесь очами своими мы созерцаемъ совершаемый бракъ царскій. Всепресвѣтлѣйшая Монархиня Россіи, отъ Бога царскою діадемою увѣнчанная, се, творитъ бракъ возлюбленному и единственному сыну своему, и своею царскою десницею вводитъ сихъ дражайшихъ для насъ особъ въ торжественный чертогъ брачной радости. Что воздадимъ мы Тебѣ, Промыслителю нашъ, Боже? Наказавъ насъ краткимъ посѣщеніемъ бывшей печали, се, изобильно паки исполняешь сердца наши радости и веселія!

Но прежде, нежели слово наше возлюбомудрствуетъ о сей общей радости, мы представимъ изъ слова Божія пристойное сему дѣйствію нравоученіе. А для сего разсмотримъ сходство употребленія Евангельскаго, чрезъ что откроются намъ свойства и должности брака, и сердце наше тѣмъ болѣе воспламенится къ достиженію внити въ чертогъ небесный.

---

*) Сказано, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ Санктпетербургѣ, въ придворной церкви, 1776 года, сентября 26 дня.

„Уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему“.

Яко же царствіе небесное есть состояніе, которое предуставилъ Богъ для избранныхъ Своихъ отъ самой вѣчности. „Пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе прежде сложенія міра“ (Матѳ., 25, 34). Тако и бракъ есть состояніе, благословенное отъ Бога еще въ раю, при самыхъ начаткахъ міра для прародителей нашихъ и всего потомства ихъ. „И рече Господь Богъ: не добро быти человѣку единому: сотворимъ ему помощника по нему, и благослови ихъ Господь Богъ“ (Быт., 1, 28; 2, 18). И потому „бракъ есть честенъ, и ложе нескверно“ (Евр., 13, 4).

Якоже царствіе небесное уставлено есть, дабы собрать чадъ всѣхъ Авраамовыхъ и наполнить оными райскія селенія. „Житіе наше на небесѣхъ есть, отъюнудуже и Спасителя ждемъ“ (Филипп., 3, 20). Тако бракъ уставленъ отъ Бога для умноженія рода человѣческаго и откровенія на землѣ владычества Божія. „И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и многожитеся, и наполните землю, и господствуйте ею“ (Быт., 1, 27, 28).

Якоже оный союзъ, которымъ душа праведнаго обручается Богу, и по силѣ сего обрученія входитъ въ чертогъ небесный, есть тайна, по онымъ Апостольскимъ словамъ: „Тайна“ супружества „велика есть; азъ же глаголю во Христа и во Церковь“ (Ефес., 5, 32). И потому чувствуемая радость отъ сего союза называется неизглаголанная, ибо она есть таинственная. Тако и бракъ есть таинство и союзъ священный: ибо на являемое предъ Церковію взаимное согласіе мужа и жены ниспосылается невидимая благодать Божія, утверждающая сей союзъ и располагающая ихъ ко взаимному любленію другъ друга. „Яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“ (Матѳ., 19, 6).

Якоже, удостоившіеся внити въ царствіе небесное, соединяются съ Богомъ во единый и никогда же разрушаемый союзъ любви, бываютъ обоженные, бываютъ яко боги, не естествомъ, но сообщеніемъ, по оному Евангельскому блаженному обѣтованію: „Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдаетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидема и обитель у него сотворима“ (Іоанн., 14, 23); и тогда „Богъ будетъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор., 15, 28). Тако, вступающіе въ брачное сочетаніе, тѣснѣйшею любовію другъ съ другомъ связываются; и бываютъ едина душа, живущая въ двухъ тѣлахъ. „Должни суть мужіе любити своя жены, якоже своя тѣлеса: любяй бо свою жену, себе самаго любитъ: никтоже бо плоть свою возненавидѣ“ (Ефес., 5, 28—29).

Якоже бо обручившіи себе Господеви, обязаны хранить любовь

къ Нему Единому, отдать Ему все сердце свое, и всю душу свою, и ничего изъ красотъ міра не любить паче Его. „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ“ (Марк., 12, 30). И потому тѣхъ, кои предпочитаютъ что-нибудь любви Божіей, святое слово называетъ прелюбодѣющими. „Погубилъ еси всякаго прелюбодѣющаго отъ Тебе“ (Псал., 72, 27). Тако и брачніи обязываются предъ Богомъ и ангелами Его взаимною вѣрностію другъ ко другу, и хранить благословенное ложе свое во всякой чистотѣ и непорочности. Ибо, по ученію апостольскому, „не владѣетъ тѣломъ своимъ мужъ, но жена; и не владѣетъ тѣломъ своимъ жена, но мужъ“ (1 Кор., 7, 4).

Якоже соединенные съ Богомъ любовію ревнуютъ о благочестіи, дабы слава и честь любимаго ими Бога не могла быть тронута никѣмъ. „Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержители“ (3 Царств., 19, 10). Тако вступившіе въ супружнее обязательство чувствуютъ въ сердцахъ своихъ ревность, дабы взаимная ихъ любовь и честь никѣмъ не могла быть нарушена. „Крѣпка бо, яко смерть, любы“ (Пѣсн. Пѣсн., 8, 6).

Якоже обручники царствія небеснаго входятъ въ радость путемъ подвиговъ и всѣ, будучи соединены между собой, вспомоществуютъ другъ другу въ подвигѣ семъ. „Возьмите иго Мое на себе, и обрящете покой душамъ вашимъ“ (Матѳ., 11, 29). Тако брачніи входятъ въ сообщеніе, чтобы въ жизненномъ подвигѣ имъ дѣлить всѣ трудности, и взаимною помощію, совѣтомъ и утѣшеніемъ споспѣшествовать другъ другу къ облегченію бремени. И потому называются „супруги“, яко мужественно влекущіе едино ярмо тягости, и для того же при бракосочетаніи пьютъ изъ единой общей чаши.

Якоже, обручившіе себе Господеви, тщатся, да многихъ породятъ духомъ и умножатъ духовное сѣмя Авраамле. Таковъ былъ Павелъ, который Коринѳянамъ пишетъ: „благовѣствованіемъ азъ вы родихъ“ (1 Коринѳ., 4, 15). И о таковыхъ духовныхъ чадахъ Евангеліе гласитъ: „Иже пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася“ (Іоанн., 1, 12, 13). Тако вступившіе въ супружество обязаны воспитывать дѣтей своихъ и учинить ихъ достойными членами общества, то-есть, истинными христіанами и честными гражданами, да, наслаждаясь любезнымъ правомъ родителей, узрятъ чадъ своихъ окрестъ трапезы своея, яко новосажденія масличная.

Якоже входящіе въ торжество небесное предносятъ огнь чистѣйшей любви къ Богу. И потому мудрыя Евангельскія дѣвы, ожидая входа жениха въ чертогъ, „украсиша елей со свѣтильники своими“ (Матѳ., 25, 4). Тако брачущіеся держатъ возженныя свѣщи, что означаетъ ихъ вну-

тренній взаимный огнь любви, возженный огнемъ любви Божіей. „Да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящіи“ (Лук., 12, 35).

Якоже входящіи въ чертогъ Господень бываютъ увѣнчаваемы отъ десницы Божіей, яко побѣдители страстей, по онымъ апостольскимъ словамъ: „Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается ми вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день оный, праведный Судія“ (2 Тим., 4, 7, 8). Тако брачущіеся, при священномъ дѣйствіи бракосочетанія, носятъ на главахъ своихъ вѣнцы; а это есть знаменіе, по толкованію Златоустову, что они восторжествовали надъ всякимъ искушеніемъ отъ страсти и сохранили дѣвство до благословенія Божія.

Якоже Отецъ Небесный, обручая насъ Себѣ, знаменіемъ перстня изобразилъ то въ Евангеліи: видя бо сына, отъ заблужденія къ себѣ притекающаго, „рече къ рабомъ своимъ: изнесите одежду первую, и облецыте его, и дадите перстень на руку его“ (Лук., 15, 22). И потому благодать, увѣряющая сердце наше о любви Божіей, называется „обрученіе Духа“. Такъ и брачущіеся взаимную вѣрность свою свидѣтельствуютъ предъ Церковію премѣненіемъ перстней.

Якоже хотящіи внити на бракъ небесный украшаютъ себя ризою благихъ дѣлъ, и потому неимѣющимъ сего одѣянія входъ въ чертогъ запрещается. „Почто пришелъ еси, не имый одѣянія брачна“ (Матѳ., 22, 12)? И они принуждены, сѣтуя предъ дверьми чертога, произносить сію жалобную пѣснь: „Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, украшенный; но одежды не имамъ, да вниду въ онь“. Тако и брачніи, дабы супружескій союзъ ихъ навсегда пребылъ твердъ и ненарушимъ, должны украшать себя добродѣтелію. И для того верховный Апостолъ отъ супружниковъ не столько требуетъ „обложенія злата“, или „красоты одѣянія ризъ“, сколько того, чтобы былъ „потаенный сердца человѣкъ, въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно“ (1 Петр., 3, 3, 4).

Якоже вси ангели радуются на небеси, видя сыновъ человѣческихъ, входящихъ на бракъ Агнчій и сподобляющихся единаго блаженства съ ними. Тако бракъ, особливо царскій, творитъ общую радость, ибо отъ сего проистекаетъ благополучіе обществу.

Сіе славное уподобленіе царствія небеснаго совершается днесь самымъ дѣломъ. Дражайшія для насъ особы, любезныя имена—Павелъ и Марія, въ предводительствѣ Августѣйшей Всероссійской Матери, вступаютъ въ брачный союзъ и симъ дѣйствіемъ утверждаютъ вкупѣ и блаженство отечества нашего, и въ лицѣ своемъ носятъ божественное изображеніе блаженнаго соединенія всѣхъ насъ съ Богомъ.

Возвеселись убо и восторжествуй, Россія, любезное отечество, во благознаменитый день праздника твоего. На дражайшаго Павла

отъ младенчества до сего дне ты взирала, яко на любезный предметъ радости своей, яко на утѣху свою. Въ бесѣдахъ своихъ, обѣтахъ своихъ, въ молитвахъ своихъ ты всегда включала: „О, да благословитъ Вышній домъ Петровъ! да благословитъ любезное рожденіе Великой Екатерины! Да возставитъ Онъ сѣмя Россійскому Израилю и плодородіемъ да украситъ домъ царствующій! Се, зриши достигшее небесъ куреніе жертвы твоея, преклонившее къ намъ и небеса. Се, зриши исполненіе желаній твоихъ. Павелъ и Марія торжественно входятъ въ священный чертогъ брака. Ангелъ хранитель предходитъ имъ, и лесница Господня увѣнчаваетъ ихъ“.

Да возрадуется убо душа Ваша о Господѣ, о, любезнѣйшая и благословенная чета! „Внидите въ радость Господа своего“. Возженныя свѣщи любви Вашей да не погасаютъ никогда. Путь Вамъ устланъ цвѣтами. Вамъ плещутъ горы и рѣки, древеса плодоносныя возстаютъ на срѣтеніе Ваше. Зефиръ благопріятный вѣетъ на Васъ. Свѣтила небесныя изливаютъ все свое сіяніе на освѣщеніе Ваше, желая содѣйствовать умноженію радости Вашей. Се, зима прейде, дождь отъиде, явишася цвѣти на земли, время обрѣзанія приспѣ, гласъ горлицы слышанъ бысть въ земли нашей. Востани сѣвере, и гряди юже, повѣй въ вертоградѣ нашемъ, и да потекутъ ароматы его. Глава Высокихъ супружниковъ нашихъ, яко злато избранно; очи ихъ, яко голубицы; ланиты ихъ, яко фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе; устнѣ ихъ яко кріны, каплющіи смирну полну; руцѣ ихъ златыя, наполнены Ѳарсиса, гортань ихъ сладость и вси желаніе. Дщери Сіони, дщери Россійстіи! изыдите и видите въ царѣ Соломонѣ, въ вѣнцѣ, имъ же вѣнча Его Мати Его, въ день обрученія Его, и въ день веселія сердца Его. Небесные жители! оставьте свѣтлости свои и соедините сладость радости небесной съ нашею. Дражайшіе супруги! предначните намъ торжество сіе. Возвеселите очеса отечества Вашего, взирающаго на Васъ. Святость обѣтовъ Вашихъ, засвидѣтельствованныхъ предъ алтаремъ, да утвердитъ Вышній печатію Святаго Духа Своего; и ложе Ваше святое и непорочное да оградитъ навсегда всесильнымъ благословеніемъ Своимъ.

А Твое, священнѣйшая главо, Августѣйшая Матерь любезнаго Тебѣ Павла! Твое матернее сердце какимъ восторгомъ радости восхищается днесь! Верховный Царь свѣта, по увѣренію Евангелія, сотворилъ преславный бракъ единородному возлюбленному Сыну Своему, дабы обручить Ему добродѣтельныя сердца и, средствомъ сего таинственнаго соединенія, ввести ихъ въ небесный чертогъ вѣчной радости. И Ты, Всеавгустѣйшая Монархиня, нося всегда, а особливо днесь воспріявъ на себя подобіе Божіе, сотворила бракъ возлюбленному и единствен-

ному сыну своему, дабы сопрящи ему, любезную и украшенную всѣми дарованіями, Марію, а посредствомъ сего благословеннаго соединенія устроляешь блаженство отечеству Твоему, и всѣхъ Твоихъ вѣрноподданныхъ творишь участниками радости царства Твоего. Да будетъ Величеству Твоему нѣкоторымъ утѣшеніемъ и возмездіемъ трудовъ Твоихъ, яко любезная сія чета и имѣющій произойти отъ нихъ родъ будутъ вѣчными проповѣдниками дѣлъ Твоихъ. Мы же духовніи и мірстіи, всякаго чина, состоянія и возраста, Твои вѣрноподданные, не имѣя чѣмъ вознаградить заслуги Твои, всегда будемъ воспѣвать съ Тобою оную пѣснь, которую Архангелъ воспѣлъ блаженной Дѣвѣ: „Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою“ (Лук., 1, 28).

Ты же, Боже, благословивый союзъ брачный! (ибо Твоею вѣчною судьбою сочетавается мужу жена) утверди оный Твоею благодатію, да узрятъ они плодъ чрева своего и да процвѣтаютъ предъ Тобою въ добродѣтели, яко новосажденія масличная. Аминь.

Слово на Рождество Христово *).

Се, паки всеустроляющая благость Божія сподобила мя узрѣть благочестивую паству царствующаго града сего. И можетъ ли что быть благовременнѣе къ сему взаимному, по немаловременномъ разлученіи, привѣтствованію и облобызанію? Звѣзда, возсіявшая на востокѣ, привела днесь царей на поклоненіе явльшемуся во плоти Богу: тотъ же Божественный свѣтъ и насъ совокупилъ на поклоненіе томужде, всегда таинственно на жертвенникѣ возлежащему, Божеству. Пастыри, оставивъ стада, поспѣшили узрѣть Пастыреначальника: мы, не отлучаясь, но вступивъ въ духовное стадо, открываемъ вкупѣ благоговѣніе наше Тому, Его же „жезлъ правости жезлъ царствія“ Его (Псал., 44, 7). Ангели, привлеченные съ неба на землю блаженствомъ человѣческимъ, хвалами Вышнему огласили воздухъ и возвѣстили землѣ спасеніе: мы днесь едиными усты и единымъ сердцемъ, пѣснями и пѣніями наполняемъ сей храмъ священный, и изъ вертепа и яслей призываемъ Его въ сердце свое.

Сей есть плодъ пришествія Спасителева въ міръ сей: ибо Онъ благоволилъ явиться на земли съ тѣмъ, да разстоящаяся соединитъ, разлученная совокупитъ, и во всемъ да устроитъ миръ и соединеніе.

Преклонивъ убо предъ Нимъ колѣна сердца моего, возсылаю бла-

*) Говорено въ каѳедральномъ Чудовѣ монастырѣ, по возвращеніи своемъ изъ Санктпетербурга въ Москву, 1776 г.

годареніе благодѣтельствующему Его Промыслу, принося жертву хвалы о себѣ и о спасеніи всѣхъ людей Его.

Какое же слово въ празднственный день сей предложу вамъ, благословенные христіане,—слово, которое достойно было бы и величества дня сего, и благочестиваго вашего слуха?!

Возьмемъ мы въ разсужденіе нынѣ чтенныя сіи Апостольскія слова: „Нѣси уже рабъ, но сынъ“ (Галат., 4, 7). Ибо ничто не можетъ быть сладчае сего поздравленія, которымъ привѣтствуетъ насъ Апостолъ: „Нѣси уже рабъ, но сынъ“.

Не разумѣется здѣсь „рабство“, состоящее въ подчиненіи законной власти: ибо, по ученію христіанскому, призванный рабъ свободникъ есть Христовъ, то есть, бывъ и въ рабскомъ и въ подчиненномъ состояніи, нѣтъ препятствія имѣть свободность духа и работать Христу добродѣтелію. Внѣшность не составляетъ прямо ни рабства, ни свободности человѣческой, а по внутренности, кромѣ насъ самихъ, никто поработить насъ не можетъ.

У Апостола же рабство разумѣется, когда связана воля, когда человѣкъ не того желаетъ и не то дѣлаетъ, что требуетъ Божій законъ, что требуетъ совѣсть; но желаетъ и дѣлаетъ то, къ чему склоняетъ страсть, къ чему влечетъ развращеніе, что пріятно чувствамъ, а разумъ смущаетъ и огорчаетъ совѣсть. Ничто не можетъ быть тягостнѣе и мучительнѣе рабства сего. Ибо что за удовольствіе—имѣть свободныя руки, но связанный разумъ? имѣть свободный языкъ, но говорить развращенное? имѣть свободное хожденіе, но ходить по стезямъ стропотнымъ и погибельнымъ? Въ такомъ состояніи человѣкъ, хотя бы онъ изобиловалъ всѣмъ, хотя бы, казалось, повелѣвалъ многими, хотя бы власти и волѣ его не было полагаемо никакихъ предѣловъ, но духомъ онъ связанъ, духомъ—рабъ и, по наружности являя видъ человѣка, по внутренности лишенъ главнѣйшаго преимущества человѣческаго. Ибо человѣкъ не по виду прямо есть человѣкъ, но по образу Божію, впечатлѣнному въ сердцѣ его. Когда же разумъ не дѣйствуетъ, совѣсть усыплена, склонность къ добру истреблена; когда, напротивъ, дѣйствуетъ одна страсть, когда порокъ взялъ правленіе надъ умомъ и совѣстью: то гдѣ—образъ Божій, гдѣ—прямой видъ человѣческій, гдѣ—естественная свободность?—погибли, а, вмѣсто того, наступили мракъ, разстройство, рабство и тягость.

О семъ-то рабствѣ разумѣетъ Апостолъ, когда говоритъ: „Нѣси уже рабъ, но сынъ“. И сія ученикова мысль сходна съ наставленіемъ Учителя своего: „Всякъ“,—говоритъ Спаситель,—„творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха“ (Іоанн., 8, 34). Рабъ есть: ибо онъ творитъ не то, чего требуетъ воля Божія, но чего желаетъ развратность сердца.

Отъ сего рабства тяжчайшаго избавлены мы вожделѣннымъ Спасителевымъ пришествіемъ. Какимъ образомъ? вопросите вы.

Когда ученикъ по невѣдѣнію дѣластъ что непорядочно, и учитель въ томъ его наставитъ и вразумитъ, тогда отводитъ его отъ заблужденія, ибо отъемлетъ отъ очесъ его ту завѣсу, которая скрывала отъ него путь истины. Великій Небесный Учитель въ священномъ законѣ Своемъ предъ самыя очи наши представилъ и заблужденія наши и прямый путь спасенія, и тѣмъ направилъ ноги наша на стези мира. И шествовать по пути семъ не восхотѣлъ развѣ бы тотъ, который закрывалъ бы очи свои при самомъ свѣтѣ солнечномъ и отрекся бы принять руку, хотящую извлечь его изъ ямы погибели.

НО ЕЩЕ КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ?

Когда кто содержался бы въ тяжчайшей непріятельской неволѣ, связанъ по рукамъ и ногамъ узами, и влекъ бы горестнѣйшую жизнь, и не могъ бы быть избавленъ, развѣ требуемымъ за то искупленіемъ: тогда, если бы кто, сжалившись, заплатилъ за него требуемый искупъ, тотъ свободилъ бы его отъ рабства и справедливо почтенъ бы былъ его избавителемъ. Для нашего несчастія не довольно было того, что мы учинились рабами грѣха, но и рабами того, который есть предводитель грѣха и радуется о погибели человѣческой. Правосудіе Божіе, осудившее насъ, требовало быть удовлетворено искупленіемъ. Сынъ Божій взнесъ за насъ цѣну крови Своей, драгоцѣнность которой есть безконечная. И потому сила сей заплаты учинила насъ свободными и заставляетъ насъ устами исповѣдывать, а сердцемъ признавать Его своимъ Избавителемъ и Искупителемъ.

Но какъ же,—скажетъ кто,—и въ самыхъ христіанахъ находятся, которые ведутъ развратную жизнь, не иначе, какъ бы и не христіане, и потому не меньше остаются въ рабствѣ грѣховномъ, какъ и тѣ, коихъ никогда не озарялъ свѣтъ Евангелія? О, когда бы никто не могъ предлагать намъ таковаго вопроса! Однако отвѣтствовать надлежитъ. Христіане, и именемъ и вещію таковые, никогда симъ вопросомъ отягощены быть не могутъ. Воинъ, когда есть прямый воинъ, всегда есть мужественъ; начальникъ, когда есть прямый начальникъ, всегда есть правосуденъ; христіанинъ, когда есть прямый христіанинъ, всегда есть добродѣтеленъ. Въ немъ сіяетъ истина: его душа привязана къ закону; онъ охотно слѣдуетъ тому руководству, которымъ ведетъ его благодать. Ибо непреоборимой истины должно быть оное Божіе слово: „Всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ“ (1 Іоанн., 3, 9). А тѣ, которые носятъ имя христіанина, но силы его не разумѣютъ,—которые больше внушаютъ баснямъ, нежели истинѣ вѣры,—которые всегда про-

тивятся Духу Святому, къ добру зовущему,—тѣ сами должны себя осуждать, что, сидя при источникѣ, истаеваютъ отъ жажды: слѣдовательно, таковые ни преимуществъ истинныхъ христіанъ не опорочиваютъ, ни цѣны благодати Евангельской не уменьшаютъ.

И хотя таковые, въ слѣдъ похотей своихъ ходящіе, и чувствительно опечаливаютъ матернюю утробу Церкви Христовой, но не находитъ ли она свое утѣшеніе и увеселеніе въ васъ, благословенныя чада Церкви Божіей! Игралъ Исаакъ въ лонѣ матери своей Сарры: вы радостно ликуете въ нѣдрахъ матери своей Церкви, вы въ торжествахъ ея находите свою отраду, почитаете удовольствіемъ своимъ питать себя безсмертною пищею Тѣла и Крови Христовыхъ, вы претворяете священный домъ сей въ новый Виолеемъ: ибо, гдѣ есть сердце, любовію къ Богу и ближнему украшенное, тамъ есть пріятнѣйшее Христу обиталище. Утвердите убо себя въ подвигѣ благочестія, идите путемъ новымъ и живымъ, освященнымъ Кровію Христовою, и увѣрьте себя, что Апостолъ произноситъ оныя, нами изъясненныя, слова и каждому изъ васъ: „яко нѣси уже рабъ, но сынъ“. Аминь.

Слово на Новый 1777-й годъ *).

Вступили мы въ теченіе Новаго года. Принесемъ благодарность нашу Управляющему временами, Имѣющему власть нашего живота и смерти и весь, такъ сказать, безконечный союзъ тварей мудро преобращающему, Вседержителю Господу. Ибо если мы разсудимъ о времени, о различныхъ преображеніяхъ онаго, о союзѣ, которымъ всѣ вещи связаны и непрестанно стремятся къ одному концу, о Промыслѣ Божіемъ, все оное премудро располагающемъ, о насъ, какъ мы въ томъ же союзѣ обращаемся, о дѣлахъ нашихъ, какія изъ нихъ естественно проистекаютъ слѣдствія; если все то примемъ въ разсужденіе, сколько слабое понятіе наше дозволить можетъ: то мы найдемъ множество неисчислимое случаевъ, причины коихъ скрыты отъ нашего любопытства, но погружены въ судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ. А сіе заставитъ насъ благоговѣть предъ величествомъ Бога непостижимаго. Мы найдемъ множество такихъ приключеній, которыя чрезъ всѣ препятствія и затрудненія Божіею рукою доведены до желаемаго конца, а сіе заставитъ насъ удивляться премудрости Божіей и восклицать: „Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа“ (Псал., 146, 5). Найдемъ премножество и такихъ случаевъ, которые удивительнымъ

*) Сказано въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

образомъ послужили къ нашему или исправленію, или избавленію, или побѣжденію препятствій, казавшихся непобѣдимыми; а сіе должно заставить насъ прославлять Его благость и положиться на Его Промыслъ, съ твердымъ упованіемъ, что скорѣе мать забудетъ отроча, нежели чтобы забыть могъ Тотъ, Который намъ дастъ дыханіе и жизнь, и Котораго благость расположила такимъ образомъ самое матернее сердце.

И хотя сіе разсужденіе есть не токмо пространно, но совершенно и ангельскимъ умамъ едва вмѣстимо; но мы, не забывая своей немощи и несовершенства, коснемся, яко перстомъ, воскрилія ризъ его: хотя только изъяснимъ кратко тѣ случаи, которые или слово Божіе открываетъ намъ, или мы сами усматриваемъ нѣсколько изъ событія нѣкоторыхъ вещей.

Помянули мы о бывающихъ въ мірѣ различныхъ приключеніяхъ.

Въ числѣ сихъ первыя срѣтаются тѣ, причинъ которыхъ, отъ чего бываютъ, мы не узнаемъ, и на которыя взирая, приходимъ въ удивленіе и изумленіе. Таковыя приключенія мы обыкли называть „судьбою“ или „рокомъ“; да называемъ такъ по разуму христіанскому, а а не языческому.

Подъ именемъ „судьбы“ мы не разумѣемъ такое приключеніе, которое вышло по нѣкоторому вѣчному опредѣленію, кое никакая сила, ни Божеская, отвратить не могла и не можетъ. Сего христіанская богословія не пріемлетъ: ибо мы почитаемъ все зависящимъ отъ власти Всемогущаго; и сіе было бы непонятно, чтобы быть какому-нибудь закону, не зависящему отъ предвѣчнаго Законодателя,—или Богъ принужденъ былъ бы слѣдовать нѣкоторому уставу, начала котораго изобрѣсти не возможно. Нѣтъ! „Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ, сотвори“ (Псал., 113, 11). А судьбу или рокъ беремъ мы за приключеніе, причины котораго ни премудрѣйшіе, ни любопытнѣйшіе найти не могутъ, хотя у Бога есть тому причина довольнѣйшая и справедливѣйшая, которая всегда отъ свободной Его власти зависѣла и зависитъ; и мы усмотрѣли бы оную, еслибы были возведены на высшую степень совершенства, или намъ была бы открыта вѣчная судебъ Его книга.

А когда сей причины мы не узнаемъ, то удивляемся, ужасаемся и въ восторгѣ, падъ на землю, вопіемъ: „удивися разумъ Твой отъ мене, не возмогу къ нему“ (Псал., 138, 6).

Таковыя приключенія, напримѣръ, превращенія городовъ, государствъ и народовъ: паденіе перваго человѣка и осужденіе въ немъ рода человѣческаго, мучительное и наглое дѣйствіе зла въ мірѣ, благоуспѣшество развратныхъ людей, презрѣніе, а иногда и страдательное состояніе мужей добродѣтельныхъ, и прочее подобное.

Что мы должны дѣлать при усматриваніи таковыхъ случаевъ? Во-первыхъ, не быть излишне любопытными. „Высшихъ себѣ не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытуй“ (Сирах., 3, 21). „Аще едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ: а яже на небеси, кто изслѣди? волю же Твою, Боже, кто позна“ (Прем. Сол., 9, 16)? Ибо таковое любопытство происходитъ отъ гордости и отъ забвенія своей слабости, и можетъ привести въ заблужденіе, въ презрѣніе вещей священныхъ, слѣдовательно, къ потерянію первой нашей утѣхи, то есть, спокойствія душевнаго, источникъ котораго есть смиренное препорученіе себя Промыслу Божію. Какъ-то въ нынѣшнія времена и самымъ дѣломъ открывается: не мало — такихъ, любопытствомъ подстрекаемыхъ, людей, которые отваживаются дерзостною рукою открывать вещи, покрытыя судьбами Божіими, и которыя должны быть почитаемы благоговѣйнымъ молчаніемъ.

Второе, увѣрить себя, что всѣ таковыя приключенія основаны на премудрости и правосудіи. И потому, когда духъ твой сталъ бы смущаться ихъ необыкновенностію,—признай свою немощь и поклонись Всемогущему, со страхомъ и трепетомъ говоря: „Праведенъ еси, Господи, и прави суди Твои“ (Псал., 118, 137); „азъ же предъ Тобою есмь земля и пепелъ“ (Быт., 18, 27).

Другой есть утѣшительнѣйшій родъ въ мірѣ бывающихъ приключеній, которыя послужили къ нашему или исправленію, или избавленію, или побѣжденію препятствій. Такія, напримѣръ: Моисей, брошенный въ воду для погубленія, но вмѣсто того воспитанный въ дому царскомъ; Іосифъ, отъ братьевъ изгнанный и чрезъ сей случай на престолъ Египетскій возведенный; впадшій въ разбойники, нашедый милосердаго Самарянина; попадшійся каженику Филиппъ; Самарянынѣ случившійся разговоръ со Спасителемъ; Маріи Египетской счастливый, но внезапный приходъ въ церковь; Августину проповѣдь Амвросіева, и прочія подобныя. Да и всяхъ изъ насъ вдѣлъ ближайшіе тому примѣры или на другихъ, или на себѣ, если только съ вниманіемъ разсуждаетъ о себѣ.

Иному послалъ Богъ добрыхъ воспитателей, другому—хорошее дружество, третьему—благоразумнаго начальника, сиротѣ—милосердаго покровителя, сему—чтеніе полезной книги, тому—страхъ примѣрнаго наказанія другихъ, другому—вкушеніе горестныхъ слѣдствій, тому—въ церкви падшее на сердце слово, иному—несчастіе, ибо счастіе нерѣдко въ разслабленіе приводитъ.

Всѣ сіи и подобные случаи не что иное суть, какъ разные способы, коими Промыслъ Божій печется о насъ.

Сіе должно заставить насъ: 1) не пренебрегать таковые случаи:

ибо иные „очи имутъ, и не видятъ: уши имутъ, и не слышатъ“ (Псал., 134, 16). Для чего?—для того, что отдаютъ себя разслабленію тѣлесному и душевному: тѣлесному—чрезъ роскошь и сладострастіе, душевному—чрезъ пренебреженіе закона и опущеніе своей должности. 2) прославлять благость Божію употребленіемъ даровъ, которые получили мы отъ нея показаннымъ способомъ. „Вѣрою стоиши: не высокомудрствуй, но бойся“ (Римл., 11, 20); міръ наполненъ соблазнами: „искупуй время, яко дніе лукави суть“ (Ефес., 5, 16).

Таковымъ образомъ, если мы учредимъ свои поступки, то всегда для насъ будетъ новое время, новое лѣто благости Господней. Старѣемся мы тогда, когда, въ новую ризу добродѣтели не облеченны, носимъ ветхую страстей одежду. Не тогда ли мы для растеній почитаемъ наступившее новое время, новый годъ, когда они покрываются листвіемъ, украшаются цвѣтами, отягощаются плодами? А еслибы при наступленіи весны они пребыли такими же, какими были зимою, то и не почли бы мы, что наступило для нихъ новое время.

И для насъ возможно ли будетъ почесть новый годъ наченшимся, когда стараго, то есть, ни худой привычки, ни застарѣвшей страсти, ни нравовъ перемѣнныхъ не отмѣнили, да и отмѣнить намѣренія не положили?

Что же сіе будетъ за торжество? Церковь Божія уставила праздновать Новый годъ для того, дабы мы (что должны размышлять всякій день), хотя бы въ сей одинъ Новаго года день приняли въ разсужденіе дѣла прошедшаго года и разсмотрѣли бы оныя, въ такомъ ли расположеніи состоятъ, какъ требуетъ законъ, совѣсть, честность, должность. И еслибы мы нашли иначе, должны положить съ начала новаго сего года лучшее всему основаніе тому и обѣщаніе, которое всякъ въ мысли своей долженъ изобразить сими и подобными тому словами: „я намѣреваю, я обѣщаюсь, я клянусь святѣйшимъ именемъ Вышняго—отселѣ, отъ сего дня, отъ сего часа жизнь свою препровождать по правилу вѣчнаго закона, въ сердцѣ моемъ отъ Бога запечатлѣннаго; и столько сего искренно желаю и намѣреваю, сколько желаю, чтобы всегда возсіявало мнѣ „лѣто Господне пріятно и день спасенія“ (Ис., 61, 2).

Ты же, Боже, споспѣши желаніямъ и намѣреніямъ нашимъ: благослови наши дѣла и предпріятія, укрѣпи наши немощи, истреби соблазны, миръ мірови Твоему даруй, святыя Твои церкви исполни присутствіемъ Твоимъ Божественнымъ, отечество наше огради миромъ и тишиною, подаждь изобиліе плодовъ земныхъ, и во всемъ благое споспѣшеніе. Аминь.

Слово на Крещеніе Господне *).

Если при совершеніи крещенія Господня отверзлись небеса, явился Духъ Святый, предстали къ служенію Ангелы (Матѳ., 5, 6): то мы, бывъ участниками того же самаго Крещенія, не составимъ ли общее въ Церкви Божіей торжество, и не признаемъ ли съ радостію и благодарностію усыновленіе наше? О, день священный, день радостнѣйшій духовнаго отрожденія нашего! Ежели мы обыкли, да и не безъ справедливой причины, праздновать день плотскаго нашего рожденія, не паче ли достойно торжественнымъ воспоминаніемъ почтить тотъ день, въ который родились мы духовно и изъ сыновъ гнѣва стали чада Божіи? „Рожденное бо отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть“ (Іоанн., 3, 6).

Но, чѣмъ больше кто понимаетъ выгоды и плоды каковаго дѣйствія, тѣмъ болѣе уважаетъ оное дѣйствіе,—почему и мы, для лучшаго изъясненія и удобнѣйшаго понятія, сдѣлаемъ *сравненіе плотскаго и духовнаго рожденія.*

Начало плотскаго и духовнаго рожденія есть единъ Богъ: ибо и составъ тѣла нашего Его премудрою рукою созидается, и душа отъ Него же изливается; но свойства, дѣйствія и плоды суть различныя.

Въ плотскомъ рожденіи мы приходимъ изъ небытія въ бытіе и, бывъ ничто, пріемлемъ существо и приходимъ въ союзъ прочихъ тварей. Въ духовномъ рожденіи мы также приходимъ изъ небытія въ бытіе. И въ семъ заключается таинство. Ибо человѣкъ, коего разумъ потемненъ, сердце развращено,—человѣкъ, который совсѣмъ себя удалилъ отъ правилъ вѣчнаго закона, есть какъ бы не человѣкъ, есть какъ бы ничто предъ очами Божіими. Почему, когда человѣкъ пріемлетъ въ разумѣ свѣтъ, въ сердцѣ—святость; когда поставленъ онъ на пути правды и истины: тогда прямо становится человѣкъ, тогда въ немъ возсіяваетъ Божій образъ и пріемлетъ видъ достойнаго рукъ Божіихъ созданія. Въ сіе состояніе входимъ мы чрезъ духовное рожденіе. И потому слово Божіе называетъ крещеніе наше „банею пакибытія“ (Тит., 3, 5).

Въ плотскомъ рожденіи, когда мы входимъ въ бытіе, покидаемъ небытіе, которое небытіе для насъ прямо ни полезно, ни вредно быть не могло. Ибо, когда насъ совсѣмъ не было, тогда, подлинно, мы не могли пользоваться дарами, которые съ нашимъ бытіемъ сопряжены; но и вреда намъ никаковаго быть не могло, поелику насъ совсѣмъ не было. Въ духовномъ же рожденіи, получаемое бытіе приноситъ намъ многоцѣнное сокровище благодатей, но и самое небытіе есть для насъ

*) Сказано въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 1777 года.

мучительно и ужасно. Ибо сіе небытіе состоитъ не въ томъ, чтобы насъ совсѣмъ не было, но, при нашемъ естественномъ бытіи, состоитъ въ неимѣніи нами святости, правды и благодати Божіей; а въ таковомъ небытіи оправданія Божія, мы подвержены всей тягости гнѣва Всемогущаго. Слѣдовательно, таковое состояніе есть горестнѣе самаго небытія; что означаетъ Спаситель, подъ именемъ предателя Іуды, о всѣхъ тѣхъ, которые подобны ему: „лучше бы было, аще не бы родился человѣкъ“ тотъ (Матѳ., 26, 24). Да тоже самое изъясняетъ и Откровеніе Іоанново, въ которомъ люди, коихъ постигъ гнѣвъ Господень, будутъ говорить горамъ: „падите на ны“, и холмамъ: „скрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ“ (Апокал., 6, 16).

Въ плотскомъ рожденіи составъ нашъ растворяетъ плоть и кровь, которыя, какъ сами чрезъ себя суть тлѣнны, такъ и не могутъ доставить намъ нетлѣнія: „Зане всяка плоть, яко трава, и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный. Изсше трава, и цвѣтъ ея отпаде“ (1 Петр., 1, 24). Но въ духовномъ рожденіи внутренній нашъ сокровенный сердца человѣкъ зачинается отъ нетлѣннаго сѣмени Духа Святаго, которое какъ есть существа присносущаго, то и нашъ духовный составъ располагаетъ къ безсмертію, по оному слову верховнаго изъ Апостоловъ: „Порождени не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки“ (1 Петр., 1, 23).

Въ плотскомъ рожденіи, какъ только человѣкъ открываетъ очи свои, уже и видитъ свѣтъ, озаряющій очи его, и потому тотчасъ начинаетъ различать вещи однѣ отъ другихъ. И въ духовномъ рожденіи, какъ только христіанинъ вкуситъ глаголъ Божій, и силу грядущаго вѣка, тотчасъ открываются умныя очи его, и онъ видитъ свѣтъ истины и потому тотчасъ начинаетъ различать истину отъ лжи, а чрезъ то полагаетъ въ душѣ своей основаніе, предостерегающее его отъ всѣхъ заблужденій.

Въ плотскомъ рожденіи и члены съ начала бываютъ слабы, и способности мало дѣйствуютъ. Но, чѣмъ болѣе мы приходимъ въ возрастъ, тѣмъ болѣе члены укрѣпляются, и способности наши тѣмъ болѣе начинаютъ дѣйствовать и приходить къ совершенству. И въ духовномъ рожденіи также суть младенцы о Христѣ, помалу возрастаютъ въ насъ дары Духа Божія. Чѣмъ болѣе кто питаетъ свое внутреннее существо безсмертною пищею святой истины, тѣмъ болѣе оно укрѣпляется, тѣмъ болѣе достигаетъ совершенства своего. Но кто пренебрегаетъ симъ духовнымъ питаніемъ, и то стараніе, котораго прямо требуетъ духъ, обращаетъ токмо на кровь и плоть,—тотъ всегда остается младенцемъ, хотя бы онъ достигъ до старости и престарѣнія. Да когда бы то онъ хотъ почитаться младенцемъ, а не вмѣнился бы за немощный и гнилый членъ

здраваго тѣла Христова! Таковыхъ младенцевъ божественный Павелъ находилъ и въ свое время и потому, какъ бы приводя ихъ въ стыдъ, говоритъ имъ: „Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ“ (1 Коринѳ., 3, 2).

Въ плотскомъ рожденіи дѣти получаютъ право наслѣдія, и отецъ располагается къ нимъ естественною любовью; но какъ отеческую любовь заслуживаетъ добродѣтель дѣтей: такъ, напротивъ, развратные и отъ отеческихъ правилъ совсѣмъ уклонившіеся теряютъ право наслѣдія своего. И въ духовномъ рожденіи Отецъ всѣхъ тварей присвояетъ насъ въ усыновленіе Себѣ, и благодать Его даруетъ намъ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. „Нѣси уже“, привѣтствуетъ Апостолъ истинныхъ христіанъ, „нѣси уже рабъ, но сынъ“ (Галат., 4, 7). И хранящіе таковое усыновленіе въ непорочности совѣсти своей, могутъ со дерзновеніемъ взывать Богу: „Авва Отче“ (ст. 6), то-есть, Благодѣтелю Господи! я въ Тебѣ нахожу не судію, строгостію правосудія меня устращающаго; не Владыку всѣхъ тварей, величествомъ Своимъ меня—послѣднѣйшую тварь яко въ ничто обращающаго; но нахожу въ Тебѣ любезнѣйшаго, сердобольнѣйшаго и нѣжнѣйшаго Отца, и потому гласомъ устъ и моего сердца безъ всякаго страха свободно взываю Тебѣ: „Авва Отче“. Но, напротивъ, которые такъ живутъ, какъ бы они не чувствовали ни гласа благодати, какъ бы они не видѣли ни свѣта истины, какъ бы они никаковою закона святостію не были обязаны,—тѣ теряютъ и преимущество усыновленія, и право наслѣдія, и становятся недостойными любви Того, Который любящія Его любитъ; и потому они всегда—въ страхѣ, чтобы не поразило ихъ оное изреченіе: „не вѣмъ васъ“. (Матѳ., 25, 12).

Въ плотскомъ рожденіи, сколько бы мы ни питали тѣло свое, сколько бы ни берегли оное, но всегда оно клонится къ тлѣнію, и разрушеніемъ всѣхъ частей должна пасть храмина наша. „Рожденное отъ плоти плоть есть“ (Іоанн., 3, 6). Но въ духовномъ рожденіи все есть не разрушаемо, все нетлѣнно, все безсмертно. Возженный духовнымъ рожденіемъ, свѣтъ не погасаетъ никогда: ибо онъ есть часть свѣта присносущнаго. На семъ-то основаніи и въ сей жизни тѣло и порабощено, и изнеможено, и можетъ быть терзаемо: ибо существу его свойственно есть разрушеніе. Но духъ непорочный, чистый, святый есть всегда свободенъ, твердъ, неприкосновенъ: ибо въ немъ есть сѣмя безсмертія.

Изъ сего сравненія плотскаго съ духовнымъ рожденіемъ видите, возлюбленные, какое есть преимущество одного предъ другимъ. Почтите сей великій даръ; мыслію своею почасту сходите въ священную купель, и духовнымъ въ ней погруженіемъ очищайте себя. Се, предстоитъ Христосъ Празднованіе сіе есть слава благодати Христовой, наша же душевная польза. Онъ крестился во Іорданскихъ водахъ, не требуя

для Себя очищенія, но для освященія нашего. Для того же творимъ мы и воспоминаніе сего благодатнаго дѣйствія, да пріимемъ участіе святости Его. Погружается святый крестъ во образъ крестившагося Господа: погрузимся и мы духовно, и симъ погруженіемъ очистимъ нечистоты свои. „Спогребохомся Христу“,—по Павлову слову,—„крещеніемъ въ смерть, да во обновленіи убо жизни ходити начнемъ“ (Римл., 6, 4). Аминь.

Слово при открытіи въ Калугѣ новаго намѣстничества *).

Съ начала міра сіе было благословеніе Божіе, да наполняетъ человѣкъ землю и владычествуетъ ею. Сіе владычество тѣмъ есть важнѣе, что оно представляетъ образъ Бога, надъ всѣми тварями верховно владычествующаго. А потому тѣмъ болѣе отъ человѣка требуется, дабы сей дражайшій залогъ благости Его хранилъ съ великимъ вниманіемъ. Ничто не можетъ быть славнѣе, какъ умѣть соблюсти сіе преимущество, такъ какъ и не соблюсти не токмо есть печально и постыдно, но и превращаетъ намѣреніе Бога, уставителя владычества на землѣ.

Симъ правомъ владычества, во-первыхъ, почтилъ Творецъ каждаго человѣка. Первая бо должность человѣка есть умѣть управлять самимъ собою, и всякъ въ самомъ себѣ найдетъ нѣкоторый образъ правимой области. Въ области случаются затрудненія, препятствія, усилія, недоброжелательства, вражды, превозмогательство. Благоразуміе начальника тотчасъ должно поспѣшить, чтобы облегчить затрудненія, отвратить благовременно препятствія, ослабить несправедливыя усилія, примирить недоброжелательства, угасить вражды, превозмогательства привести въ справедливую мѣру.

Состояніе всякаго человѣка имѣетъ нѣкоторое подобіе съ тѣмъ. Есть въ немъ разумъ, есть воля склонная къ добру, но есть и страсти, есть чувствъ презрѣнія. Нельзя изъ сего не произойти затрудненіямъ, препятствіямъ, борьбамъ, превозмогательствамъ однѣхъ склонностей противъ другихъ. Здѣсь-то требуется отъ благоразумія каждаго покорить страсти разуму и стать побѣдителемъ самого себя. Здѣсь каждый славно докажи, что ты имѣлъ счастіе соблюсти преимущество владычества, даннаго тебѣ отъ Творца. Здѣсь-то прямо увѣрь себя и другихъ, что не помраченъ въ тебѣ сіяетъ образъ Божій. Сіе благоразумное

*) Сказано въ Калужскомъ соборѣ 1777 года, января 15 дня.

управленіе каждаго самимъ собою справедливо можетъ почесться нужнѣйшимъ подкрѣпленіемъ всякаго правительства. Ибо, когда всякъ самъ себя управляетъ по правилу благоразумія и честности, правительство облегчается, успокоивается, и токмо остается ему, взирая, радоваться духомъ и съ удивленіемъ подписывать добродѣтели награжденія.

Но, при всей человѣческой осторожности, по не испытаннымъ судьбамъ страсть и порокъ дѣйствуютъ въ мірѣ; и нерѣдко случается, что при таковомъ ихъ усиліи, кажется, утѣсненная добродѣтель подъемлетъ руки и требуетъ отъ насъ помощи себѣ. Таковые случаи тѣмъ болѣе могли открываться, когда люди составили общества. Разныя человѣческія состоянія, разныя понятія о вещахъ, разныя сложенія, несходныя воспитанія, а потому несходные нравы, несовмѣстныя одного съ другимъ пользы и выгоды и прочія безчисленныя разности придали болѣе силы дѣйствовать страстямъ, а тѣмъ превращать порядокъ и покой общества.

Блаженство рода человѣческаго требовало, чтобы всѣ сіи различныя и несходныя части были соглашены въ единой главѣ, чтобы всѣ сіи разстройные члены оживилъ единый духъ мудраго правителя. Промыслъ Божій открылъ яснѣйшій тому примѣръ въ правленіи міра: противныя стихіи премудростію Онъ связалъ и соединилъ, и изъ противностей произволъ сладчайшее согласіе. Да и Божеское Его намѣреніе въ установленіи владычества на земли, о коемъ помянули мы съ начала рѣчи, наиболѣе относилось къ сему роду правленія.

Таковое владычество особливо и единственно сіяетъ въ достоинствѣ царскомъ. „Единственно“, говорю: ибо состоящіе подъ нимъ правители не составляютъ особливый родъ правленія, но суть нѣкоторое изліяніе власти царской. Должность сколь высокая, столь и важная! Высокая: ибо „Богъ ста въ сонмѣ боговъ“,—говоритъ Царь и Пророкъ (Псал., 81, 1), то-есть, правители земли суть нѣкоторые на землѣ боги, и, производящимъ имъ судъ, Самъ Богъ посредѣ присутствуетъ. „Богъ ста въ сонмѣ боговъ“; а потому и судъ ихъ почитается быть судомъ не человѣческимъ, но Божіимъ: „Малому и великому судиши, и не пріимеши лица человѣча, яко судъ Божій есть“ (Второз., 1, 17).

Должность же и важная: ибо если управлять самимъ собою есть обязательство великое, кольми же паче управлять множествомъ народовъ; если дать отчетъ въ собственныхъ дѣлахъ своихъ есть дѣло, требующее великаго вниманія и размышленія; то кольми паче—о всѣхъ подчиненныхъ дать отчетъ предъ судомъ Бога праведнаго и нелицепріемнаго. Чѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ званію своему сіи земные боги,—тѣмъ болѣе не токмо открываютъ образъ Божій въ себѣ, но и въ насъ сущій тотъ же образъ Божій приводятъ въ большее сіяніе. Ибо,

держа въ десницѣ своей владычество, они и дѣйствительнѣйшимъ образомъ споспѣшествуютъ собственному насъ самихъ владычеству.

Сею властію преимущества царскаго благодѣтельный Божій Промыслъ облекъ Великую Монархиню нашу; да не властію токмо, но вліялъ въ нее духъ Свой и украсилъ премудростію. Каковое благодѣяніе Божіе роду человѣческому есть добрый и мудрый начальникъ, теперь не изъясняю; довольно, если примемъ въ разсужденіе открывшійся нынѣ новый образъ правленія: довольно усмотримъ, каковое блаженство устроястъ намъ верховный свѣта Правитель въ таковыхъ особахъ.

Попечительная душа Великой Государыни нашей ясно понимаетъ, какое на рамена ея возложено отъ Промысла обязательство. Она, кажется, такъ разсуждаетъ сама въ себѣ: „Я призвана въ царское служеніе особливымъ дѣйствіемъ Провидѣнія: десница Вышняго возложила на главу Мою вѣнецъ, и тѣмъ учинила главою людей Его; вручила Мнѣ скипетръ и державу, и тѣмъ обязала издавать законы и судъ. Чувствую въ себѣ духъ владычній, духъ попечительнаго отца, духъ сердобольной матери. Вижу суды Божіи, вижу права Мои; знаю же, что Мнѣ, выше жребія человѣческаго вознесенной, тѣмъ не меньше надлежитъ дать отчетъ въ дѣлахъ Моихъ предъ престоломъ Царя царей. Пренебрегу ли столь великія обязательства? буду ли вотще носить образъ Его? нѣтъ! истощу Мои силы въ правомъ хожденіи путей Господнихъ; буду въ радости предъ Нимъ пѣть „Милость и судъ“ (Псал., 100, 1). Покой народа Моего есть дражае собственнаго Моего“.

Таковая Божественная мысль есть источникъ тѣхъ благоучрежденій, коимъ мы, или и весь свѣтъ удивляется. Ибо слава величества Государыни внутри и внѣ предѣлъ заставляетъ уже любопытнѣйшихъ испытывать, откуда Россія всему свѣту, какъ они говорятъ, учинилась столь страшною. Но почто испытывать? дѣла открыты и причины извѣстны. Все оное проистекаетъ изъ того, что Великая Монархиня представляетъ всю имперію свою семействомъ, а себя матерію, и не иначе входитъ въ оное, какъ попечительный отецъ—въ распоряженіе фамиліи своей.

Но мы оставимъ исчислять всѣ дѣла Монархини: ихъ исторія есть великая. Общее призваніе ея благодѣяній есть наилучшее дѣлъ ея повѣствованіе.

Мы коснемся сего новаго учрежденія. Отъ проницанія прозорливой Самодержицы не скрыто, что главнѣйшимъ предметомъ званія ея есть правосудіе, а порядокъ есть душа всего. Нѣтъ важнѣе, а притомъ и удобнѣе, какъ доходить до того средствами простѣйшими и естественными. Всякое удаленіе отъ сего пути причиняетъ затрудненіе. Чѣмъ прямѣе идемъ къ истинѣ, тѣмъ удобнѣе можемъ дойти до нея.

Когда же ищемъ оную чрезъ разныя излишнія изслѣдованія, чрезъ разныя тонкости, чрезъ разныя мелкости, чрезъ то отягощаемъ и самихъ себя и ищущихъ удовольствія, а между тѣмъ истина отъ очесъ нашихъ скрывается. Къ достиженію правосудія надобно, чтобы законъ былъ ясенъ и всякому вразумителенъ,—чтобы избраніе хранителей закона было порядочно и безпристрастно,—чтобы никакое состояніе не лишилось участія въ общемъ блаженствѣ,—чтобы всѣ, то-есть, впрочемъ различныхъ чиновъ и состояній, но всѣ будучи дѣти одного отечества, могли быть объемлемы равною любовію и попеченіемъ.

Все сіе въ учрежденіи, благополучное начало котораго мы празднуемъ, предохранено осторожнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ образомъ. Перстъ, начертавшій правила учрежденія сего, былъ руководствуемъ десницею Того, Имъ же „царіе царствуютъ, и сильные пишутъ правду“ (Притч., 8, 15). Особливо же мы можемъ примѣтить въ немъ сіи свойства превосходныя.

1-е). Намѣреніе общаго блага. Сей духъ оживляетъ всѣ уставы учрежденія. Кажется, да и по истинѣ такъ есть, что державнѣйшая Государыня не почитаетъ себя блаженною, развѣ узритъ вкупѣ блаженнымъ и народъ свой. Нѣтъ состоянія, до котораго бы не простирались справедливыя выгоды сего учрежденія. Благородное дворянство получило счастіе быть орудіями общаго блага. Почтенное купечество снабдѣно порядочнѣйшею расправою и обрадовано уважительными ободреніями, да и самому поселянству доставлено ближайшее удовольстіе къ полученію правосудія, и легчайшій способъ къ тишинѣ трудолюбивой ихъ жизни. Мы же, духовные, что?—Удобнѣйшее прохожденіе званія Господня. Ибо, при лучшемъ учрежденіи и исправленіи, нравы исправляются и бываютъ тѣмъ вмѣстительнѣе сѣмени слова Божія. Да и училища удостоены своего уваженія, гдѣ главнѣйшимъ правиломъ поставлено обученіе закона Божія, а черезъ то Церковь увеселяетъ себя надеждою новой своей красоты.

2-е). Человѣколюбіе. Всякое слово учрежденія сего клонится къ тому, чтобы во всѣхъ вдохнуть таковую любовь, какая есть между единоутробными. Кодръ, Аѳинейскій законодатель, издалъ законы строгіе, и потому объ оныхъ обыкновенно говорятъ, что они писаны кровію; а о законахъ дражайшей Матери отечества искренно можемъ сказать, что они писаны млекомъ матернимъ. Они своимъ предметомъ имѣютъ не тѣло, но духъ: тщетно для нихъ наказаніе тѣлесное, когда чрезъ то не исправляется духъ. Не свойственно имъ одно повелѣніе, когда къ тому не произведено внутренняго увѣренія, а притомъ приняты въ разсужденіе и общія человѣческія немощи. Всякое преступленіе разсуждается не просто потому, что—преступленіе, но по разсмотрѣнію состоянія, намѣренія, раскаянія, по мѣрѣ причиненнаго вреда. Таковыя

человѣколюбивыя установленія не могли произойти, развѣ отъ души человѣколюбивой.

3-е). Порядочный выборъ хранителей закона. Нѣтъ мѣста страсти, нѣтъ мѣста происканъ, нѣтъ мѣста другимъ, предвосхищающимъ заслугу и достоинство, способамъ. Все основано на единственномъ увѣреніи въ способности и достоинствѣ каждаго, да и нѣтъ удобности вкрасться страсти: ибо кто самъ себѣ изберетъ судію таковаго, ни о способности, ни о справедливости котораго не былъ бы увѣренъ? да и пресѣчена дорога къ извиненію тому, который подвелъ бы себя подъ строгость закона: ибо осуждается тѣмъ, избраніе котораго самъ утвердилъ. А добродѣтельный пріемлетъ награжденіе свое съ радостнѣйшимъ лицемъ, когда пріемлетъ отъ руки того, о безпристрастіи котораго внутренно увѣренъ.

Таковое святое учрежденіе не можетъ быть безъ своего успѣха и плода, развѣ злоупотребленіе дерзнуло бы превращать наилучшія вещи въ свѣтѣ. Но благонадежно, что таковымъ, мудраго установленія, образомъ избранные судіи споспѣшатъ божественнымъ намѣреніямъ Великой Монархини нашей.

Что же мы принесемъ въ благодарность Ея Императорскому Величеству? Что бы мы ни принесли, все будетъ меньше ея благодѣяній. А если что ея достойно, если что удовольствовать можетъ матернее ея сердце, то—исполненіе каждымъ званія своего.

Потщимся убо здѣсь изъявить ревность свою; потщимся доказать, что, какъ таковая Монархиня достойна таковой имперіи, такъ и мы достойны быть подданными Великой Екатерины. Паче же прибѣгнемъ къ Богу, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, испросимъ Всемогущаго Его благословенія на счастливо начинаемое дѣло, прольемъ усерднѣйшія молитвы о здравіи и благоспѣшествѣ дражайшей Матери отечества, и высокаго Наслѣдія ея, да изливаетъ Онъ дары Свои на главу ея изъ небесныхъ сокровищъ, и тѣмъ да облегчаетъ и увеселяетъ подъемлемые ею для нашего блаженства труды и попеченія. Аминь.

Слово при открытіи присутственныхъ мѣстъ въ новоучрежденномъ Калужскомъ намѣстничествѣ *).

„Азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете, и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ“. (Іоанн., гл. 15, ст. 16).

Въ насажденномъ рукою Великой Екатерины вертоградѣ уже избраны и дѣлатели. Избраны тѣ, коимъ поручены къ храненію свя-

*) Сказано въ Калужскомъ соборѣ 1777 года, января 25 дня.

щепныя правила благоразумнаго учрежденія. И потому, сколько таковые почтены особливымъ счастіемъ отъ Промысла, столько заслуживаютъ, чтобы мы, по усердію къ отечеству своему, привѣтствовали ихъ съ таковымъ благополучнымъ, падшимъ на нихъ, жребіемъ, пріемля въ ихъ радости участіе не иначе, какъ бы то было собственное счастіе наше. Ибо все то, что отъ нихъ можетъ ожидать отечество, относится не столько къ ихъ, сколько къ общей пользѣ.

Но какъ всякое дѣло свое пріемлетъ увѣнчаніе отъ благопоспѣшнаго конца, то потому есть важнѣе всего умѣть избирать и хранить средства, благополучно къ концу приводящія. Ибо мудрость, по разсужденію любомудрцевъ, поставляется не въ иномъ чемъ, какъ въ избираніи пристойнѣйшихъ средствъ, благопоспѣшно приводящихъ къ концу.

И потому при семъ случаѣ Церковь Божія, почитая васъ, почтеннѣйшіе сыны отечества, искренними чадами своими, возлагаетъ на меня, недостойнаго ея служителя и пастыря, пріятнѣйшій долгъ—въ краткости словъ изъяснить *существо правосудія:* ибо оно есть конецъ сего учрежденія; и какія надлежитъ хранить средства, ведущія къ сему славному концу, не для того, чтобы вы не были одарены довольнымъ просвѣщеніемъ о сей важной матеріи, но дабы открыть, что то же самое утверждаетъ и слово Божіе, что каждому изъ васъ собственное благоразуміе и честность предписываютъ. Почему не тщетно обнадеживаю себя, что благопріятнымъ можетъ вамъ показаться такое наставленіе, которое уже вы находите въ душевномъ своемъ расположеніи.

Существо правосудія состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлять каждому свое. Сіи два слова: „Каждому свое“, суть кратки, но содержатъ въ себѣ великую силу. „Каждому“, то-есть всякаго чина, въ какомъ бы кто ни былъ, всякаго состоянія, сколько бы оно низко ни казалось, ежели только быть можетъ какое-либо въ обществѣ состояніе низкое, и богатому и убогому, и высокопочтенному и послѣднѣйшему земледѣльцу, и окруженному ходатаями и беззаступному, и сиротѣ и вдовицѣ, и гражданину и пришельцу, и пріятелю и недругу; однимъ словомъ, каждому. „Свое“, то-есть, что кому принадлежитъ по справедливости, что предписываетъ законъ, чего требуетъ его счастіе, чего требуетъ общая польза: „свое“, чтобы при всякомъ безопасно и ненарушимо оставалось то, что онъ трудами своими получилъ, что исправностію своею заслужилъ, чего ободреніе требуетъ его къ вящшимъ подвигамъ: отвратить, что препятствуетъ ему достигнуть до своей законной пользы, до своей законной награды; возвратить, что отняла отъ него вышедшая изъ предѣловъ власть, чѣмъ сильный завладѣлъ, чему недоброжелатель воспрепятствовалъ, въ чемъ случай его обезсилилъ. Все сіе и подобное

Моленіе о чашѣ. Съ картины извѣстнаго художника проф. *А. Ѳ. Бруни.* Исполнена на металлѣ въ 18 красокъ. Разм. $12^1/_2 \times 9$ д. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 40 коп

Избранныя пѣснопѣнія православной церкви. Для смѣшаннаго хора (дискантъ, альтъ, теноръ, басъ), съ переложеніемъ для фортепіано. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

СОДЕРЖАНІЕ СБОРНИКА: 1) Съ нами Богъ. Моск. нап. 2) Христосъ воскресе. Соч. Арх. *Ѳеофана.* 3) Тѣло Христово пріимите. Моск. нап. 4) Радуйся, невѣста неневѣстная. Тоже. 5) Славно бо прославися и Господа пойте. 6) Воскресни Боже. 7) Господи, прежде даже до конца. 8) Святъ Господь Богъ нашъ. 9) Во царствіи твоемъ. Моск. нап. 10) Не отвратн лица Твоего. Тоже. 11) Далъ еси достояніе Твое. Моск. нап. 12) Господи помилуй. Уральск. нап. 13) Душе моя. Муз. *В. М. Орлова.* 14) Чертогъ Твой, *его же.* 15) Господи, спаси благочестивыя и Святый Боже. 16) Тебѣ поемъ. Муз. *В. М. Орлова.* 17) Отца и Сына, *его же.* 18) Единъ Святъ, *его же.* 19) Херувимская, *его же.* 20) Хвалите имя Господне. Муз. *И. Д. Лаврова.* 21) Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу. Симоновск. нап., соч. Іером. *Виктора.* 22) Свыше призирая, *тоже.* 23) Милость мира и Тебѣ поемъ. Рост. нап., перелож. *Ф. Е. Степанова.* 24) О Тебѣ радуется. Греч. распѣв., перелож. свящ. *В. М. Металлова.* 25) Благообразный Іосифъ. Болгарск. расп. Перел. *онъ же.* 26) Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ. Муз. *А. А. Архангельскаго.*

Художественный альбомъ. «Русскаго Паломника». Десять картинъ знаменитыхъ русскихъ художниковъ. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

1. **Блудная жена.** Съ карт. академика *В. Д. Поленова.* 2. **Великій постригъ.** Съ карт. академика *М. В. Нестерова.* 3. **Въ Колизеѣ.** Съ карт. проф. *К. Д. Флавицкаго.* 4. **Жертвоприношеніе Исаака.** Съ карт. *Е. Р. Рейтерна.* 5. **Христосъ у Марѳы и Маріи.** Съ карт. проф. *Г. И. Семирадскаго.* 6. **Явленіе Христа Маріи.** Съ карт. *А. А. Иванова.* 7. **Смерть Св. митрополита Филиппа.** Съ карт. академика *А. Н. Новоскольцова.* 8. **Соборованіе.** Съ карт. академика *Н. П. Богданова-Бѣльскаго.* 9. **Преподобный Алипій иконописецъ.** Съ карт. академика *В. Е. Раева.* 10. **Послѣдняя вечеря.** Съ карт. академика *Н. Н. Ге.*

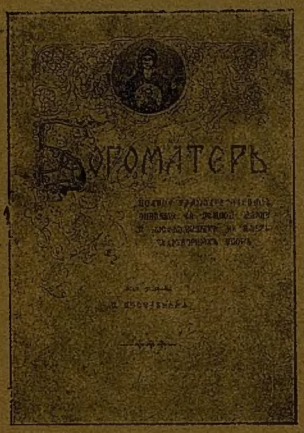
Альбомъ „Народы Россіи" (Бѣлорусы.—Великорусы.—Малорусы.—Поляки.—Латыши.—Литовцы.—Татары.—Евреи.—Цыгане.—Эсты.—Нѣмцы.—Черемисы.—Мордва.—Финны.—Персы.—Грузины.—Черкесы.—Армяне.—Гурійцы.—Калмыки.—Текинцы.—Киргизы.—Таджики. — Самоѣды. — Якуты. — Гольды. — Чукчи. — Лопари.— Гиляки.) Извѣстн. худож. *Е. П. Самокишъ-Судковской.* Въ изящной художественной папкѣ. Цѣна 50 коп.

Альбомъ фототипій 20 художественно исполненныхъ фототипій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Въ изящной папкѣ, исполненной *Е. П. Самокишъ-Судковской*. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Съ требованіями обращаться въ Книгоиздательство П. П. Сойкина
(С.-Петербургъ, Стремянная 12, собств. домъ).

Полный каталогъ издательства высылается безплатно.

Книгоиздательство П. П. Сойкина. Спб., Стремянная, 12.



БОГОМАТЕРЬ.

Полное иллюстриров. описаніе ея земной жизни и посвященныхъ ея имени чудотворныхъ иконъ.

Подъ редакціей Е. Поселянина.

Цѣна 2 р. 50 к., въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ переплетѣ 3 руб. На пересылку добавлять 50 коп.

Повѣствованіе объ иконахъ Богоматери—это повѣсть о милосердіи Пречистой Дѣвы къ усыновленному Ею на крестѣ человѣчеству. Это—сказанія о посѣщеніи Царицею небесъ земныхъ людей. И читая ихъ, чувствуешь связь земного и небеснаго, и оживаетъ въ душѣ вѣра. Давая въ настоящей книгѣ, кромѣ описанія иконъ Богоматери, въ связи съ исторіей ихъ прославленія и совершившихся отъ нихъ чудесъ, еще очеркъ земной жизни Пресв. Дѣвы и установленныхъ въ честь ея праздниковъ православнымъ читателямъ предлагается золотая книга, содержаніе которой подтверждаетъ и отраднѣйшія слова самой Заступницы рода христіанскаго: „Благодать Моя и рождшагося отъ Меня съ Моими иконами да будетъ".

ПРАВОСЛАВНЫЯ РУССКІЯ ОБИТЕЛИ.

Полное иллюстрированное описаніе всѣхъ православныхъ русскихъ монастырей въ Россійской Имперіи и на Аѳонѣ. Съ многочисленными снимками съ гравюръ и фотографій монастырскихъ видовъ, святынь и достопримѣчательностей.

Цѣна 2 р. 50 к., въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ переплетѣ 3 руб. На пересылку добавлять 50 коп.

Хранители вѣры и благочестія, неизмѣнные стражи вѣковыхъ устоевъ русской жизни, защитники въ борьбѣ съ язычествомъ и сектантствомъ, свидѣтели роста и крѣпости родного отечества, сокровищницы величайшихъ святынь православія и памятниковъ русской старины, тихія пристанища отъ житейскихъ бурь,—вотъ чѣмъ являются монастыри для всякаго христіанина.

Помимо подробнаго описанія обителей, въ книгѣ указаны пути сообщенія съ каждымъ монастыремъ, съ цѣлью дать читателямъ поистинѣ **„Настольную книгу православныхъ святынь и достопримѣчательностей"**.

Полный каталогъ Книгоиздательства П. П. Сойкина высылается по первому требованію безплатно.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная ул., собств. д., № 12.